

Институт истории искусств на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

Цель настоящей работы – реконструировать по сохранившимся документам последний малоизвестный период «трудов и дней» Института Истории Искусств¹ и историю его «ликвидации».

Сведения об этом Институте, особая роль которого в культурной жизни Петербурга 1920-х гг. широко известна, основывались, в основном, на мемуарных источниках, появлявшихся в эмигрантской (с 1960-х гг.) и советской (с 1970-х гг.) печати. Следует заметить, что о последних годах существования Института и о его ликвидации в указанных воспоминаниях не говорится, что вполне объяснимо. Мемуары о нем стали появляться в печати в 1970-х годах, когда писать о разгроме одного из лучших научно-учебных заведений, считалось цензурно «неудобным»². В дипломатичной форме об этом упоминается только в воспоминаниях А. В. Федорова³, где ликвидация Государственного Института Истории Искусств названа первоначальным официальным термином «реорганизация». И лишь в опубликованных в 1990-м году мемуарах Л. Я. Гинзбург, специально посвященных Институту, впервые прямо говорится о целенаправленной ликвидации: «В конце 20-х годов начались гонения на ГИИИ, а к 30-му году Институт был окончательно разгромлен и уничтожен в качестве “гнезда формализма”»⁴.

Первой и единственной попыткой воссоздать историю ГИИИ и сообщить какие-то сведения о его ликвидации была статья Любови Шаповаловой⁵. Правда, в ней излагается не столько история Института, сколько история формальной школы в Словесном отделении Института. Статья построена с привлечением работ формалистов, критической прессы и ранних исследований (Эрлих и Струве), а также на мемуарах Зубова,

---

¹ Институт Истории Искусств (ИИИ) в конце 1920 года получил статус российского (РИИИ), а с 1925 – государственного (ГИИИ); Для простоты в статье он часто называется просто Институтом.

² Эти ранние воспоминания собраны в кн.: Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общей редакцией И. В. Сэпман. СПб., 2003; сюда же включены мемуары, опубликованные в постсоветское время, однако и они не содержат сведений о ликвидации ГИИИ.

³ Федоров А. Фрагменты воспоминаний // Воспоминания о Тынянове: Портреты и встречи. М., 1983. С. 101.

⁴ Гинзбург Л. Я. Вспоминая Институт Истории Искусств... // Тыняновский сборник: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 281. С купюрами вошло в кн.: Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 55-64.

⁵ *Shapovaloff L. The Russian State Institute of Art History: Its contributions to literary scholarship and its liquidation // Записки русской академической группы в С.Ш.А. Т. VI. N.-Y., 1972. S. 115-159.*

касающихся первых лет существования Института⁶. Сведения же о ликвидации ГИИИ базируются на погромной статье в «Литературной энциклопедии» (т. 4. М., 1930), с присущими тому времени огульными обвинениями, и на некоторых сведениях, устно сообщенных не названным в исследовании информантом (возможно, В. А. Кавериним), со слов которого Институт был распущен за формализм в один из последних дней ноября 1929 года, по распоряжению некоей комиссии, возглавляемой С. А. Малаховым⁷.

Чтобы восстановить реальную историю ГИИИ и уточнить настоящие причины его «разгрома», необходимо обратиться к архивным документам.

Прежде всего это документы, которые отложились в канцелярии Института – протоколы заседаний Президиума и Ученого совета, заседаний разных отделов и комитетов, стенограммы и протоколы научных заседаний и собраний, отчеты и производственные планы и т. д. Они предназначались для отправки «по начальству», фиксируя (с той или иной степенью достоверности) внутреннюю жизнь Института. Этот огромный корпус документов, сохранившийся в ЦГАЛИ СПб. в виде архива ГИИИ (ф. 82) и архива ВГКИ (Высших государственных курсов искусствоведения при ГИИИ – ф. 59)⁸, в настоящей статье использован выборочно, лишь в той части, где речь идет о последних годах Института. Сюда же относятся, так сказать, «внешние» официальные документы – циркуляры советских чиновников различных рангов и ведомств: рескрипты, разнарядки и прочие распоряжения, поступавшие в Институт. Часть этих документов хранится в указанных фондах Института и Курсов, а часть, в том числе общие циркуляры по различным подразделениям Наркомпроса и специальные документы комиссий по проверке и по ликвидации ГИИИ, были выявлены в ГА РФ (Москва): в фондах: Главнауки (ф. 2307), Главпрофобра (ф. 1565), Наркомпроса (ф. 2306), ГУСа (ф. 298), Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (ф. 4655, РАНИОН), Комиссии НК РКИ (ф. 406), и СНК РСФСР (ф. 259).

К третьей группе материалов относятся в какой-то части опубликованные документы, описывающие жизнь Института «изнутри» (дневники, письма и т. д.), которые особенно ценны тем, что помогают дешифровать официальные документы⁹. Следует заметить, что многие из

---

⁶ *Зубов В.* Институт истории искусств: Страницы воспоминаний (II) // Мосты. 1963. № 10. С. 370-391: с купюрами републиковано в указ. сб.: Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 14-32.

⁷ *Shapovaloff L.* The Russian State Institute of Art History. S. 152-154.

⁸ На этих архивных материалах, благодаря поддержке Американского совета научных сообществ (American Council of Learned Societies), нами был опубликован ряд работ, касающихся конкретных эпизодов жизни различных подразделений Института (ссылки на них см. ниже).

⁹ Из документов домашнего архива особую ценность представляют сохранившиеся официальные и дружеские письма последнего директора Института Ф.Ф.Шмита, которые содержат сведения о последних днях и ликвидации ГИИИ (ЦГАЛИ СПб., арх. Ф.И Шмита, ф. 389), частично они были включены в воспоминания об отце П.Ф.Шмит (Шмит

сотрудников и студентов Института, так же, впрочем, как и лица, участвовавшие в его разгроме и ликвидации, прошли через чистки, аресты и сталинские лагеря, и их архивы в большинстве своем пропали. В сохранившихся же личных архивах людей, причастных к Институту, материалы по ГИИИ, особенно касающиеся его чистки, реорганизации и ликвидации, как правило, отсутствуют. Кроме того, некоторые архивы не поступили в государственные учреждения, другие еще не обработаны, а ряд фондов, в частности, известных институтских деятелей оказались в настоящее время закрыты. Дальнейшие поиски и выявление архивных материалов по Институту еще требуют серьезных усилий. Таким образом настоящая работа далеко не исчерпывает заявленную тему. По мере дальнейших разысканий гипотетически высказанные в ней соображения будут корректироваться, а факты пополняться.

В силу объективных причин тотальное наступление на науку началось несколько позже, чем на остальные сферы материальной и духовной жизни Советского государства. На протяжении 1920-х годов отрабатывались методы и выработывалась доктрина партийного руководства наукой. Механизм ломки существующей системы академических и научных учреждений был запущен на полную мощь лишь на рубеже 20-х – 30-х годов.

Из дореволюционных научных центров в первую очередь реорганизации подверглись вузы, поскольку идея ослабить влияние «буржуазных» профессоров на студентов зародилась сразу по окончании гражданской войны. Сюда относится реформа управления вузами (новый устав 1921 г.), с запретом свободных выборов профессоров и внедрением в преподавательский состав коммунистов и марксистов, а также регулирование классового состава учащихся и введение в учебные программы «общественных» предметов¹⁰.

Что касается академической науки, то, хотя Наркомпрос уже в 1919 году выдвигал в качестве первоочередных задач «учет, систематический подсчет, организацию и координацию ученых учреждений», работу которых следовало централизовать и подчинить единому партийному органу, для «устранения замкнутости и кастового духа»¹¹, но механизмов для чаемого

П. Ф. Жизнь Федора Ивановича Шмита. Ч. 2 // ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 166; в небольшой части опубл.: Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 191–214).

¹⁰ Мы имеем в виду вышедшее 4 марта 1921 года постановление Совнаркома, за подписью В. Ульянова (Ленина), по которому требовалось обязательное изучение «во всех высших школах» «общего научного минимума» (истмата, диамата и редуцированных по марксистской схеме исторических дисциплин).

¹¹ Из отчета Научного отдела Наркомпроса за 1917-1919 гг. о задачах в области организации науки // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925): Сборник документов. Л., 1968. С. 33, 35.

централизованного руководства еще не было. Кадровая политика, столь эффективная впоследствии, вступала в противоречие с лозунгом привлечения в науку «старых опытных специалистов». Следует иметь в виду, что вера в научное знание и техническую революцию была в те годы особенно велика: именно «научное знание» было провозглашено «основным, могучим и всепреодолевающим рычагом и обосновывающей опорой социалистического государственного строительства»¹².

О наступательном движении партийно-государственного аппарата на науку косвенно свидетельствует смена руководителей Главнауки, того подразделения Наркомпроса, которому подчинялись научные учреждения. До середины 1923 года заведующим этого подразделения был И. И. Гливенко, филолог, профессор дореволюционной формации, не имевший до работы в Наркомпросе опыта партийного руководства и более известный как член и один из организаторов в 1922 году Русского психоаналитического общества. За ним Главнауку возглавлял старый большевик Ф. Н. Петров (1923–1927), медик по образованию, закончивший университет до революции (1902) и начавший карьеру партийного чиновника как министр здравоохранения Дальневосточной республики (1920). Судя по сохранившимся документам, он был осторожен, но вполне лоялен к Институту и, по мере возможностей, пытался помочь его материальным нуждам; он предотвратил поползновение ликвидировать Институт еще в середине 1920-х годов. Возглавивший Главнауку в 1929-1930-е годы И. К. Луппол был из числа ответственных работников иной формации. По окончании юридического факультета Московского университета (1919), он закончил Институт красной профессуры; возглавив кафедру марксистско-ленинской философии в нем, а также став директором Института К.Маркса и Ф.Энгельса, он являл собой одну из разновидностей образованных «красных профессоров» и «красных директоров». Кстати, как будет видно из дальнейшего изложения, Луппол тоже пытался препятствовать разгрому Института, но, в конце концов, оказался бессилем противостоять «великой ломке». Напомним, что в сентябре 1929 года был смещен с поста нарком Луначарский, придерживавшийся (особенно вначале) толерантной тактики руководства научными учреждениями, и на смену ему пришел управленец и функционер, член РВК, начальник Политуправления РККА и член ВЦИК и ЦИК СССР, А.С.Бубнов.

Судя по переписке с вышестоящими инстанциями, сохранившейся в фонде Института, можно проследить, как в период правления Зубова, благодаря его связям и многочисленным уловкам, с помощью затягивания, откладывания и формальных отписок, а в крайних случаях – апелляциям к вышестоящим инстанциям, ему удавалось спасать Институт от нелепых постановлений ретивых партийных чиновников и до конца своего директорства сохранить прежний состав администрации, руководителей

---

¹² Там же. С. 33.

отделов, научных и технических сотрудников и прежнюю систему управления.

Институт являл собой достаточно сложный конгломерат, состоящий из четырех самостоятельных научно-учебных учреждений. Каждое отделение имело свои подразделения (секции, комитеты, кабинеты, комиссии), занималось своими разработками, базировалось на своем материале, объединяя специалистов различной ориентации. Наибольшую известность приобрело Словесное отделение, ядро которого составляли замечательные филологи, представители так называемой, «формальной школы». Но близкий «спецификаторский» подход к произведениям искусства и новаторский пафос исследований был присущ Институту в целом. Использование новых научных методов искусствознания (в том числе и экспериментаторских), выработка своего научного языка для описания конкретных художественных произведений, вовлечение в сферу изучения новых, до сих пор не изучавшихся явлений искусства, – все это было характерно и для работы других его отделов и подразделений.

Административное и хозяйственное руководство было в руках Зубова. Но организацию научной работы осуществляли Президиум и Ученый совет, в состав которых входили руководители факультетов¹³ и наиболее опытные и авторитетные научные сотрудники. По-прежнему, выдвижение на научные и руководящие должности осуществлялось силами самого Института (того или иного подразделения), а избрание утверждалось Президиумом. До поры до времени Коллегии Главнауки и ГУСа при Наркомпросе не вмешивались в этот процесс и лишь формально подтверждали все институтские выдвижения, назначения и начинания. Благодаря удачно сложившимся обстоятельствам, Институту почти до самого конца удалось сохранить и внутреннее единство учебного и научно-исследовательского процессов, которое было характерно для дореволюционных университетов, а также избежать классового отбора студентов¹⁴.

«Социологический метод»

К середине 1920-х годов сепаратизм научных учреждений явно стал раздражающим для властей фактором. На примере функционирования ГИИИ

---

¹³ Факультеты с 1921 года стали называться разрядами, а в 1926 года – отделами. В последние годы на них были перенесены аббревиатуры связанных с ними факультетов ВГКИ, и отделы даже в официальных бумагах стали кратко называться ИЗО, ТЕО, МУЗО. ЛИТО.

¹⁴ См. об этом в нашей публикации «Гимн формалистов» (Natales grate numeras?: Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008). Заметим, что директивные резолюции о мерах «к улучшению социального состава слушателей» появились поздно, кажется впервые в «Докладе т. Крейса об обследовании Курсов искусствознания при Институте истории искусств» от 7 марта 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 41, л. 96).

можно проследить, как осуществлялось давление на научные институты и каким образом до поры до времени удавалось избежать прямого государственно-партийного руководства ими.

Первое ожесточенное и целенаправленное наступление на Институт было предпринято в последний год зубовского правления, когда РИИИ подвергался многократным обследованиям, инспекциям и ревизиям, с помощью которых осуществлялся контроль за наукой¹⁵. Отметим, что выводы о научной работе, сделанные Комиссией от Петроградского Управления научными учреждениями под предводительством академика Н. Я. Марра (конец 1923 года), касались пока исключительно организационных моментов. Высоко оценивая потенциал научных исследований Института, Комиссия все же ставила на вид: а) несогласованность работы всех отделов, б) дублирование некоторыми подразделениями работы смежных институтов, а также в) излишнюю «музеефикацию», т. е. игнорирование изучения современного искусства¹⁶.

Бумажные отписки с рапортом об устранении отмеченных недостатков (обычная тактика Зубова для сохранения status quo) оказались недостаточными, и директору пришлось предпринять кое-какие шаги по реорганизации структуры Института, что нашло отражение в отчетах и планах 1924 года. Здесь, акцентируя внимание на выполнении поставленных комиссией задач, Зубов предлагал «пересмотр внутриразрядной конструкции» и «образование Междуразрядного Комитета по вопросам общего искусствознания и эстетики» в целях «спайки» отделений и выработки единой теории «в четырех его областях: изобразительных искусств, музыки, театра и словесных искусств». Для изучения современного искусства Зубов планировал создать особые подразделения в каждом отделе Института¹⁷. Заметим, кстати, что названное в отчете «коренным» это «реформирование» кардинально не изменило жизнедеятельности Института, а главное, не потребовало ни пересмотра кадров, ни принципов управления.

Однако зубовские реформы явно не удовлетворили руководство, и в сентябре 1924 года в Институте работала уже куда менее доброжелательная Комиссия от ЛОГа (Ленинградского отделения Главнауки). Ее требования отражали не только субъективную неприязнь к директору (как полагал Зубов

---

¹⁵ «Двенадцатый год существования Российского Института Истории Искусств может быть characterized как год ревизий и обследований», – писалось в «Отчете о деятельности РИИИ» за этот год. И далее перечислялись следующие комиссии и ревизии, кроме нижеуказанной комиссии Марра: «сократительные комиссии под председательством тов. Ятманова и тов. Когана <т.е. комиссии по сокращению штата Института>. Потом было назначено обследование Института товарищами С. К. Исаковым и тов. Смайловским. Наконец, в настоящее время производится ревизия хозяйственной части М. О. Хейфицем и тов. Фандиковым» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 36, л. 158).

¹⁶ Материалов этой ревизии обнаружить не удалось, но ее выводы изложены в том же «Отчете» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 36, л. 158—159)

¹⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 36, л. 158—159, 161б—161с.

и позже писал об этом в своих мемуарах), но и некую общую идеологическую тенденцию. Вероятно, с деятельностью этой Комиссии Шмит связывал первую попытку ликвидации Института, когда в письме в Комиссию по чистке от 10 июля 1930 года таким образом излагал историю Института: «С Зубовским Институтом надо было покончить. Такое именно решение и было принято в начале зимы 1924/25 г. на съезде директоров учреждений Главнауки. Вопрос был только в том, как это сделать. Можно было <...> разогнать весь институт или раскассировать. Кажется таково и было предложение особой Комиссии <...> Тем не менее Главнаука (Ф. Н. Петров) рассудила иначе»¹⁸.

Требования Комиссии являли собой одновременно попытку провести «кадровую политику» и осуществить контроль за идеологией. Результатами инспекции стало «заключение» о «необходимости внести оздоровление в работу Института», в связи с чем комиссия поставила перед Художественным отделом Главнауки задачи «детально ознакомиться» «с методами, применяемыми в работах Института», «озаботиться усилением Института работниками с материалистическим мировоззрением», а также «ввести в Правление Института ответственных, квалифицированных работников-коммунистов». Здесь же был поставлен вопрос о необходимости «воспитания молодняка – в марксистском направлении», чтобы новые кадры «могли бы в дальнейшем прийти на смену идеологически чуждым работникам музейных и художественных учреждений»¹⁹.

Эта первая попытка смены кадров в полную меру не удалась. Правда, сразу после ухода Зубова с поста директора (т. е. в самом конце 1924 года) было назначено новое Правление РИИИ в составе трех функционеров (З. Л. Шадурской, Ф. К. Лехта и П. И. Новицкого), но оно оказалось нежизнеспособным: эти чиновники, возглавлявшие различные подразделения Наркомпроса и загруженные партийно-административной работой, присутствовали только на нескольких первых заседаниях Правления, а затем исчезли из Института²⁰. И через год новый директор вынужден был вместо фиктивных членов, назначить себе реальных помощников и ввести в Правление, как это было и при зубовском Президиуме, знающих институтскую работу опытных и авторитетных сотрудников²¹.

---

¹⁸ ЦГАЛИ СПб., арх. Ф. И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 6, л. 14—19. Далее в письме говорится о том, что по отношению к формалистам он «получил директиву: “Не разгонять, а перевоспитать”».

¹⁹ См. «Заключение по инспекции Института истории искусств комиссией в составе Петрова, Кристи и Гагарина от 15 сентября 1924 г.» // ГА РФ, ф. 2307, оп. 4, д. № 53, л. 63–65.

²⁰ П. И. Новицкий, будучи заведующим Художественным отделом Главнауки, продолжал курировать Институт и, по возможности, оказывал поддержку Шмиту, которому он симпатизировал (оба они были филологами и закончили один и тот же Петербургский университет).

²¹ В начале 1926 г. (29 января) на шестнадцатом заседании Правления было решено «ходатайствовать перед Главнаукой о расширении состава Правления ГИИИ, введя в него

Давление на идеологическую сферу оказалось более действенным. Мы имеем в виду первый пункт заключения ЛОГа, с рекомендацией Художественному отделу Главнауки «детально ознакомиться» «с методами, применяемыми в работах Института». В декабре 1924 года в Институт была направлена Комиссия, под руководством представителя московского отделения Главнауки, товарища А. И. Карпова. Она уже не скрывала свою чисто идеологическую направленность, являясь проводником государственной политики внедрения социологического метода изучения произведений искусства. Под социологическим подходом понимался анализ произведений искусства с марксистских, а точнее с классово-идеологических позиций. Результатом ее деятельности было создание внутри научных и учебных заведений социологических комитетов. Внедрение подобных структур получило широкое распространение к середине 1920-х годов. Соцком был создан и в ГИИИ, причем раньше, чем во многих других научных центрах²².

В свое время нам приходилось писать о внутренних интригах в Институте во время смещения Зубова²³. Главной пружиной их был единственный к тому времени в Институте член ВКП(б), по слухам связанный с ГПУ – сотрудник Я. А. Назаренко. Пока был у власти старый директор, Назаренко не удавалось развернуться, но с приходом нового директора Ф. И. Шмита он стал быстро делать карьеру: вошел в Правление Института²⁴ и стал возглавлять Соцком. Заметим, что Комитет был официально учрежден 6 февраля 1925 года на заседании Правления; его председателем был избран А. А. Гвоздев, а ученым секретарем А. И. Пиотровский²⁵. Но уже 9 октября 1925 года на заседании Правления была удовлетворена просьба Гвоздева освободить его от обязанностей председателя Соцкома²⁶. Через несколько месяцев им становится Назаренко.

Ф. И. Шмиту приходилось все время лавировать и демонстрировать лояльность к новым наркомпросовским постановлениям и кампаниям. Конечно, положение директора требовало диалогических отношений с господствующей властью. Этого требовало и положение Института,

---

Председателей всех Отделов» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 106). А 26 марта 1926 г. на заседании Ученого Совета были избраны 5 членов Правления, среди которых оказались руководители трех отделов Жирмунский, Гвоздев и Вальдгауер (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 16, л. 40).

²² См. об этом: *Кумпан К.* К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009.

²³ См.: *Кумпан Ксения.* Казимир Малевич и сотрудники ГИНХУКа в ГИИИ (По материалам Центрального Государственного Архива Литературы и Искусства Санкт-Петербурга) // *Pietroburgo – capitale della cultura Russa.* Т. II. Salerno. 2004. P. 349–406.

²⁴ Назаренко был директивно введен в Правление «согласно постановления Комиссии ЛОГ от 17 ноября 1924 г.» (ГА РФ, ф. 2307, оп. 4, ед. хр. 53, л. 36, 37).

²⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 11, л. 26 об.

²⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 16, л. 5.

находящегося постоянно под дамокловым мечом. Но в какой-то мере сервильность риторики в докладных бумагах Шмита можно объяснить биографическими причинами²⁷. При этом, будучи воспитан в традициях старой интеллигенции, Шмит искренне хотел постичь, в какой мере спущенная сверху социологическая методология применима к произведениям искусства. Он считал себя теоретиком и методистом и, будучи систематизатором и классификатором, серьезно подошел к изучению вопроса, о чем свидетельствуют и его статья «Проблемы методологии искусства»²⁸, и брошюра «Предмет и границы социологического искусствоведения»²⁹.

Социологический метод в вышестоящих инстанциях как раз к этому времени ставится во главу угла. Институт явно вызывал раздражение и на него было обращено пристальное внимание чиновников Наркомпроса. В апреле 1925 года на заседании ответственных работников Художественного отдела Главнауки ему был «поставлен на вид» «резко выраженный уклон к формально-теоретическому изучению» и предписано: «сосредоточить все свое внимание» «на социологическом искусствознании»³⁰. И Шмит в официальных справках, отчетах и планах всячески рекламирует и педалирует «важнейшую роль» Соцкома в жизни Института. Так уже в первом «Кратком очерке научной деятельности РИИИ», датированном 28 февраля 1925 года, он пишет: «Основанием исторических и теоретических исследований Института все чаще становится метод *социологического* изучения искусств; это вызвало, помимо образования социологических секций при каждом Разряде, выделение из среды Института особого межразрядного Комитета по Социологии Искусства; его задачей является углубленная разработка социологического метода в применении его к системам различных

---

²⁷ Ф. И. Шмит, видный византолог, относился к числу тех либеральных профессоров старой формации, которые с радостью приняли Февральскую революцию, но не смогли сразу подчиниться большевистскому режиму. Во время денкинского правления он подписал опубликованное в местной харьковской газете воззвание интеллигенции, ратовавшей за освобождение от кровавого террора, и это его первое и последнее политическое выступление стало для него роковым. Дальнейшее отбывание наказания (был приговорен Харьковским Чрезвычайным Революционным трибуналом к трем годам принудительных работ условно) он был обязан отмечать во всех анкетах, как и другие нелюбимые для советского гражданина факты своей биографии (его старшие брат и сестра были эмигрантами, а он сам, во время Первой мировой войны, оказавшись в Германии, находился какое-то время в статусе военнопленного) (ЦГАЛИ СПб., арх. Ф. И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 157, л. 34). Совершенно понятно, что при сталинском режиме он должен был попасть под каток репрессий. Но в 1920-е годы этим фактам еще не придавали большого значения, и Шмит смог продолжать профессорствовать и был даже избран академиком.

²⁸ Проблемы социологии искусства. Л., 1926. С. 9–71.

²⁹ Шмит Ф.И. Предмет и границы социологического искусствоведения. Л., 1927; под тем же названием вышло 2-е расширенное издание в 1928 г.

³⁰ См. выписку из протокола заседания (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 15, л. 71 об.).

искусств»³¹. В следующем «Кратком историческом очерке Института», датированном 1 марта 1925 года, он, с официозным пафосом, сообщает: «Современность, с ее жгучими социологическими и политическими вопросами, могуче воздействовала на самую постановку научной работы, и в сердцевине Института в 1924 г. выкристаллизовался Социологический Комитет, который с начала 1925 г. начал уже систематически работать в качестве органа, объединяющего и направляющего деятельность всех Разрядов»³². В последующих документах появляется марксистский «акцент», вероятно в ответ на соответствующие требования. Осенью 1925 года в «Производственном плане на 1925/1926 год» Шмит, возглавлявший Общую секцию теории и методологии искусства при Соцкоме, ставит перед ней (т. е. берет на себя) задачу «разработки теории и метода исторического материализма в искусствознании». При этом он подчеркивает, что сама эта секция «фактически является тем органом Института, где сталкиваются, обостряются и нивелируются теоретические позиции отдельных разделов Института, с целью выработать единство теоретических взглядов на искусство среди работников Института»³³.

В широковещательном докладе для Главнауки, датированном 29 января 1926 года, используя стилистику и фразеологию партийных документов, Шмит так освещал деятельность Института: «Новое Правление прежде всего поставило вопрос о Государственном назначении Института, ибо для нас было ясно, что сейчас, конечно, и речи не может быть об отвлеченной “науке для науки”. <...> Институт как государственное учреждение может быть признан нужным только при одном условии: он должен в самой своей структуре приспособиться к разрешению вопроса о научно обоснованной и в деталях разработанной, приложимой на практике советско-художественной политики, системы марксистского искусствоведения. В этих видах Правление реорганизовало Институт: в центр был выдвинут, как общеинститутская коллегия, Социологический Комитет. Отделы были радиально расположены вокруг него». При этом Шмит подчеркивает, что со стороны личного состава Института организация Соцкома «нашла активные симпатии и содействие» и «была не грубо насильственным актом, нарушившим работу учреждения, а мерою органически необходимою и вполне назревшею»³⁴.

По этому докладу Главнаука вынесла резолюцию: «Признать заданием <Института> разработку марксистской теории искусства, которая могла бы лечь в основание современной художественной политики, причем признать

---

³¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 13, л. 11–11об.

³² Об этом см. также в плане работы Соцкома 1926 года (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 13, л. 8 об.—9).

³³ Производственный план Комитета социологического изучения искусства на 1925-1926 г. // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 13, л. 59 об.

³⁴ Доклад Шмита на Коллегии Главнауки 6 февраля 1926 года (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 108—108об.).

его ударным и соответствующим образом обеспечить материальные возможности ГИИИ для его выполнения»³⁵. Иначе говоря, материальная поддержка, столь необходимая Институту, была платой за разработку марксистской методологии. Возможно вообще велеречивость Шмита во многом объяснялась и насущной необходимостью увеличения финансирования Института. Напомним, что штат Института еще при Зубове был сокращен таким образом, что почти вся научная работа³⁶ держалась на внештатных сотрудниках.

Шмиту ничего не оставалось, как начать активно действовать: он издает инструкцию, где каждому сотруднику вменялась разработка социологического задания. Известно, что это директивное требование в штатки было воспринято в Словесном отделе. Об этом В. В. Виноградов сообщал невесте в письме от 22 февраля 1926 года: «Директор Института от имени Главнауки издал инструкцию об обязательном выполнении каждым членом социологического задания <...>. Как слухи о деньгах, так всем подкидывают на воспитание заморышей (или лучше дефективных младенцев) марксизма. Но мы все (кроме Жирмунского и молчаливых): Б.М. Энгельгардт, Юр.Н. Тынянов и Эйхенбаум (отчасти) держались дружно и добились отмены постановления»³⁷.

Оказавшись в непрестом положении (поскольку об «активных симпатиях и содействии» речь явно не шла), Шмит начинает действовать сам. Сохранилось его официальное письмо секретарю МУЗО и ученому секретарю Института А. В. Финагину от 11 февраля 1926 года, с приглашением «пожаловать на заседание Секции теории и методологии Соцкома, для обсуждения плана работ по разработке марксистской теории искусств — вмененной Институту Главнаукой в заседании от 6.II.1926»³⁸.

Однако чаемого марксистского искусствознания создать не удавалось. В преамбуле к первому сборнику Соцкома, оправдываясь тем, что в Институте отсутствуют «человеческие и материальные ресурсы», что социологическими разработками занимаются «добровольцы», и что сотрудников «нельзя силою

---

³⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 129.

³⁶ После ухода Зубова в Институте числилось 32 оклада на 35 лиц (список служащих на 1 июля см.: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 158, л. 65 об., 78 и 127). 17 ставок были отданы руководителям и секретарям отделов и руководителя подразделов; остальные 15 – администрации и техническим сотрудникам. Получив такую «удушающую» разнарядку из ЛОГа, 30 мая 1924 г. на заседании Президиума было предложено перемещение некоторых научных сотрудников, не имеющих другого заработка, на должности административно-технических или младших служащих, например, И. И. Соллертинскому была предложена должность дворника (Протокол этого заседания см.: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 147, л. 63; то же: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 132, л. 105).

³⁷ Выражаем благодарность Л. Е. Мисайлиди, предоставившей возможность ознакомиться с ранними письмами Виноградова, копия которых хранится в ее архиве. Цитаты (в сокращении) приведены нами в: *Кумпан К. А.* К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств. С. 359.

³⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 26, л. 22.

заставить тратить остатки своего времени и своей энергии на работу, для них не привлекательную», директор куда менее категорично и бодро, чем в официальных реляциях, определяет задачу руководимой им Секции: «разработка вопросов общей методологии искусствovedения, которая бы, по возможности, соответствовала основным положениям марксистской теории»³⁹. А в написанной через год брошюре он констатирует, что «марксистского искусствovedения» у нас нет и, что задача эта «явно трудная: все попытки подойти к ней с налету <...> не имели успеха»⁴⁰.

Действительно, в Секции теории и методологии Соцкома «разработки марксистской теории искусств» не было. Сделанные на ней доклады самого Назаренко⁴¹ и его alter ego М. А. Яковлева⁴², приглашенного из университета, «научными разработками» назвать было трудно. Собственно установка Назаренко, отразившаяся, например, в тезисах его институтских докладов, сводилась к следующим примитивным постулатам: художественное произведение есть «выражение образными словами классовой идеологии», поэтому цель исследовательской работы — «раскрытие классовой идеологии в художественном произведении»⁴³. Этот «дефективный» марксизм (по счастливому выражению В. В. Виноградова) лег в основу написанного им учебника по истории русской литературы, который был предметом постоянных шуток студентов и профессоров Словесного отделения. Иначе говоря, Назаренко в Институте не пользовался авторитетом и без сильных административных рычагов не мог выполнить возложенную на Соцком задачу. Да и собственно по вопросам социологии искусства докладов здесь было немного. Большинство же работ (особенно в первые два года существования Комитета) вообще не имели прямого отношения ни к марксизму, ни к социологии. Среди последних можно отметить, например, дискуссии по проблеме классификации искусств (19, 26 мая и 2 июня 1926

---

³⁹ Проблемы социологии искусства: Сборник Комитета социологического изучения искусств. [Вып.] 1. Л., 1926. С. 6.

⁴⁰ *Шмит Ф.И.* Предмет и границы социологического искусствovedения. Л., 1927. С. 5. Несколько ранее об этом же в близких выражениях писал Луначарский: «Мы еще не вступили в ту полосу, когда можно было бы требовать от всех чисто марксистского подхода к истории искусств» (*Луначарский А. В.* Неизданные материалы. М., 1970. С. 395).

⁴¹ 11 января 1926 г. Назаренко сделал доклад «Ленин и пролетарская культура» (Государственной Институт Истории Искусств: 1912—1927. Л., 1927. С. 56). Этот же доклад он прочел на заседании Института, посвященном второй годовщине со дня смерти Ленина (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 16, л. 21).

⁴² 4 декабря 1925 года Яковлев сделал доклад «Плеханов как методолог истории литературы» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 19, л. 14).

⁴³ См., например, тезисы доклада Назаренко «Метод марксистского исследования художественного произведения», сделанного 22 ноября 1929 г. в Институте (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 130–131об.).

года), с выступлениями Н. Э. Радлова, Б. В. Казанского и А. В. Финагина⁴⁴, доклад Казанского «Кино и система искусств» (9 февраля 1927 года)⁴⁵ и коллективный доклад «Теории А. Н. Веселовского и Карла Бюхера», сделанный сотрудниками 2 разряда Словесного отдела Л. Ю. Виндт, С. Г. Вышеславцевой, Н. А. Коварским, Н. П. Колпаковой, Т. А. Роболи и Р. Р. Томашевской (20 апреля 1927 года)⁴⁶. Более того, судя по юбилейному очерку Шмита, именно эта Секция стала на первых порах ареной для диспутов марксистов с формалистами⁴⁷.

Как явную полемику с навязываемой установкой можно расценить доклад Эйхенбаума «Формальный метод в литературоведении», сделанный на одном из первых заседаний (25 апреля 1925) в той самой Секции теории и методологии искусства, которой вменено было разрабатывать марксистскую методологию⁴⁸. Столкновения между марксистами и формалистами не нашли отражения в бумагах Института, но, по всей видимости, во второй половине 1920-х годов происходили не однажды. В воспоминаниях дочери Ф.И.Шмита рассказывается об одном из них, на котором председательствовал ее отец, пытавшийся утихомиривать слишком разошедшихся ораторов⁴⁹. Подвергавшийся уже на протяжении нескольких лет (после знаменитой статьи Троцкого⁵⁰) критике в советской прессе, формальный метод, как известно, приобрел к середине 1920-х годов необычайную популярность у студентов и аспирантов, «семинаристов» Эйхенбаума, Тынянова и Виноградова как в Институте, так и в Университете⁵¹. Poleмика формализма и марксизма, которая до сих пор происходила на страницах периодики, переносится в Институт. Именно в этом ракурсе следует, вероятно, рассматривать не только указанный доклад Эйхенбаума, но и сделанный в Кинокомитете 13 февраля 1926 года полемический доклад Тынянова, который «коснулся вопроса о методе изучения <кино> и предложил выдвинуть на первый план не социологический, а эстетический» подход,

---

⁴⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 18, л. 42, 45. Можно с уверенностью сказать, что эту дискуссию организовал Шмит, поскольку в эти годы он сам усиленно занимался разработкой глобальной теории развития и классификации искусств.

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 18, л. 55.

⁴⁶ Распределение заседаний и докладов ГИИИ с 18 по 21 апреля 1927 г. // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 10, л. 115.

⁴⁷ Отчитываясь о работе с 5 декабря 1924 г. по 31 декабря 1926 г., Шмит указывает, что за этой секцией числятся «проведение дискуссий: по формальному методу в области словесных искусств и по вопросу о принципах классификации искусств» (Государственный институт истории искусств: 1912—1927. Л. 1927. С. 10).

⁴⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 13, л. 43.

⁴⁹ Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 196.

⁵⁰ *Троцкий Л.Д.* Формальная школа поэзии и марксизм // Правда. 1923. 26 июня. № 166

⁵¹ В 1926 г. ЛОГ запретил вольнослушателям посещать лекции и семинарии ВГКИ без особого разрешения Правления. В фонде Института сохранилось большое количество заявлений, с просьбой разрешить им посещать семинары Эйхенбаума и Виноградова, относящихся к 1926/27 ак. году.

«отграничивая кино от смежных искусств и устанавливая его дифференциальные признаки»⁵².

Скандалы в Соцкоме

Но если задачу по внедрению марксизма Социологическому Комитету в этот период выполнить не удалось, то удалось в той или иной мере расшатать устои Института и внести свою лепту в сгущающуюся к концу 1920-х годов атмосферу морального разложения. Об этом свидетельствуют отразившиеся в документах Института скандалы и склоки.

Прежде всего скандал разгорелся вокруг самого Соцкома. Создавая видимость активной деятельности, Назаренко начал приписывать себе чужую работу, отчитываясь материалами фольклорных экспедиций, результатами работ по обследованию города, работами музейной секции, изучением массовых праздников⁵³. Более того, поскольку Соцком находился в привилегированном положении и особо финансировался Главнаукой⁵⁴, то под своей эгидой Назаренко начал издавать сборники Института, причем не только указанный выше сборник социологических трудов, но и сборники сотрудников ТЕО по революционным празднествам⁵⁵, сборники материалов фольклорных экспедиций, в которых участвовали сотрудники всех отделов Института⁵⁶, и т. д.

Впервые вопрос о присваивании Соцкомом разработок других секторов возник на расширенном заседании Правления 5 апреля 1926 года, где было постановлено: «Признать принципиально нежелательным, чтобы Социологический комитет вел те работы, которые ведутся или должны вестись отделениями по специальности»⁵⁷. Однако постановление было

---

⁵² ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 20, л. 27 об., 28. Гвоздев на этом заседании попытался смягчить выступление Тынянова и разграничить сферы применения в киноведении социологического и формального методов. Предложенный Тыняновым подход лег в основу работы Кинокомитета в первые годы его существования, что нашло отражение в выпущенном им сборнике «Поэтика кино» (Л., 1927). Подробнее об этом см.: *Кумпан К.А.* К истории возникновения Кинокомитета при ГИИИ // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М., 2005.

⁵³ Недовольство структурой Соцкома и указание, что сектор занят не своей работой, прозвучали еще в докладе ГУСа по обследованию художественных институтов Ленинграда (ГИИИ и ГИХК'а) в январе 1926 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 22, л. 26).

⁵⁴ 16 октября 1925 года состоялось третье заседание Правления Института, на котором вторым пунктом сообщалось об ассигновании Главнаукой ГИИИ на издание трудов Социологического Комитета дополнительно тысячи рублей (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 15).

⁵⁵ Массовые празднества: Сборник статей / Предисл. Н.П.Извекова. Л., 1926.

⁵⁶ Крестьянское искусство Севера. Л., 1926; Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Вып. 1-2. Л., 1927-1928.

⁵⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 22, л. 1 об.

проигнорировано, и экспансия Соцкома в чужие сферы продолжалась. О следующем скандале Шмит сообщает в январском письме 1927 года заведующему Художественным отделом Главнауки П. И. Новицкому. Не совсем понятно, что послужило для него поводом. Ясно только, что «произошел взрыв в самом Президиуме Социологического комитета: секретари всех четырех секций⁵⁸ заявили, что они работать больше в этой атмосфере не могут». Было решено «произвести перевыборы председателей и секретарей секций». Но результатов также никаких не было, поскольку «желающих добровольно работать с Назаренко» не нашлось⁵⁹.

В новом академическом году, когда отношения директора и Назаренко резко обострились, Шмит начинает действовать. 28 сентября 1927 года директор посылает ему официальное письмо (с копиями в Правление ГИИИ и в Президиум Соцкома), где отмечает, что с началом изучения агитационного и массового искусства, а также фольклорных экспедиций «между СК и Отделами начались <...> бурные столкновения»: Соцком начал «отбирать у Отделов живые силы и дублировать их работу». Утверждая, что «все отделы Института более или менее решительно и полно усвоили социологический метод», Шмит настаивает на необходимости реорганизации Комитета⁶⁰.

11 января 1928 года для обсуждения этого вопроса было созвано расширенное заседание Правления Комитета. Однако Назаренко пригласил на заседание ответственных работников из коммунистов (Г. Е. Горбачева и Б. П. Обнорского), которым посулил штатные места в Соцкоме. За полное расформирование всех секций, кроме Секции марксистского искусствоведения⁶¹, выступил А. А. Гвоздев, к которому присоединился приглашенный на заседание куратор ИЗО, искусствовед А. А. Федоров-Давыдов. Гвоздев говорил, что «создается институт в институте», что Соцком не должен браться за разработку тех вопросов которые могут и должны разрабатывать другие отделы. Кроме того, Гвоздев выразил недовольство, что аспиранты много времени уделяют работе в Соцкоме и запускают свои научные занятия в отделах. Однако Шмит и Новицкий пасуют перед таким радикальным решением (Новицкий назвал выступление Гвоздева «своеобразным бунтом»), предлагая лишь уменьшение и урегулирование секций. Назаренко ревностно поддержали Горбачев и Обнорский⁶². В результате вопрос о Соцкоме был перенесен на Правление Института, состоявшееся через два дня, 13 января. Судя по протоколу этого заседания, прежняя структура Соцкома не только сохраняется, но к ней

---

⁵⁸ Названия секций со временем видоизменялись, но в начале это были: Секции теории и методологии, Крестьянская секция, Секция художественной агитации и пропаганды искусства, Музейная секция.

⁵⁹ ЦГАЛИ СПб., арх. Ф. И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 50, л. 2об.

⁶⁰ Там же, ед. хр. 47; то же: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 14.

⁶¹ Об организации этой секции см. далее.

⁶² ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 27–29.

присоединяются две новых секции, ряд комитетов⁶³. Об этом заседании сохранилась краткая запись в дневнике присутствующего на Правлении А. А. Кроленко: «...Очень долго тянется спор насчет Социологического комитета, который доходит до склоки и драк»⁶⁴.

Итак, Соцком продолжал функционировать, «укрепляясь» и разрастаясь, хотя после кампании по борьбе с «вульгарной социологией» и «переверзевщиной», эти структуры постепенно теряют политическую актуальность, а само словосочетание «социологический метод» стыдливо уходит из лексикона партийных чиновников, заменяясь «марксистским методом», а потом «марксистско-ленинской методологией». Соцком меж тем «укрепляется» критиками-марксистами: Г. Е. Горбачев в начале 1928 года избирается действительным членом по Соцкому⁶⁵ и заведует новой секцией марксистской критики; Б. П. Обнорский становится заведующим Секции художественной политики⁶⁶, тогда же в Правление Комитета вводится Новицкий⁶⁷. Расформированию подверглась лишь ставшая к этому времени неуютной научная секция Общей философии и эстетики (возглавляемая Н. Э. Радловым и Б. М. Энгельгардтом). Зато в Крестьянскую секцию Соцкома постепенно переходят все фольклорные ячейки из четырех отделов Института, и здесь создается Фольклорный архив⁶⁸. В Соцкоме начинает работать также Секция изучения художественной культуры народов СССР, которую возглавил Жирмунский⁶⁹. И только 8 февраля 1929 года, во время кардинальной «реорганизации» Института, Соцком удалось ликвидировать (см. об этом ниже)⁷⁰.

На всем протяжении своего существования скандалы в Соцкоме не утихают. Постепенно к Комитету, в котором по уставу должны были работать внештатные добровольцы, начинают переходить дефицитные

---

⁶³ Там же, ед. хр. 41, л.1–1об.

⁶⁴ *Кроленко А. А.* Дневник 1928 года // РО РНБ, ф. 1120, ед. хр. 652, л. 7.

⁶⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 40; для Г. Е. Горбачева Назаренко «выбивает» одну институтскую ставку (Там же, л. 25–25об., 38).

⁶⁶ См. список личного состава и штатных сотрудников Соцкома на 15 марта 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 38, л. 1).

⁶⁷ Новицкий и Горбачев одновременно, 30 января 1928 г., избираются действительными членами по Соцкому (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 1об.).

⁶⁸ См.: «Отчет Крестьянской секции Соцкома» за октябрь 1927 – апрель 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 67–70).

⁶⁹ См.: «План работы Секции изучения художественной культуры народов СССР» (Там же, л. 87–90) и Протокол заседания Президиума Соцкома от 16 мая 1928 (Там же, л. 103). Секция была утверждена на заседании Правления Института 22 мая 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 41, л. 109об.), что стало особенно актуальным после XV съезда партии, где был поставлен вопрос о политике по отношению к «нацменам».

⁷⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 4.

институтские ставки, что также вызывает недовольство сотрудников⁷¹. 6 мая 1927 года на расширенном заседании Правления рассматривается жалоба старейшего сотрудника Института В. Н. Всеволодского-Гернгросса, в связи с травлей и шельмованием его в Соцкоме⁷². Постепенно прежние руководители секций покидают Комитет: 27 октября 1927 года на заседании Правления А. И. Пиотровский подает прошение об уходе с должности Ученого секретаря⁷³, на том же заседании А. С. Гущин просит освободить его от должности секретаря ХАПа (Секция художественной агитации и пропаганды искусства)⁷⁴, а 18 апреля 1928 года выходит из Соцкома О. Ф. Вальдгауер, возглавлявший в течение двух лет музейный сектор, возмущенный тем, что Назаренко «не дает ход устроителям выставок» и в течение двух лет «тормозит» издание подготовленного музейным сектором сборника⁷⁵.

Социологический сдвиг и его последствия

Следует заметить, что с 1926 года в отделах Института, с разной степенью интенсивности, но все рельефнее проступает социологический вектор исследований. Мы имеем в виду и первые социологические «вылазки» молодых сотрудников Института (Р. И. Грубера⁷⁶, М. С. Друскина⁷⁷, А. С. Гущина⁷⁸), и начало собственно социологических разработок в

---

⁷¹ См., например, записку с особым мнением Б. В. Казанского от 20 апреля 1927 г., возмущенного тем, что Соцком отобрал у Словесного отдела ставку руководителя Кабинета современной литературы (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 29, л. 36).

⁷² ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 29, л. 41 об. В. Н. Всеволодский-Гернгросс пытался также приспособить «вмененные» марксистские методы к театру, сделав 13 ноября 1925 г. доклад «Марксистская точка зрения в применении к изучению русского театра» (Государственный институт истории искусств. С. 54). Чем была вызвана обструкция в 1927 г., не ясно.

⁷³ См.: Заявление А. И. Пиотровского // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 4. Назаренко явно провоцировал эту замену: А. Д. Камегулов был его университетским учеником, командированным в РИИИ ЦК РКП(б) от отделения языка и литературы ЛГУ (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 30, л. 20, 27, 29; то же: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 3).

⁷⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 6 и 11.

⁷⁵ Там же, л. 49.

⁷⁶ 21 мая 1925 года Р. И. Грубер сделал доклад «Установка музыкально-художественных понятий в социально-экономической плоскости», а 25 июня 1925 г. – «Социально-экономическое обоснование научно-художественных (в частности музыкальных) понятий» (Государственный институт истории искусств. С. 52, 53).

⁷⁷ Доклад М. С. Друскина «О социологизации в явлении художественного стиля» был прочитан 23 ноября 1925 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 21, л. 48; см. также: Государственный институт истории искусств. С. 54).

⁷⁸ Доклад А. С. Гущина «Опыт социологического подхода к русскому театрологическому орнаменту» был сделан 12 мая 1926 г. (Там же. С. 59). Следующий его доклад «Теория и социология искусств», сделанный осенью 1926 г., привлек внимание Д.

некоторых подразделениях, а также определенную переакцентировку работы во всех отделах.

Передовым в социологическом отношении оказался Театральный отдел, что отчасти было связано с самим материалом, легче поддающимся изучению в социологическом ракурсе, а также с тем, что в Театральном отделе оказались два талантливых экспериментатора, в прошлом организатора праздничных зрелищ и революционных агиттеатров, занимавшихся с энтузиазмом изучением массового искусства Октября – А. И. Пиотровский и Н. П. Извеков. Им удалось заинтересовать и привлечь к изучению новых «низовых» форм театрального искусства студентов и аспирантов. В созданной при ТЕО Театральной лаборатории Извеков организовал Группу по изучению зрителя, где разрабатывались анкеты и опросные листы для планомерного обследования разных социальных слоев зрителей в ленинградских театрах, а также методы наблюдения над восприятием зрителя и фиксации его реакции. Материалы собирались в лаборатории и в виде докладов апробировались на заседаниях ТЕО⁷⁹. Интерес А. И. Пиотровского к социологическим аспектам искусства известен: уже в середине 1925 года он предложил издавать под грифом Института периодический социологический бюллетень, объемом в полтора листа»⁸⁰.

Однако в других структурах Института социологический метод внедрялся с большим трудом. Так Отдел изобразительного искусства (где основной костяк составляли сотрудники Эрмитажа и Русского музея) включил в свои планы музееведение и образовал в своей структуре Музейную секцию, поскольку «музейное строительство»⁸¹ хоть как-то можно было «связать с общественными запросами современности»⁸². Но все-таки прямого отношения к собственно социологическому изучению искусства работа по созданию и сохранению музеев не имела, что было поставлено на вид вышестоящими инстанциями. Сначала Научно-художественная секция ГУСа в резолюции от 11 февраля 1926 года постановила «усилить

Хармса (см. *Хармс Д.* Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник. Т. 1. С. 83, 85).

⁷⁹ Об этой деятельности Театральной лаборатории подробнее см., например, в кн.: О театре: Сборник статей (Временник Отдела истории и теории театра). Л., 1926. с. 146–147.

⁸⁰ Это предложение было внесено А. А. Гвоздевым на заседании Ученого совета Института 26 июня 1925 г. (см.: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 15, л. 143–145 об.).

⁸¹ См. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве в РСФСР», где указывалось на активное «участие музеев в общем развитии научно-исследовательской работы» (Основные узаконения и распоряжения по Народному Просвещению / Сост. И. Ф. Заколадкин и А. Я. Подземский. М.; Л., 1929. С. 641).

⁸² Ведущие сотрудники, чтобы поддержать директора, сделали и в музейной секции ИЗО, и в Музейной секции Соцкома «социологические» доклады: О. Ф. Вальдгауер – «Музей античной скульптуры в социологическом освещении» (2 июня 1925), В. В. Струве — «Музей древнего Востока в социологическом освещении» (16 июня 1925) (Государственный институт истории искусств. С. 52 и 53).

социологические исследования ИЗО»⁸³, полгода спустя Художественный отдел Главнауки на своем заседании от 4 декабря 1926 года указал на «отставание ИЗО от других отделов ГИИИ в деле дальнейшего усвоения и углубления социологического метода в искусствоведении»⁸⁴ и, наконец, 9 декабря 1926 года Президиум Научно-художественной секции ГУСа снова указал на «преимущественно археологический уклон работы» ИЗО⁸⁵. О том, что искусствоведам Института никак не удавалось наладить социологические исследования, свидетельствует письмо Шмита к руководителю ИЗО О. Ф. Вальдгауеру от 10 октября 1927 года с просьбой в срочном порядке, в связи с готовящейся конференцией по социологии искусств, «создать в Отделе ИЗО специальную Комиссию по социологии изобразительных искусств для внесения ее в план работы отдела»⁸⁶.

Наиболее болезненным образом сказалось внедрение социологического метода на работе МУЗО. Уже в «Кратком отчете Отдела теории и истории музыки ГИИИ с 19 февраля 1925 по 19 февраля 1926 года» делается особый акцент на затребованной Главнаукой «увязке работы отдела с вопросами современности и общественности», что выражалось в «появлении специальной комиссии про учету музыкально-художественной жизни Ленинграда, которая разработала специальную анкету с 1 октября 1925 г. и приступила в опросу не только профессиональных художественных учреждений, но и рабочих клубов, домов просвещения, трудовых школ» для «уяснения уровня современного музыкального быта широких масс (450 анкет разослано и находятся в разработке)»⁸⁷. Однако, несмотря на декларации («историческое мировоззрение, с первых шагов деятельности характеризовавшее наш Отдел, позволило твердо и широко применить в работах Отдела социологический подход»), в этом отчете проскальзывает мысль о сложности применения собственно марксизма «в деле объяснения музыкально-художественных фактов» и отмечается, что «Отдел поставил себе целью всячески бороться с поспешной перелицовкой положений музыковедения на вульгарно марксистский лад»⁸⁸.

В документах МУЗО следующего года демагогия нарастает и, хотя еще нет откровенной «перелицовки музыковедения на вульгарно-марксистский лад», но встречается тема «Анализ личности и творчества Бетховена на социально-экономическом фоне его эпохи» (что, как указано в плане,

---

⁸³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 22, л. 133 об. и 134.

⁸⁴ Там же, ед. хр. 23, л. 82. Это постановление вызвало несогласие Правления, на заседании которого 7 января 1927 г. было постановлено: признать обвинения по адресу ИЗО не обоснованными и поручить Шмиту опротестовать их (там же, л. 107). 25 февраля 1927 г. на заседании Правления Шмит объявил, что ИЗО реабилитировано (там же, л. 152).

⁸⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 108 об.

⁸⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 34, л. 2.

⁸⁷ Краткий отчет Отдела теории и истории музыки ГИИИ // De Musika: Временник Отдела теории и истории музыки. Вып. 2. Л., 1926. С. 140.

⁸⁸ Там же. С. 141.

«открывает новые ценные возможности»), а также начинаются разглагольствования о «все растущем интересе к вопросам философии диалектического материализма», который «поставил на очередь проработку основных проблем философии музыки под углом зрения диалектики и принципов материалистического мировоззрения»⁸⁹.

Между тем внутри Отдела истории музыки разразился громкий и затяжной скандал. Насколько можно судить по сохранившимся документам, он был спровоцирован руководителем отдела Б. В. Асафьевым⁹⁰, который использовал для своих целей политическую конъюнктуру. Заметим, что в самом начале социологического нажима, в 1926 году, Финагин и группа музыковедов подают в Правление ГИИИ «заключение» о недостаточности для изучения музыки только социологического метода. Указывая, что «это метод историко-культурный, а не метод точного знания», они настаивали на использовании в музыковедении «методов рефлексологии, физиологии, физики, математики»⁹¹. Ставился вопрос о «формальном методе» в музыковедении, в частности в докладе того же Р. И. Грубера, сделанном на теоретическом секторе ОТИМ (17 января 1927 года)⁹².

Представив себя поборником «социологизма», руководитель отдела начал изгонять из МУЗО негодных ему сотрудников⁹³. Такое самоуправство, бывшее прямым нарушением сложившихся институтских традиций, вызвало возмущение многих «старых» сотрудников МУЗО⁹⁴. Чтобы избавиться от несогласных, Асафьев производит реорганизацию

---

⁸⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 21, л. 11–14.

⁹⁰ О разгорающемся скандале свидетельствуют документы: 1 марта 1926 г. в Совет ОТИМ Асафьев подает заявление о снятии с себя звания Председателя МУЗО и действительного члена (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 26, л. 2). 19 марта 1926 на заседании Ученого совета шестым пунктом слушали заявление Б. А. Асафьева об отказе выставлять свою кандидатуру в Председатели МУЗО из-за разногласий его с Советом Отдела. Было постановлено, идя навстречу пожеланию МУЗО, второй раз выставить кандидатуру Асафьева; в случае же его вторичного отказа считать это место вакантным и никого не избирать (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 16, л. 34). 26 марта 1926 г. Асафьев вновь отказывается от руководства МУЗО – и вопрос этот пытаются урегулировать Шмит, Жирмунский и Финагин (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 175–175 об.).

⁹¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 26, л.10: то же: там же, л. 21.

⁹² Доклад был опубликован в сб.: *De musika: Временник Отдела истории и теории музыки Государственного института истории искусств*. Вып. 3. Л., 1927. С. 39–54.

⁹³ Очередной скандал разгорелся на заседании Правления от 18 ноября 1927 г. (см.: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 30, л. 44). См. также выписку из протокола заседания МУЗО от 21 ноября 1927 г. (Там же, л. 54).

⁹⁴ См. письмо-протест сотрудников против перемен в личном составе МУЗО без ведома Совета от 23 сентября 1927 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед.хр. 26, л. 16); см. также письма сотрудников МУЗО Шмиту и в Правление Института (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед.хр. 31, л.15–27), где происходящее названо «разгромом отдела». Продолжение «драматических событий» в МУЗО нашло отражение в протоколе Журнала заседаний Совета МУЗО от 30 ноября 1927 г. и в письмах сотрудников (там же, л. 40-41, 73-87, 97, 104, 107, 110-115).

отдела, заручившись поддержкой Луначарского⁹⁵. Он разгоняет ряд секций и закрывает экспериментальные комиссии и лаборатории⁹⁶. Все это делается под лозунгами о борьбе с формализмом и академизмом, провозглашением поворота к социологическому изучению музыки и декларациями о необходимости «участвовать в боях современности» и стать не отделом истории музыки, а «художественно-производственным учреждением»⁹⁷.

Судя по внутренним материалам МУЗО, сотрудники, уже с начала 1928 года не знали, где и как им работать, поскольку комиссии и экспериментальные лаборатории, в связи с реорганизацией МУЗО, были уничтожены⁹⁸, не понимали, как подступиться к разработке востребованных начальством тем. Эти темы, записанные в плане МУЗО на 1928/29 год, впечатляют. Например, план вокально-методической секции, возглавляемой Асафьевым, начинается фразой: «Работа должна четко строиться под лозунгом превращения музыкально-вокальной культуры в средство классово-борьбы на фронте культурной революции и социалистического строительства». Не ограничиваясь подобной «заставкой», в плане перечисляются доклады, которые «Бригада по созданию марксистской вокальной методологии» (одна из новых ячеек секции) предлагает провести, а именно: «Буржуазное вокальное искусство в освещении марксистско-ленинской теории», «Классовая борьба на музыкальном фронте и проблема воспитания пролетарского исполнителя», «Диалектический анализ акта голосового звукоподражания»⁹⁹. Судя по документам МУЗО, эти темы так и остались фикцией. В конце концов и Асафьев увидел последствия своей «реорганизации»: в заседании Правления от 13 февраля 1930 года было зачитано его письмо на имя Шмита, где руководитель МУЗО просит для себя ставки технического сотрудника и признается, что не может заведовать отделом и вести всю работу без материала, того, «что называется формализмом и что в музыке вовсе не формализм»¹⁰⁰.

---

⁹⁵ См. письмо Луначарского в поддержку Асафьева, «для обеспечения идеологического руководства отделом», которое было зачитано на заседании Правления 6 мая 1926 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 22, л. 40, 34об.).

⁹⁶ Утверждение принципов реорганизации МУЗО произошло на заседании Правления Института 13 января 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 41, л. 2, § 8). Однако на Ученом совете 30 января 1928 г. члены совета выразили возмущение тем, что «вопрос о существовании реорганизации МУЗО не подлежал обсуждению в Ученом совете», на что последовало «категорическое заявление» Жирмунского, что реорганизация утверждена Главнаукой и «не подлежит пересмотру» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 2).

⁹⁷ См. об этом в письме Шмита к Новицкому от 21 ноября 1927 года (ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 50, л. 4-5).

⁹⁸ См. об этом письмо Финагина Асафьеву от 15.03.28 // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 31, л. 150-151; также см. письмо Римского-Корсакова директору Института с просьбой «приостановить директивно-бюрократическое руководство отделом» (Там же, л. 152).

⁹⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 46, л. 10, 19, 133.

¹⁰⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 82-82а.

Пример с МУЗО достаточно поучителен. Правда подобной демонстрации «верности» директивному марксизму не было в отчетах и планах других отделов до последнего года существования Института. Но трения и напряжение между сотрудниками внутри отделов нарастали.

Навязываемая социологическая конъюнктура обострила конфликт в Словесном отделе между бывшими опоязовцами и Жирмунским: стремление руководителя отдела к компромиссу с официальными установками и его интерес к социологическим разработкам западных коллег, – все это расценивалось радикальным крылом формалистов как проявление карьеризма и приспособленчества¹⁰¹. Интересно, что в конфиденциальном письме к Новицкому от 21 ноября 1927 года Шмит, рассказывая о скандале сотрудников с руководителем в МУЗО, пишет об аналогичных «принципиальных» разногласиях в других секторах, в частности «в ЛИТО между В. М. Жирмунским и рядом членов отдела»¹⁰².

Разногласие между «мэтрами» и учениками¹⁰³ в Словесном отделении и связанный с этим скандал, в результате которого семинар Эйхенбаума по литературному быту в Институте временно прекратил свое существование, — в определенной мере результат воздействия социологического прессинга. Нельзя не согласиться с общепринятой точкой зрения, что «кризис формализма», пришедшейся как раз на эти годы, был, обусловлен прежде всего внутренней эволюцией исследователей, а для Эйхенбаума был и проблемой личной биографии¹⁰⁴. Однако, отход от морфологического метода и возникший интерес к изучению литературного быта, т. е. воздействия иных не собственно литературных «рядов» на художественный материал, был воспринят некоторыми из молодых и наиболее амбициозных сотрудников Словесного отдела как измена формальному методу. Представляет интерес зафиксированное в письме Г. Е. Горбачева Г. Лелевичу высказывание В. А. Каверина на семинаре по марксистской критике в ИЛЯЗВе (1928):

---

¹⁰¹ Дмитриев А. Н. Полемика В. М. Жирмунского с формальной школой и немецкая филология // Материалы к конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. СПб., 2001. С. 66-74. Устинов Д. В. В. М. Жирмунский и Г. А. Гуковский в 1920-е годы // Там же. С. 25–26.

¹⁰² ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 50, л. 5.

¹⁰³ О причинах распада семинария и методологических расхождениях между учениками и мэтрами см.: Устинов Д. Формализм и младоформалисты // Новое Литературное Обозрение. 2001. № 50. С. 296–321; Гинзбург Л. Я. Вспоминая Институт истории искусств... С. 283; Савицкий С. Спор с учителем // Новое Литературное Обозрение. 2006. № 82. С. 129–154. Позже, когда и ученики, и учителя подвергались шельмованию как «классовые враги», Гинзбург признается: «...я, не колеблясь, обвиняю себя в том, что писала письма <...> и учинила трагедию с мэтрами» (цит. по: Кумпан Ксения, Конечный Альбин. «Гимн формалистов» // *Natales grate numeras?*: Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008. С. 268).

¹⁰⁴ См. об этом: Дмитриев А. Н. Русский формализм и перспективы социологического изучения литературы // Проблемы социального и гуманитарного знания. Вып. 2. СПб., 2000. С. 367–398.

«Формальной школы нет, то, что делает Эйхенбаум с лит<ературным>бытом и Шк<ловский> с “В<ойной> и М<иром>” <...> никак не вяжется с теорией, усвоенной мной от этих моих учителей»¹⁰⁵.

Важен был именно общий фон. Темы по музыкальному, театральному быту, быту художников и художественных объединений были признаны актуальными и стали энергично разрабатываться в соответствующих отделениях Института. Как поворот к социологическому изучению расценивали их и чиновники Наркомпроса. В постановлении Президиума Научно-Художественной Секции ГУСа от 9 декабря 1926 года, присланном в Правление ГИИИ, имелась следующая похвальная резолюция о работе Отдела словесных искусств: «Следует приветствовать те новые задания производственного плана на 1926/27 г., которые большею частью клонятся также к расширению социологических исследований (изучение лит. среды, быта, влияний и т. п.)»¹⁰⁶.

Речь идет не о конформизме, а о некотором сдвиге в работе, связанном с внешними веяниями. Так, например, определенный социологический «акцент» имела работа аспирантского семинария Б. А. Ларина по собиранию и изучению диалектов города, т. е. языка отдельных социальных групп¹⁰⁷. Значимым представляется вообще перенос центра тяжести из области теоретического изучения материала в область его собирания. В этой связи характерно постепенное разрастание и увеличение объема работ Сектора фольклора и фольклористики, который безболезненно и активно работал в стенах Института даже в тот период, когда остальные отделы были уже

---

¹⁰⁵ И далее Горбачев не без мстительного удовлетворения замечает: «Ученики Эйхенбаума, кроме некоторых, обвиняют его в измене и массой с демонстрациями бегут к Энгельгардту, объявившему чистый и мистический идеализм своим принципом в противовес Эйхенбауму. Тот говорит о “победе черной реакции” в ИИИ» (РГАЛИ, ф. 1392, фонд Лелевича, оп. 1.ед. хр. 49, л. 85об.). Ср. в воспоминаниях Л. Я. Гинзбург «Студенты, особенно студенты младших курсов увлекались лекциями Энгельгардта – к неудовольствию наших метров» (*Гинзбург Л. Я.* Вспоминая институт истории искусств... С. 284). Следует заметить, что и старшие ученики, в частности, сама Гинзбург и особенно Б. Я. Бухштаб, с большим вниманием относились к работам Энгельгардта и высоко ценили его философско-эстетический подход к литературе.

¹⁰⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 12, л. 92—93. Впрочем, тут же указывалось: «Необходимо, однако, чтобы в идеологическом и методологическом отношении Отдел стремился установить полный контакт с Комитетом социологического изучения искусства». В производственном плане ЛИТО изучение быта было также подано в «актуальном ключе», как «разработка проблем литературного творчества и техники, в связи с изучением литературного быта и условиями литературного труда и современности» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 21, л. 20об.).

¹⁰⁷ 2 ноября 1926 г. на Секции Художественной Речи Б. А. Ларин сделал доклад «Проблемы лингвистического изучения города» (Распределение заседаний и докладов ГИИИ с 31 октября по 6 ноября 1926 г. // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 10, л. 88; *Поэтика: Сборники статей.* Вып. 4. Л., 1928. С. 152). До Ларина в Словесном разряде социологией языка занимался Л. П. Якубинский; в ранних отчетах Шмита он назван Председателем Комиссии по социологии языка (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 8, л. 19).

«раскассированы»¹⁰⁸. Вышестоящими инстанциями приветствовались и этнографические экспедиции. 1 сентября 1925 года на заседании Правления Института шестым пунктом слушали доклад Ф. И. Шмита о необходимости реализовать постановление Главнауки об изучении русского Севера¹⁰⁹.

Экспедиционная и собирательская работа стала практиковаться и в других отделах: в ТЕО шел учет и собирание материалов современного провинциального театра, а также афиш, плакатов, стенгазет и материалов массовых празднеств, в МУЗО собирались и издавались материалы по национальной народной музыке и песне, в ИЗО началось изучение народных промыслов. Этот уклон проецируется на общую партийную установку – поддерживать и развивать народное искусство, и особенно крестьянства и нацменьшинств¹¹⁰.

В этом ключе трактовалась наркомпросовскими чиновниками резолюция ЦК ВКП(б) от 1 июля 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», с которой связывается краткий спад партийного прессинга на гуманитарную сферу¹¹¹. Поставленный в ней «вопрос о том как ужиться с крестьянством, <...> не вытравливая из их творчества крестьянских литературно-художественных образов», и «директива тактичного и бережного отношения к “попутчикам”», а также призыв «бороться против легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследию, а равно и к специалистам художественного слова»¹¹², – все это было направлено против развязанной РАПП кампании против «попутчиков» и крестьянских поэтов. Прозвучавшая в этом документе «проработка» «левоуклонистов» (за «комчванство»), а также закрытие их журнала «На посту», привела к временной дезориентации и растерянности наиболее рьяных идеологов «классовой борьбы» в искусстве.

Подобные партийные «одергивания» в середине 1920-х годов были еще возможны. В этом же ключе можно расценить и прозвучавшее, например, годом раньше выступление Бухарина на совещании «О политике партии в художественной литературе» (май 1924), с идеей «затухания классовой

---

¹⁰⁸ См. папку с ценными протоколами заседаний, где сохранились тезисы докладов и стенограммы обсуждений (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 31).

¹⁰⁹ См. протокол этого заседания (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 11, л. 93—94). Судя по институтским документам, Главнаукой субсидировались эти экспедиции ежегодно с 1926 по 1929 года; в них принимали участие сотрудники всех отделов Института.

¹¹⁰ Ср. предпринятую Жирмунским в этом же 1926 году экспедицию в места проживания немецких колонистов для собирания и изучения их фольклора и диалекта.

¹¹¹ В исторических исследованиях последнего времени отмечалось, что 1926 год был «очень коротким периодом либеральной политики большевиков» по отношению к «деятельности гуманитарных (в целом) направлений, течений и организаций» (см.: *Земцовский И.* 1926 год // Имена. События. Школы: Страницы художественной жизни 1920-х годов. Вып. 1. СПб., РИИИ. 2007. С. 152).

¹¹² Известия ЦК РКП(б). 1925. №25-26. С. 8–9.

борьбы». Колебание политического маятника отчасти объясняет существование люфта между спущенными сверху директивами и реальным положением дел на местах. В течение первых трех лет директорства Шмита, несмотря на указанные издержки и благодаря некоторым изменениям внутренних заданий отделов, Институт в целом мог продолжать научную и преподавательскую работу. В планах и отчетах Словесного отдела и Отдела изобразительных искусств до последних дней существования Института не встречается ни фиктивных тем, ни демагогических рассуждений¹¹³. Эта независимость научной мысли от насаждавшегося классового подхода к произведениям искусства безусловно раздражала партийных функционеров и была одной из причин того, что в дальнейшем, при начавшемся закручивании гаек, ЛИТО и ИЗО стали главной мишенью нападков и больше остальных отделов пострадали от чисток.

Пока не поступили новые сигналы сверху, руководящие органы не усердствовали, довольствуясь реляциями Шмита и теми социологическими разработками, о которых говорилось выше. В марте 1926 года Главнаука вынесла постановление, что научно-исследовательская деятельность Института «становится на правильные марксистские рельсы»¹¹⁴, хоть и отметила у Словесного отделения «резко выраженный уклон к формально-теоретическому изучению»¹¹⁵. Однако уже в конце этого же 1926 года в докладе П. И. Новицкого на заседании Художественного отдела Главнауки, состоявшемся 4 ноября, работа всех отделов Института была оценена в целом положительно¹¹⁶: «научно-исследовательская работа <Института> идет по линии дальнейшего усвоения и углубления социологического метода в искусствознании и пристального внимания к вопросам современного искусства и современного художественного быта», «Институт нашел формы коллективного сотрудничества, <...> сосредоточил исследовательское внимание Отделов на <...> вопросах, имеющих крупнейшее идеологическое значение для пролетарского государства <... и> широко развил свою издательскую деятельность»¹¹⁷.

---

¹¹³ Слово «марксистский» в планах ИЗО встретилось один раз – в последнем «Производственном плане на 1929/30 академический год», и уже сама нелепость и корявость фразы свидетельствует о неискушенности в демагогии: «Увязка данных экспериментального изучения цветоформенного образа в процессе восприятия и данных цветоформенного анализа устойчивых образов в живописи с социологией, как метод в подходе к марксистскому искусствоведению» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 81, 86; с купюрами опубл.: *Кумпан К.* Казимир Малевич и сотрудники ГИНХУКа в ГИИИ. С. 405).

¹¹⁴ Резолюция была зачитана на заседании Правления от 6 марта 1926 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 165).

¹¹⁵ ЦГАЛИ. СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 15, л. 71–73.

¹¹⁶ Как мы отмечали выше, отставание по внедрению социологического метода отмечалось лишь в ИЗО.

¹¹⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 82.

Столь же благосклонно в конце 1926 года оценила работу всех отделов Института Научно-Художественная Секция ГУСа. Напомним, что в начале 1926 года она постановила «усилить социологические исследования в области литературоведения»¹¹⁸, однако 9 декабря 1926 года та же подсекция Наркомпроса дала Словесному отделу поощрительную характеристику: «Отдел в значительной мере осуществил свои плановые предположения; в частности ему удалось в большей степени, чем раньше, развернуть исследовательскую работу в социологическом направлении, на важность которой в свое время указывалось в резолюции Подсекции»¹¹⁹.

Любопытно проследить, как в эти годы не только в научных статьях Шмита, но и в его официальных отчетах высказываются ставшие в скором времени совершенно «крамольными» мысли о допустимости в науке плюрализма научных методов. Они не прошли мимо бдительных марксистских критиков, и довольно скоро о них вспомнят.

Так в докладе «Единое искусствоведение», произнесенном на торжественном заседании ГИИИ 14 марта 1926 года, Шмит отводит отождествление формализма и идеализма, ставшее общим местом в нападках критиков-марксистов. Директор справедливо указывает, что в формалистских исследованиях «все построено на фактах и материальной данности». И далее утверждает: «И когда про наш Институт говорят, что он — твердыня формализма <...> то лично я нахожу, что это неплохо: плохо было бы, если бы нас могли бы упрекнуть в приверженности к “философской эстетике”, т. е. к ненаучности, к отрыву от фактов, к заоблачным умствованиям»¹²⁰. И позже, в статье «Государственный Институт Истории Искусств» (1927) директор, в духе свойственной ему казуистики, в качестве «переходного ко всеобщему внедрению социологического изучения искусств, а потому пока допустимого», оправдывает эклектический подход к изучению искусства, тот самый, в котором формалисты упрекали своих противников¹²¹, и который стал жупелом для наиболее оголтелых марксистов¹²². Нужно, — пишет Шмит в конце 1927 года, — «не

---

¹¹⁸ Здесь также было указано, что «сравнительно недавно возникшая Комиссия социологического изучения языка и литературы еще не успела достаточно проявить себя. До сих пор работа Отдела шла главным образом по руслу формальных изучений» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 22, л. 133 об. и 134). Резолюция последовала после доклада В. М. Жирмунского (как помощника директора по науке) по делам ГИИИ (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 98—99).

¹¹⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 12, л. 92—92 об.; то же: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 108.

¹²⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 25, л. 1, 7.

¹²¹ В эклектизме опоязовцы упрекали «академиков» и обвиняли Жирмунского. См. об этом в статье: *Постутенко К. Ю.* Из комментариев к текстам Тынянова: «академический эклектизм» // *Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения.* Рига; М., 1995—1996. С. 231—234.

¹²² Назаренко не устает клеймить «несостоятельность эклектического метода», в частности, в докладе «Метод марксистского исследования художественных

противопоставлять, а сопоставлять формальный и социологический методы в едином искусствоведческом методе, направлять к социологическим целям формально-стилистический анализ»¹²³.

О том, что и в начале 1928 года методологическое инакомыслие еще допускалось, свидетельствует написанный Словесным отделом (датированный 25 февраля 1928) «Общий очерк деятельности Отдела словесных искусств 1924—1927 г.». В методологическом введении к нему все названо своими именами. Здесь объективно отмечается определившийся к концу 1927 года историко-литературный уклон разработок отдела, но при этом подчеркивался не академический и не традиционный, а новаторский подход к эволюции литературного процесса, на основе «изучения “низов” литературы, “младших линий”, “литературного фона”, из которых вырастали крупные писатели». Здесь же отмечалась необходимость на первом этапе существования ЛИТО «выдвижения на первый план задач формального анализа художественных произведений», говорилось об интересе Отдела к поэтике, встречались выражения: «спецификация», «эстетически-технологическое изучение литературы как художественного слова» и т. д.¹²⁴

произведений», сделанном на его же марксистском семинарии (см. о нем ниже). 22 ноября 1929 г., он указывает, что при таком подходе марксизм становится «приложением» «к формальному или по-иному обработанному материалу» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 130).

¹²³ Печать и революция. 1927. № 8. С. 72. Близкие идеи высказывает Шмит и в брошюре «Предмет и границы социологического искусствоведения» (Л., 1927): «Строить систему научного искусствоведения и разрабатывать самостоятельную искусствоведческую методологию стоит и можно только при условии постоянного сотрудничества формалистов и социологов» (с. 42). Это совмещение социологического и формального методов он представляет таким образом: «Когда работа по формально-стилистическому анализу и объяснению проделана над множеством отдельных памятников, искусствовед должен расположить эти памятники в исторических рядах, позволяющих выяснить закономерность исторического процесса, поскольку он проявляется в изменениях художественной формы. И, наконец, когда все это сделано, тогда надо полученные выводы привести в связь с выводами, полученными при изучении других видов исторического процесса» (с. 35).

¹²⁴ Для примера приведем несколько абзацев, касающихся истории Отдела в целом: «Учрежденный в конце 1920 г. (последний в составе Института Истории Искусств) Отдел Словесных Искусств, как показывает само название его, назначен был служить изучению литературы как искусства, т.е. построению нового литературоведения, как области искусствознания. Отсюда первоначальный основной интерес к разработке вопросов теоретической и исторической поэтики, в частности стиховой формы, метрики, рифмы, композиции, приемам стиля вообще. Отсюда же и принципиальное заострение в постановке этих вопросов. Необходимость защиты позиций в составе Института и утверждение самого предмета изучения искусства слова <...>, естественно, вынуждала к выдвиганию на первый план задач формального анализа художественных произведений как таковых <...> Спецификацией искусствоведческого подхода являлось формальное, эстетически-технологическое изучение литературы как художественного слова» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 27, л. 54). Копию этого текста, с точной датой, см. в фонде Шмита: ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 50, л. 13-17.

Сами эти понятия и определения уже совсем скоро станут табуированными¹²⁵.

Марксистский семинарий

Судя по протоколам заседаний и другим документам, к 1927 году главным действующим лицом в Институте становится Я. А. Назаренко. С первых дней директорства Шмита он был введен в Правление как помощник директора по административно-хозяйственной части. Назаренко тут же сам себя начал назначать в ревизионные комиссии, а также заменять старый зубовский персонал: завхоза и технических сотрудников, назначая на их место членов ВКП(б) и бывших комиссаров с сомнительным прошлым¹²⁶. В Институте начались скандалы, доносы и воровство, но зато образовалась партиячейка. Через два года, с помощью интриг и кляуз, Назаренко влезает в Правление издательства «Academia»¹²⁷, на следующий год — в Правление ВГКИ¹²⁸ и, наконец, в 1929 году получает должность замдиректора с огромными полномочиями.

С самого начала Шмит часто вместо себя посылает Назаренко в Москву на заседания различных Комиссий и Коллегий Главнауки, вероятно, полагая, что члену партии легче договориться с партийным руководством. Таким образом, от Назаренко начинает зависеть очень многое. Дело в том, что Институт в финансовом отношении был изгоем. Он имел статус государственного, но со времен Зубова бюджетно не финансировался или почти не финансировался. А для выживания были необходимы субсидии не только на ремонтно-хозяйственные работы, но и на научные: на издательские нужды, на командировки и экспедиции, на книги для библиотеки и т. д. А главное — нужно было «выбивать» штатные места: большинство молодых сотрудников Института, как и при Зубове, продолжало работать бесплатно или почти бесплатно. Особенно нужны были штатные единицы для сотрудников 2-го разряда или аспирантов, чтобы молодые специалисты,

---

¹²⁵ В варианте отчета, опубликованном в юбилейном сборнике Института, этих понятий уже нет, хоть и говорится о том, что на начальном этапе научной работы отдела необходимо было «заострение вопросов теории литературы», и расплывчато упоминается «живая научная полемика» о «принципах и методах исследования, как <...> в стенах Института, так и в общей печати» (Государственный институт истории искусств. С. 22).

¹²⁶ Еще при Зубове Назаренко с помощью чиновников ЛОГа директивно проводит в Институт двух коммунистов: М. И. Лапина, на которого было возложено заведование личным составом Института (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 158, л. 152, 153; ед. хр. 147, л. 93), и партийца С. А. Александрова на место смещенного легендарного камердинера Зубова Иннокентия Байковского (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, ед. хр. 147, л. 96). Впоследствии он подобную смену производил несколько раз (об этом ниже).

¹²⁷ О «кознях» Назаренко, его кляузах в ревизионные комиссии, навязывании издательству руководителями партийных функционеров и т. д. см.: *Кроленко А. А.* Дневник 1927 года // РО РНБ, ф. 1120, ед. хр. 223, л. 34, 76, 89об., 167, 169, 170.

¹²⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 47об.

заканчивающие ВГКИ, продолжили заниматься исследовательской работой при Институте. Кроме того, Назаренко поручалось добиваться от Наркомпроса утверждения нового устава Института, без которого более реальной казалась угроза расформирования, слияния и ликвидации¹²⁹. Он делегируется также на разные заседания по методологии и идеологии, в частности на конференции по социологии искусств¹³⁰. Ошибкой Шмита с первых лет было также назначение Назаренко исполняющим обязанности директора во время своих многочисленных отлучек. Все это в совокупности, как и реляции о «великой» роли Соцкома сыграли не последнюю роль в продвижении этого интригана.

На заседаниях Правления Назаренко не только отчитывался о поездках в Москву, но также выдвигал новые инициативы. Об одной из них следует сказать особо.

12 февраля 1926 года на заседании Правления Института Назаренко предложил организовать для молодых специалистов при Соцкоме «исследовательский семинарий по теории исторического материализма в применении к искусствоведению» (или короче — «Семинарий по марксизму»). Идея была поддержана Правлением, а работа в нем «признана обязательной для всех аспирантов ГИИИ»¹³¹. Семинарий начал функционировать в конце 1926 года, но на полную мощь работа в нем раскрутилась не сразу, а лишь к концу 1927 года, когда краткий период либерализации завершился. Самостоятельной единицей он стал после ликвидации Соцкома.

Назаренко хорошо чувствовал конъюнктуру. Именно в это время высшее начальство потребовало от молодых ученых подтверждения идеологической лояльности, что выражалось в обязательных экзаменах по марксизму и различным политнаукам¹³². Таким образом начинается отсев неугодных властям сотрудников. Контингент аспирантов и молодых специалистов

---

¹²⁹ Типовой устав вузов начал выработываться специальной комиссией Наркомпроса только в конце 1930 г. (см. Протокол № 25 заседания Президиума ЛОК от 24.09.1930 // СПб.О. АРАН, ф. 350, оп. 1, ед. хр. 387. Л. 56-58). До этого времени формально еще действовали уставы отдельных организаций и учреждений.

¹³⁰ См. об этом, например, в заседании Правления от 28 мая 1926 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 22, л. 60об.).

¹³¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 14, л. 131.

¹³² С марта 1925 г. по положению ГУСа при утверждении новых сотрудников в научные институты Главнаука требовала документ о сдаче экзаменов по Конституции СССР, историческому материализму и социологии искусств (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 11, л. 54—54 об.). К осени это требование распространилось на уже утвержденных и работающих научных сотрудников 2 разряда (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 16, л. 6 об.; ед. хр. 14, л. 7). Не сдавшие экзамены изгонялись из научных учреждений. Что касается аспирантов, то с 1 октября 1926 года им вменялся экзамен по марксистской методологии, который кандидаты в аспиранты должны были сдавать в специальной Комиссии по подготовке научных сотрудников при ГУСе (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 1; см. также: Основные узаконения и распоряжения по Народному Просвещению. С. 628—629).

меняется. И главный «марксист» Института подключился к этой кампании, понимая, что с молодежью ему будет справиться легче.

В фонде ГИИИ сохранилась папка протоколов заседаний с 19 октября 1927 по 21 июня 1930 года¹³³ этого так называемого «исследовательского семинария». Судя по этим документам, Назаренко, наконец, удастся создать структуру по борьбе с методологическим инакомыслием.

Материалы эти представляют определенный культурологический интерес. Все аспиранты и сотрудники 2-го разряда были обязаны принимать активное участие в занятиях этого семинария¹³⁴. Основной формой работы в нем были реферативные обзоры книг по специальности, а также доклады. По окончании семинария Назаренко писал характеристики на «семинаристов», которые также сохранились в этой папке.

Книги для обзора, как правило, предлагал сам руководитель. Это была социологическая и марксистская методологическая литература последнего времени (Фриче, Сакулин, Иоффе, Маца). Однако разрешалось выбирать литературу и самим аспирантам. Выбранные монографии по специальности полагалось критиковать с марксистских позиций (имярек «не понял», «не внедрил», «не учел» и т. д.). Доклад на самостоятельную тему подвергался обсуждению и критике руководителем и всеми присутствующими. Когда дело касалось «неправоверных» аспирантов, то обсуждение представляло собой по сути дела «разнос», который строился на стандартных и огульных обвинениях: «ненаучность», «неверное понимание природы искусства», «механисцизм», «идеализм», «неубедительность», «не принципиальность», «недостаточная заостренность в марксистском отношении», «отсутствие научной базы», «методологическая неясность», «неразвитость мысли», «рецидивы формализма» и т. д. Если же доклад делался «верноподданными» аспирантами, то они столь же примитивно и однозначно расхваливались и всячески приветствовались.

Перед нами, по сути дела, «кузница» той самой оголтелой марксистско-ленинской критики, а точнее шельмования, которая в течении последующих лет заменит собой серьезную научную полемику и, в определенной мере, науку вообще.

Как пример, можно привести обсуждение на семинарии доклада «чужака» Г. А. Гуковского «К вопросу о взаимоотношении литературы и культуры», заслушанном на заседании 14 декабря 1927 года. Говоря о необходимости «выяснения ряда новых понятий, долженствующих служить основанием социологии литературы», Гуковский высказывает актуальную для его научных установок мысль, что «при ориентировке на вне литературные ряды, <влияющие на литературный процесс — К.К.>

---

¹³³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34.

¹³⁴ Судя по протоколам заседания (где давался список присутствующих), далеко не все аспиранты в 1927 и 1928 гг. посещали заседания, но 14 ноября 1928 г. руководитель вынес постановление в новом академическом году посещать неукоснительно (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 68).

достаточно иметь промежуточные, не восходящие к первоначальным — экономике и политике» понятия: в качестве таковых он называет «общие идеи, выработанные на материале исследования того или иного осмысления литературных фактов в данную эпоху (литературная мораль, тенденциозность, облик писателя, тип бытования произведения)». Доклад вызвал шквал критики. И. И. Соллертинский оценил его как «эволюцию формалистов в сторону германской идеалистической эстетики», А. Я. Андрузский заклеил как «разделение формы и содержания», а Назаренко назвал Гуковского, находящимся «в стадии метафизического мирозерцания»¹³⁵.

Усилившееся давление партийных инстанций на научные институты в начале 1928 года непосредственно отражается на работе семинария. Теперь даже «штатные» институтские социологи, если они были не «своими», т. е. не достаточно ортодоксальными марксистами, подвергались обструкции. Например, из тезисов по докладу И. И. Соллертинского (4 апреля 1928) «Гегельянство в современной западноевропейской эстетике» явствует, что докладчик, рассматривая некоторые идеи современных европейских философов, выявлял их объективно-идеалистический подход к искусству. Однако и эта критика не удовлетворила оппонентов: Горбачев указал, что «надо не выдвигать на первый план западноевропейскую научную мысль, а в первую очередь изучать Маркса», а Назаренко отметил, что «надо конкретизировать проблему диалектически, и с этой целью изучать диалектику Ленина»¹³⁶.

Симптоматично было выступление аспиранта Ц. С. Вольпе, с докладом под названием «Проблемы литературного быта в современном литературоведении» (6 февраля 1929 года), который в переработанном виде Горбачев взял с подготовленный им сборник «За марксистское литературоведение»¹³⁷. Доклад был направлен против Эйхенбаума и работ его учеников, занимавшихся в семинарии по литературному быту. Нонсенс заключался в том, что как раз в это время (в 1928-1930-м годах) сам Вольпе активно участвовал в семинарии по быту, о чем свидетельствуют сохранившиеся протоколы заседаний¹³⁸. Таким образом, критика на семинарии установок учителя в «правильном» духе («суживание влияния социальной среды», «формалистский категориальный схематизм», «искажение

---

¹³⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 10—11 об.

¹³⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 21об.-22.

¹³⁷ За марксистское литературоведение. Сборник статей / Под ред. Г. Е. Горбачева. Л., 1930. С. 143-168. Статья написана более сдержано и дипломатично, объектом критики в ней стал не Эйхенбаум и его ученики, а авторы книги «Словесность и коммерция», ученики Шкловского Т. Гриц, В. Тренин и М. Никитин.

¹³⁸ См. протоколы семинария по быту, сохранившиеся в фонде С. А. Рейсера: ОР РНБ, ф. 632, оп. 2, ед. хр. 12, л. 3, 4, 10, 13, 38, 45, 50,, 54, 58, 60, 62, 72, 82, 86.

подлинной картины отношения литературы и социальной действительности»¹³⁹) становится нормой¹⁴⁰.

В качестве примера похвальной оценки можно привести оценку доклада Т. К. Ухмыловой «Демьян Бедный и его сатира», который Назаренко определил как «веху большого общественно-научного значения», поскольку в Институте докладов «о творчестве пролетарского поэта» еще не было¹⁴¹.

И наконец, Назаренко использовал семинар не только для борьбы с формализмом и идеализмом, но и в своих далеко идущих планах: сместить Шмита и занять пост директора. Чтобы дискредитировать методологию Шмита, он инспирирует доклады, сделанные на этом семинарии его учеником А. Я. Андрузским: «Критика биологической теории происхождения искусства Ф. И. Шмита» (26 января 1927)¹⁴² и «Механистическая и диалектическая точки зрения в искусствознании» (9 ноября 1927)¹⁴³, а также сообщение об упомянутой выше книге Шмита «Предмет и границы социологического искусствознания», где автор обвинялся в «чисто формальном подходе к искусству» (22 февраля 1928)¹⁴⁴.

Первый доклад был сделан вскоре после возвращения Шмита из Берлина, куда осенью 1926 года директор вывез институтскую выставку копий фресок, сделанных сотрудниками мастерской по древнерусской архитектуре при ИЗО. Выставка имела успех и, судя по письмам Шмита из Германии, он был с почестями встречен официальными кругами (вплоть до демонстрации симпатий полпредством), тепло и уважительно немецкими коллегами и прекраснодушно замышлял продолжить культурные обмены.

Однако, вернувшись в Институт, директор оказался в гуще склок и неурядиц. Без его ведома началась серьезная реорганизация отдела ИЗО: сюда были директивно переведены чуждые ему по духу сотрудники ГИНХУКа¹⁴⁵. «Слияние» ИЗО и Института художественной культуры произошло 15 декабря 1926 года. При этом передача имущества и перестройка ИЗО (отделы ликвидируемого института первоначально вошли в него как экспериментальные лаборатории) происходили в спешке, лаборатории оказались материально не обеспечены: были урезаны

---

¹³⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 92–92об.

¹⁴⁰ Справедливости ради следует заметить, что эта критика вызвала принципиальные и аргументированные возражения одного из участников эйхенбаумского семинария И. Г. Ямпольского. Его аргументы поддержал Грубер, приводя примеры объяснения музыкальных явлений фактами быта (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 92об.–93).

¹⁴¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 166.

¹⁴² Распределение заседаний по ГИИИ // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 18, л. 54.

¹⁴³ Шмит здесь, соответственно, обвиняется в «механисцизме» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 7об.–8).

¹⁴⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 34, л. 14 об. Эти доклады тогда же были опубликованы, что положило начало травле Шмита в печати. Заметим, что книга Шмита вышла под эгидой Соцкома с указанием на шмуцтитуле его председателя Назаренко.

¹⁴⁵ Следует напомнить, что Шмит был действительным членом этого отдела и научно с ним связан.

обещанные штаты и смета, бюджет Института трещал по швам. Шмит счел это слияние «катастрофой»¹⁴⁶.

Кроме того, в отсутствие директора пришла резолюция Президиума Научно-художественной секции Главнауки от 9 декабря 1926 года, в которой подчеркивалось «отставание» ИЗО от других отделов ГИИИ в деле дальнейшего «усвоения и углубления социологического метода в искусствоведении», и указывалось на недостаточное «внимание к вопросам современного искусства и современного художественного быта». Но что было для Шмита особенно болезненным – это прозвучавшее в резолюции подозрительное отношение к устроенной им выставке древнерусских фресок в Берлине, которая, как отмечалось в резолюции, «заставляет поднять вопрос о самом идеологическом смысле» подобных мероприятий¹⁴⁷. Шмит приписал появление этого циркуляра проискам Назаренко, что было вполне вероятно. Во всяком случае, последний использовал его для инсинуаций против ИЗО и Шмита. Чтобы «уяснить обстановку», Шмит едет в Москву. По всей видимости, опасения директора на этот раз не оправдались. Во всяком случае, на следующий день по возвращении он поспешил дезавуировать эту резолюцию: на заседании Правления Института 7 января 1927 года было принято «постановление» признать обвинения по адресу ИЗО не обоснованными и поручить Пунину опротестовать их¹⁴⁸. Сам Шмит тоже пишет ответ, где, в частности, пытается обосновать необходимость изучения Институтom древнерусского искусства¹⁴⁹.

И тут-то как раз последовал удар с другой стороны: первый «разнос» научно-методологических работ Шмита на «марксистском семинарии», о котором мы упоминали выше. Шмит очень болезненно реагировал на критику своих теоретических трудов. Еще до кампании, предпринятой на семинарии Назаренко, он в письме к своему харьковскому другу, профессору Б. С. Бутнику-Сиверскому жаловался на критику его работ в газетно-журнальных рецензиях¹⁵⁰. Беспрецедентная травля руководителя методологической секции в его же секции за ошибочную и буржуазную методологию потрясла его и выбила из колеи. На следующий день после доклада Андрузского, 27 января 1927 года, Шмит пишет письмо Новицкому,

---

¹⁴⁶ См. подробнее историю скандального пребывания ГИНХУовцев в ГИИИ в статье: *Кумпан Ксения*. Казимир Малевич и сотрудники ГИНХУКа в ГИИИ. Р. 349–406.

¹⁴⁷ См. текст этой резолюция (от 4 декабря 1926 г.) как приложение к протоколу заседания от 7 января 1927 г., где она была заслушана (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 82).

¹⁴⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 108. 25 февраля 1927 г.

¹⁴⁹ Шмит указывает, что в СССР Институт – «единственное учреждение», которое занимается изучением и копированием древних фресок, и что Институту удобно этим заниматься «в виду наличия в Ленинграде богатейших собраний <...> а также ввиду близости главнейших центров древнерусского искусства (Старой Ладogi, Новгорода, Пскова и др.)» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 23, л. 110).

¹⁵⁰ Письмо опубликовано в мемуарах дочери Шмита: Российский институт истории искусств в мемуарах. С.199.

где достаточно откровенно излагает события последнего времени. Он просит Новицкого «приехать, разобраться и помочь найти выход из создавшегося положения», которое Шмит называет «угрожающим для Института». Неизвестно, было ли письмо отправлено по адресу, или Шмит испугался излишней откровенности. Позволим себе процитировать несколько фрагментов из него, достаточно ярко рисующих картину жизни Института в начале 1927 года и содержащих нелицеприятную характеристику врага.

«И до моего отъезда за границу не всегда мне было легко ладить с Я. А. Назаренко. Но так как он член партии <...>, я терпеливо сносил его выходки и систематически утихомиривал проявления его эмоциональности и необузданного властолюбия». Далее, перечисляя все последние случаи самоуправства Назаренко и все причиненные ему неприятности (отстранение от издательского дела, слияние «наспех», без «делового плана» ИЗО с ГИНХУКом, натравливание на него сотрудников и т. д.), Шмит признается: «Когда я вернулся, я застал Институт в таком состоянии брожения, что испугался». Он жалуется на «диктаторский тон» Назаренко, на его хамское поведение на Правлении, когда тот при свидетелях в лицо директору говорит о его беспомощности и требует, чтобы его, Назаренко, а не директора посылали выяснять вопросы в Москву, так как Шмит «все равно в Москве добиться» ничего не может. Обструкцию в Соцкоме он описывает следующим образом: «В Секции теории и методологии, председателем которой считаюсь я, Я. А. Назаренко идет походом против меня и в качестве катапульты пользуется новым нашим аспирантом т. Андрузским <...>, который теперь специализируется на совершенно неприличных выступлениях против меня». И далее Шмит так характеризует самого председателя Соцкома: «Кто станет добровольно работать с Назаренко? Председатель, который научно никакого авторитета не имеет, который держится только страхом <...>, который всякую попытку протеста или критики забивает грозными словами о “склоке”, “контрреволюции” и т. д., — это не организатор добровольной научной работы»¹⁵¹.

Именно с этого момента положение Шмита становилось двусмысленным. Противостоять участившимся интригам и скандалам Назаренко он был не в состоянии. Сохранилась запись в дневнике А. А. Кроленко от 1 октября 1927 года, где фиксируется приход Шмита на прием в издательство «по личному несколько странному поводу. Говорит, что не может справиться с институтской работой, хочет уходить и интересуется, может ли получить заработок в издательстве»¹⁵².

Опережая события, следует сказать, что вражда между директором и Назаренко не утихала. Она то уходит вглубь, то прорывается наружу. Шмит

---

¹⁵¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 50, л. 2–3об. С купюрами опубл.: Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 200–201.

¹⁵² Кроленко А. А. Дневник 1927 года // РО НРБ, ф. 1120, ед. хр. 223, л. 144. Здесь же Кроленко записывает: «Потом приходит Донцов и рассказывает про институтские неурядицы».

все более и более оказывается не у дел и все более и более попадает в унижительное и зависимое положение. Так, отдавая себе отчет в научной несостоятельности Назаренко, директор собственноручно в ноябре 1928 года пишет ему рекомендацию для избрания на должность действительного члена ГИИИ, где говорит о его «достаточно заметном вкладе в марксистскую методологию в литературоведении»¹⁵³.

И тем не менее, несмотря на скандалы в Правлении и Соцкоме, вражду между директором и его заместителем, временные «неурядицы» в ИЗО и «реорганизацию» МУЗО, в Институте в течение 1927–1928 годов продолжается активная научная и учебная работа. На заседаниях всех отделов и подразделений читаются доклады институтскими сотрудниками и приглашенными профессорами, готовятся институтские сборники и временники. Даже шквал газетно-журнальной критики, который обрушился на ведущих сотрудников Словесного отдела после знаменитого «диспута формалистов с марксистами», состоявшегося 6 марта 1927 года¹⁵⁴, не отразился на продуктивности их исследований. Более того, «формалисты» какое-то время чувствовали себя победителями. На открытом заседании Отдела словесных искусств, по поводу чествования пятнадцатилетнего юбилея Института, 29 марта 1927 года при огромном стечении молодых ученых и приглашенных известных профессоров, а также институтской и университетской студенческой молодежи, формалисты, как прежде, выступили вместе, расценив предоставленную им кафедру как подведение итогов своей общей институтской научной деятельности. С докладами выступили Жирмунский, Эйхенбаум, Тынянов, Виноградов и Бернштейн. «Вчера было чествование нас, формалистов», – написал В. В. Виноградов будущей жене на следующий день.

Вообще юбилей Института был отпразднован с большой помпой. Сохранилась целая папка поздравлений – телеграмм и адресов, в числе которых были поздравления от Луначарского, Главнауки, ГУСа, Н. Я. Марра и еще полусотни различных институтов и учреждений¹⁵⁵. В эти же 1927–1928 годы Институт принимает и чествует приглашенных в Институт Жоржа Дюамеля и Люка Дюртена, а также профессора Боннского университета

---

¹⁵³ Назаренко избирается действительным членом по Соцкому на заседании Ученого Совета 23 ноября 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 8–8 об.); текст рекомендательного письма см.: ЦГАЛИ СПб, арх. Ф.И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 84, л. 9.

¹⁵⁴ См. публикацию стенограммы этого диспута, подборку откликов на нее критиков и подробный комментарий, подготовленный Д. Устиновым: Новое литературное обозрение. 2001. № 50.

¹⁵⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 24.

Оскара Вальцеля¹⁵⁶. Сотрудники Института, как прежде, ездят в научные заграничные командировки (Асафьев, Вальдгауэр, Гвоздев, Жирмунский, Э. Г. Иогансон, С. С. Мокульский, Грубер, Н. Н. Пунин, Н. Э. Радлов, А. Л. Слонимский, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский, Р. Р. Томашевская, Л. В. Щерба и т. д.). В эти годы Правление добивается утверждения новых сверхштатных сотрудников, например, Словесное отделение пополняется такими замечательными молодыми исследователями, как В. Я. Пропп, Ю. Г. Оксман, В. Л. Комарович, Л. Я. Гинзбург, Б. Я. Бухштаб, Г. А. Гуковский. Еще в начале 1929 года в Институте успевают защитить диссертации аспиранты Колпакова, Пропп, Каверин и Гуцин. Подключается к исследовательской и преподавательской работе вновь созданный Кинокомитет, в заседаниях которого активно участвуют Трауберг и Козинцев, и выходит сборник «Поэтика кино». Начинают функционировать экспериментальные лаборатории ГИНХУКа (Малевича, Матюшина и Никольского) при ИЗО. В этом отделе также в начале 1928 года состоялось открытое заседание, посвященное юбилею Б. М. Кустодиева¹⁵⁷. В Комитете современной литературы выступают с чтением своих произведений Вагинов, Замятин, Пильняк, А. Н. Толстой, Каверин, Эренбург, в начале 1928 года устраивается «Дискуссия о поэтах реального искусства»¹⁵⁸, а в конце этого года – «Вечер современных поэтов», где выступают Заболоцкий, Хармс, Вагинов и др.¹⁵⁹ Кабинет этого Комитета пополняется рукописями Клюева, М. Кузмина, Гуро, Замятина. В Комитете художественной речи (КИРХе) записываются валики с авторским чтением стихов: Мандельштама, Лившица, Пяста, Андрея Белого, Ахматовой, Сологуба, Мариенгофа, Туфанова, Верховского и мн. др. 9 ноября 1928 года Бернштейн предлагает обмен с Парижским архивом (при Сорбонне) и с Берлинским архивом (при Психологическом институте) техникой, валиками, граммофонными пластинками¹⁶⁰. Студенты устраивают праздничные заседания и литературные вечера в Белом зале Мятлевского дома и в Красной и Зеленой гостиных Зубовского особняка, сотрудники – праздничные вечеринки в связи с годовщинами отделов¹⁶¹, МУЗО организует камерные концерты, КИРХ – чтения-декламации и т. д.

---

¹⁵⁶ См. по этому поводу письмо Жирмунского Шмиту от 15 августа 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 101, л. 1), а также официальное приглашение на его доклад, состоявшийся 19 октября 1928 г. (РГАЛИ, арх. Б. М. Эйхенбаума, ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 807, л. 23).

¹⁵⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 18, л. 65–66.

¹⁵⁸ Дискуссия состоялась 23 февраля 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 38, л. 112).

¹⁵⁹ Вечер состоялся 17 декабря 1928 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 40, л. 41).

¹⁶⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 38, л. 129–130.

¹⁶¹ См., например, заявление Г. А. Гуковского от 30 ноября 1928 г. на устройство «ежегодной вечеринки» в связи с восьмилетием образования ЛИТО, которая проходила 8 декабря 1928 г. в Зеленой и Красной гостиных Зубовского дворца (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 42, л. 48).

Параллельно существовала другая реальность, но она, так же, как в прежние годы, пока затрагивала Институт «по касательной». Мы имеем в виду празднование годовщины десятилетия Советской власти («Великого Октября»), прокатившееся по стране с небывалым размахом и помпезностью. Уже 13 сентября 1926 года в Правление ГИИИ, как и во все научные учреждения, был разослан циркуляр из Художественного Отдела Главнауки «по вопросу о проведении празднования 10-летней годовщины Октябрьской революции». Здесь было подробно расписано, как следует устраивать торжественные заседания, выставки, как организовывать экскурсии «широких масс для их ознакомления с деятельностью учреждения», выставки «достижений» за 10 лет работы¹⁶². Надо сказать, что на эту директиву откликнулся только Соцком, который 4 декабря устроил открытое заседание, «посвященное X годовщине». Здесь Назаренко делает доклад «Разработка вопросов социологии искусства за 10 лет», а Шмит — «Произведения художественной агитации и пропаганды Октября как исторический материал»; после этого заседания в рамках Соцкома был устроен общественный просмотр выставки «История массовых празднеств Республики Советов за 10 лет», под руководством Гущина¹⁶³. Комиссия при Губкоме ВКП(б) выдает законопослушному Соцкому 300 руб. для произведения учета празднования годовщины Октябрьской Революции в провинции силами ГИИИ¹⁶⁴, учет этот был одобрен ЦК ВКП(б)¹⁶⁵.

Остальные отделы откликнулись на бумаге. Отдел теории и истории музыки в своем плане заверял, что «вся работа Отдела» в грядущем году будет «связана с празднованием 10 летней годовщины Октября»¹⁶⁶, ТЕО оповестил, что в связи с предстоящим юбилеем берется разрабатывать общую тему «Русский театр за революционные годы»¹⁶⁷. В документах Института имеется также список из 9 книг, которые Назаренко на Правлении (19 ноября 1926) предложил издать к предстоящему юбилею, но ни одна из них не вышла¹⁶⁸. В качестве совершенно не конъюнктурного запроса можно

---

¹⁶² Циркуляр Главнауки о праздновании X годовщины // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 30, л. 8.

¹⁶³ Повестка на это заседание // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 17.

¹⁶⁴ Протокол заседания Правления от 14 октября 1927 г. // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 30, л. 4об.

¹⁶⁵ Протокол заседания Правления от 27 мая 1927 г. // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 29, л. 64об. Сотрудники Секции ХАП рассылали разработанные ими опросные листы в различные регионы с просьбой дать отчет о проведенных мероприятиях.

¹⁶⁶ Производственный план на 1926/1927 г. // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 21, л. 10.

¹⁶⁷ Там же, л. 16об.

¹⁶⁸ Мы имеем в виду следующие книги – по Соцкому: «Диалектика искусства», «Искусство Октября» и монография К. К. Романова «О крестьянском искусстве»; по ИЗО: «Изобразительное искусство и искусствоведение за 10 лет»; по МУЗО: «Специальный сборник»; по ТЕО: «Мемуары по революционному театру», «Итоги театрального Октября» (монография Гвоздева); по ЛИТО: «Современная литература» (сборник о

привести инициативу Бернштейна, который, воспользовавшись юбилеем, официально обратился через Правление ГИИИ в Наркомпрос с просьбой выделить деньги на изготовление радиоприемника, приспособленного «для фонографной записи праздничных речей в Москве и Петербурге», необходимых его Комитету для изучения ораторской речи¹⁶⁹.

Смена курса и первая реорганизация

Политическая обстановка в стране резко меняется в 1928 году. Смена эта маркируется XV съездом ВКП(б), происходившим со 2 по 19 декабря 1927 года, где был провозглашен курс на коллективизацию, утверждены директивы по первому пятилетнему плану и осужден троцкистско-зиновьевский блок. Доклад Сталина о «ликвидации капиталистических элементов в народном хозяйстве» (в промышленности – борьба с кустарями, а в деревне – с кулаками) означал свертывание НЭПа и ставил на повестку дня вопрос об усилении классовой борьбы. Все это предвещало новое наступление на интеллигенцию, усиление борьбы с инакомыслием и однозначность оценки всех явлений с «классово-пролетарских позиций».

Собственно в таком ключе директивы съезда толковались наркомом Луначарским. В резолюции по его докладу «Об очередных задачах Наркомпроса», опубликованной в «Еженедельнике»¹⁷⁰, содержится положение об искоренении «остатков старого уклада и новой буржуазии на почве НЭПа», которая «продолжает свои попытки вредительства, измены и контрреволюции». От научных деятелей требовалось «развивать и укреплять марксистское миросозерцание» и «бороться с чуждыми нам течениями». Таким образом был дан старт на унификацию научных подходов, школ, направлений и ликвидацию творческих союзов и научных объединений.

Сменой курса, вероятно, можно объяснить неожиданно последовавшую резко негативную оценку работы Института в резолюции Научно-художественной секции ГУСа, прозвучавшую на заседании Коллегии от 26 января 1928 года. Она была зачитана на заседании Правления Института от 17 февраля 1928 года. Больше всего претензий было к ЛИТО: чиновники Наркомпроса энергично включились в борьбу с «чуждыми нам течениями». Словесному отделению инкриминировалось «доминирование формального

современном литературном быте), «Библиография по истории и теории литературы за 10 лет». Этот список был отправлен 27 июня 1927 г. Назаренко к Кроленко с требованием их издания в директивном порядке в издательстве «Academia» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 35, л.11а – 11а об.). Возможно, впрочем, список был изначально фикцией, способом давления на издателя, провокацией, с помощью которой Назаренко вынудил издателя включить его в Правление издательства (22 июня 1927).

¹⁶⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 30, л. 16–17.

¹⁷⁰ Эта резолюция по докладу Луначарского на XV съезде об очередных задачах НКП была утверждена коллегией НКП 10.05.28 (см.: Ежегодник Наркомпроса. 1928, № 20–21. 18 мая).

метода», причем в качестве примера такого формального исследования, «в корне противоречащего марксистскому литературоведению», называлась книга Б. М. Энгельгардта «Формальный метод в истории литературы»¹⁷¹. Нарекание вызывает и Комитет современной литературы, поскольку тот «понимает “современность” хронологически, а не в отношении созвучности того или другого писателя эпохе». Иначе говоря, вышестоящие инстанции ставят на вид, что «из поля зрения Комитета совершенно вышли писатели пролетарские и крестьянские». В том же духе дается оценка работе КИРХа, которая не ведется «в классовом и профессиональном разрезе».

Впрочем в этом документе критике подверглись и другие отделы. Например, Соцкому ставится на вид, что «его методы не проникают во все части организма Института». Ошибки были отмечены и в работе наиболее лояльного к новым веяниям ТЕО, который обвиняется в отсутствии исследований о «воздействии на театр революционных эпох» (что было несправедливым), о «связи театра с развитием хозяйственных форм», указывается на его отстранение от «живых театральных организмов» (что тоже было неправдой), на то, что «не уделено внимания современной драматургии и фабричному театру»¹⁷². Что же касается Института в целом, то «самое серьезное внимание» вышестоящие инстанции обращают на отсутствие «достаточного количества искусствоведов-марксистов»¹⁷³.

Шмит, несмотря на «исключительную гибкость» (по определению Зубова¹⁷⁴), на этот раз не смог предусмотреть серьезность положения – начала смены политического курса по отношению к науке. В сохранившихся обширных тезисах к его отчетному докладу, сделанному в Коллегии Наркомпроса 15 февраля 1928 года¹⁷⁵, которые были написаны через несколько дней после указанного выше циркуляра, он в прежнем широковещательном ключе рапортует о «живой связи» научных разработок всех отделов Института «с текущей художественной жизнью города», говорит о «привлечении новых материалов» в сферу научных исследований (крестьянского и самодеятельного искусства), отмечает коллективный характер работ в кабинетах и лабораториях и т. д., иначе говоря, акцентирует те самые «задачи», которые ставились перед Институтом в предыдущие годы. Что же касается марксистского искусствоведения, то, заявляя о

---

¹⁷¹ Энгельгардт Б. М. Формальный метод в истории литературы. Л.: Academia, 1927. Серьезная философская полемика с морфологическим методом, содержащаяся в этой книге, вероятно, осталась неизвестна чиновникам ГУСа.

¹⁷² Откликом на эти замечания ГУСа явилась инициатива Гвоздева, заявленная на заседании Правления от 8 февраля 1928 г., ввести культшефство над клубными театрами; здесь же он указывает, что ТЕО берется руководить театром профсоюза «Пищевкус» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 41, л. 14).

¹⁷³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 31, л. 173; то же: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 78; ед. хр. 41, л. 46–46 об.

¹⁷⁴ Зубов В. П. Институт истории искусств // Мосты. 1963. № 10. С. 390.

¹⁷⁵ Дата зафиксирована в отношении Главнауки от 31 января 1928 г. с приглашением на это заседание // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 27, л. 68.

разработке Институтом «такой искусствоведческой системы, которая соответствовала бы нуждам Советского государства» и могла бы «лечь в основание советской художественной политики», он продолжает настаивать: «задача эта может быть разрешена удовлетворительно не путем механического приложения к искусствоведческому материалу общих марксистских принципов», «а лишь путем методической проработки своего специфического фактического материала в духе диалектического материализма», и подчеркивает, что на такую разработку требуется время¹⁷⁶. На жесткое требование незамедлительного внедрения марксизма Шмит еще пытается возражать, впрочем это возражение было последним.

События развиваются стремительно. Набирает оборот так называемая кампания «спецедства»¹⁷⁷, которая, как известно, началась после Апрельского (1928) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), явившегося рецидивом «шахтинского дела». Постановления пленума об устранении «буржуазных спецов», чуждых идеалам социализма, и призыв к срочной замене их «красными пролетарским кадром» привели к массовому увольнению профессионалов в разных областях. Новый кадр должен был отвечать двум требованиям: 1) иметь пролетарское происхождение 2) соблюдать верность идеям марксизма-ленинизма.

Новая кадровая политика вылилась в лавину реорганизаций, а затем в лавину «чисток», причем все это началось «сверху», с партийного аппарата и руководящих ведомств. С середины 1928 года началась реорганизация Наркомпроса. Уже 4 мая 1928 года на заседании Правления Института было заслушано сообщение Шмита о появлении в недрах Наркомпроса новой структуры – Главискусства, но «вопрос об оставлении ГИИИ в ведении Главнауки или же переводе его в ведение Главискусства еще не был разрешен»¹⁷⁸. 8 июня 1928 года на заседании Правления «слушали информационное сообщение Новицкого о предполагаемой структуре Главискусства и о положении ГИИИ в связи с учреждением сего ведомства»¹⁷⁹. 15 августа Институт был переведен под управление этой новой структуры¹⁸⁰.

Главискусство было создано как идеологический орган, занимающийся исключительно «вопросами методологического и идеологического характера в области художественной деятельности», а также «организацией

---

¹⁷⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп 3, ед. хр. 27, л. 69–71.

¹⁷⁷ Это официальное название, изобретенное партийным руководством, возникло через несколько лет, в период временного отката и частичной критики кампании по уничтожению «спецов».

¹⁷⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 41, л. 104

¹⁷⁹ Там же, л. 135. Главискусство было учреждено 13 апреля 1928 г.

¹⁸⁰ См. выписку из Протокола заседания Коллегии Наркомпроса от 15.08.28 § 1 подпункт 5: постановление «О передаче ГИИИ Главискусству» (ГА РФ, ф. 2306, оп. 75, ед. хр. 33). Об этом доложил директор ГИИИ на заседании Ученого Совета института 28 ноября 1928 г. (см.: Протокол этого заседания // ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 8–8об.).

исследовательской работы в области искусства»¹⁸¹. Методология Института как раз в это время начинает подвергаться нападкам не только руководящих органов, но и прессы. Так в декабрьском номере журнала «Современный театр» появляется статья И. С. Туркельтауба, в которой говорится, что в ГИИИ «марксистская мысль» встречает «организованный отпор со стороны реакционной части ученых искусствоведов», а также отмечается, что применение «в отдельных случаях» социологического метода, которое «едва-едва» началось в Институте, не есть марксистское искусствознание, так как «социологический и марксистский методы, как известно, понятия далеко не тождественные»¹⁸². Провокационная роль прессы, подталкивающей партийную «политику» в сторону репрессий, по отношению к Институту представляется очевидной.

Итак, «ГИИИ был объявлен научно-исследовательской лабораторией Главискусства как производственно-организационного органа»¹⁸³. Возглавляющий этот новый орган А. И. Свидерский (переброшенный из наркомата земледелия в заместители наркома просвещения) действовал четко в соответствии с партийными директивами. Институт обязан был выполнять «работы по удовлетворению текущих нужд социалистического строительства в городе и деревне» и «работы по требованию широких низовых масс трудящихся»¹⁸⁴. Иначе говоря, научное учреждение призвано было обслуживать бюрократическую структуру (Главискусство) и одновременно широкие массы трудящихся. Никого отношения ни к изучению *истории искусств* (а именно так еще назывался Институт), ни к исследовательской деятельности вообще поставленные задачи не имели.

Еще до получения инструкций о новых заданиях, 28 сентября 1928 года Свидерский потребовал от Института «представить операционный план»¹⁸⁵. 30 ноября 1928 года на заседании Правления слушали «отношение Секретаря Главискусства» с извещением, что 7 декабря 1928 года новое начальство «предполагает заслушать отчетно-перспективные доклады ГИИИ и ГАХН»¹⁸⁶. Соединение этих двух научных центров означало возвращение к вопросу о дублировании и параллельности их работ, что угрожало слиянием, расформированием или ликвидацией одного из них. И действительно, в отчетном докладе Шмита (на Правлении Института от 14 декабря 1928) о

---

¹⁸¹ См. об этом в постановлении «О дополнениях и изменениях положения о НКП РСФСР от 17.09.28 в связи с образованием Главного управления по делам художественной литературы и искусства», опубликованном в «Ежегоднике Наркомпроса» (1928. № 45).

¹⁸² Современный театр. 1928. № 50. С. 798. Об этой заметке на заседании Правления 14 декабря 1928 г. сообщил А. А. Гвоздев, указавший на необходимость немедленно ответить на «обвинение Института в саботаже» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 42, л. 54).

¹⁸³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 2–2об.

¹⁸⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 1.

¹⁸⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 42, л. 18.

¹⁸⁶ Там же, л. 43.

поездке на это заседание указывается, что «особое внимание товарищей привлекли вопросы о структуре Института», в связи с «параллелизмом работы ГАХН и ГИИИ». Также здесь был поставлен вопрос «об усилении работы по созданию последовательно-марксистского искусствоведения» и «об изучении современного искусства»¹⁸⁷. В опубликованном в прессе кратком отчете об этом заседании все названо своими именами: «А. И. Свицерский в своем заключении на доклады <П. С. Когана – от ГАХН и Ф. И. Шмита – от ГИИИ> ставит вопрос нужны или не нужны ГАХН и Институт, поскольку существуют Академия Наук и Коммунистическая Академия». Было принято следующее распределение сфер: ГАХН основное внимание «надлежало уделять собиранию, описанию и исследованию материала по всем видам искусств», а ГИИИ передавалась «разработка общеметодологических и теоретических проблем искусствознания», т. е. по-прежнему вменялось заниматься проблемами марксистской методологии в применении к искусствознанию. В заключение вновь указывалось на необходимость «ввести новые марксистские силы для работы в ГАХН и Институт»¹⁸⁸.

Резолюция о «принципах реорганизации» ГИИИ была принята Главискусством несколько позже, 29 января 1929 года. В Институте заговорили о ней на Ученом совете 8 февраля 1929 года¹⁸⁹. Принципы были утверждены Правлением Института 15 февраля 1929 года¹⁹⁰. По плану реорганизация должна была закончиться через три месяца, т. е. к середине мая.

Что она собой являла и как происходила, можно представить, дешифруя «Отчет о деятельности Института за 1928/29 год», составленный 24 мая 1929 года¹⁹¹, и сопоставляя его с «принципами реорганизации», занесенными в протокол заседания Ученого совета от 8 февраля 1929 года. Реорганизация, а, по сути дела, начальная ломка Института проходила мучительно и с большим сопротивлением ведущих научных сотрудников Института¹⁹².

Поскольку во главу всей работы следовало поставить марксистско-классовое изучение современного рабоче-крестьянского искусства («широких масс»), то в первую очередь были созданы «новые» комитеты современного искусства. Руководителями их стали марксисты, а к работе были привлечены общественники-коммунисты «независимо от специальной

---

¹⁸⁷ Там же, л. 57–57об.

¹⁸⁸ Исследовательская работа по театру // Современный театр. 1928. № 51. С. 827.

¹⁸⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 15об.-16.

¹⁹⁰ Повестку на это Правление см.: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 40, л. 60.

¹⁹¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 1-75. Далее неоговоренные цитаты приведены по этому документу.

¹⁹² Это явствует из фразы в отчете: «Доклад вызвал оживленные прения, развернувшиеся вокруг вопросов об изжитии противоречий в структуре Института, об усилении работы ГИИИ по созданию марксистского искусствоведения, о необходимости изучения в ГИИИ современного искусства и обслуживании научным опытом ГИИИ текущей художественной жизни» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 1об.).

научной квалификации»¹⁹³. Таким образом, в Комитет современного искусства при ИЗО, возглавляемого с момента его создания Н. Н. Пуниным, пришли бесцветный музейный работник партиец С. К. Исаков (на пост председателя) и не имеющие никакого отношения к науке скульптор ВХУТЕМАС В. В. Эллонен (на пост секретаря) и ныне почти забытые руководитель мастерских рабочей самодеятельности М. С. Бродский и баварский коммунист и художник Г. И. Пессати (последние два – в качестве «привлеченных к работе» марксистов-общественников). А на смену Ю. Н. Тынянову, возглавлявшему Комитет современной литературы, пришли рапповец и ревностный борец с формализмом Г. Е. Горбачев (председатель) и марксистский критик Л. В. Цырлин (секретарь).

Под словом «реорганизация» подразумевалась также смена руководства некоторых отделений Института, смена Правления и перестройка структуры Института. Замена была связана не только с «укреплением» Института марксистскими силами. «Проблема перевода научных работников Института на рельсы марксистского искусствоведения требовала в первую очередь ликвидации чисто формалистических тенденций <...>, прочно водворившихся на Отделах ИЗО и ЛИТО», — писал в указанном отчете Шмит. И здесь же констатировал замену руководителей этих отделов: Вальдгауер (специалист по античному искусству, теперь не востребованному, под горячую руку затесавшийся в формалисты) был заменен на того же Исакова, а бессменного руководителя словесного отделения Жирмунского сменил все тот же Назаренко. В ЛИТО был также заменен многолетний ученый секретарь Б. В. Казанский, и на его место посажен Камегулов, остававшийся при этом также секретарем Соцкома. Совмещение коммунистами руководящих должностей явно указывало на их нехватку.

16 апреля 1929 года в ГИИИ приходит циркуляр из РАНИОН председателям ИЗО Исакову и ЛИТО Назаренко со следующими директивами: 1) темы этих отделов должны быть «научно-актуальными и связанными с соц. строительством», 2) «основные кадры» – сосредоточиться на коллективной работе» 3) в издательском плане «значительно увеличить количество марксистских работ», 4) произвести «пересмотр кадров и укрепление марксистов в работах»¹⁹⁴. 19 апреля появляется постановление нового Правления ГИИИ, где, следуя циркулярам выше, от сотрудников требуется «повышение трудовой дисциплины», т. е. для штатных сотрудников в зависимости от категории нормируется количество рабочих часов в день и количество печатных листов в год¹⁹⁵.

---

¹⁹³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 16.

¹⁹⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 40, л. 73.

¹⁹⁵ Там же, л. 75.

Меняется и состав Правления. 8 марта 1929 года Жирмунский и Вальдгауер были исключены из его состава¹⁹⁶. В Правление вошли новые председатели отделов: С. К. Исков и Б. П. Обнорский. Таким образом, кроме Шмита, здесь теперь состояли два законопослушных руководителя из старой «гвардии» — Гвоздев и Асафьев и три партийца — Назаренко, Обнорский и Исаков. Был также заменен Ученый секретарь Института: вместо А. В. Финагина был назначен сервильный С. С. Мокульский, а Финагин переведен на должность секретаря библиографического отдела. Кроме того, Главискусство ввело в штат Института должность замдиректора, которая не была предусмотрена Уставом Института. 3 апреля 1929 года новое послушное Правление назначает на эту должность Назаренко. Существенно было распределение функций между директором и замдиректора, закрепленное на этом же заседании: «Директору принадлежит общее руководство, направление и ответственность за деятельность ГИИИ», а на замдиректора «возлагается руководство административно-организационной и хозяйственной частью Института, а также ведение секретной переписки ГИИИ»¹⁹⁷. Иначе говоря Шмит оказался фактически не у дел, он нес «ответственность» за деятельность замдиректора.

Надо заметить, что, за исключением Назаренко, новые сотрудники-коммунисты ненадолго задерживались на постах в академическом Институте: это была для них бесперспективная и мало оплачиваемая работа. О том, что партийцы не слишком охотно шли в Институт, неоднократно писал Шмит, в частности в том же самом отчетном докладе от 24 мая 1929 года¹⁹⁸. В сентябре 1929 года Цырлин отказался от должности секретаря Комитета современной литературы и был заменен Ц. С. Вольпе. 18 декабря 1929 года на заседании Правления Каменгулов попросил освободить его от секретарства в ЛИТО и Соцкоме; вместо него секретарем ЛИТО был назначен С. А. Малахов¹⁹⁹, тот самый, за которым в памяти мемуаристов закрепилась репутация главного погромщика Института. В 1930 году Горбачев перешел на работу в Пушкинский Дом²⁰⁰, и через некоторое время сектор Современной литературы возглавил М. К. Добрынин.

Вторая часть реорганизации сводилась к некоторой структурной перестройке. Первой отпавшей частью ГИИИ стало издательство «Academia», которое в конце 1928 года по распоряжению того же

---

¹⁹⁶ Заметим, что Вальдгауер и Жирмунский были наиболее близкими помощниками Шмита на протяжении всех лет его директорства и, судя по сохранившейся переписке, у него были с ними самые доверительные отношения.

¹⁹⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 33, л. 7.

¹⁹⁸ Там же, ед. хр. 43, л. 21.

¹⁹⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 53.

²⁰⁰ 13 февраля 1930 года Горбачев на заседании Правления заявляет об отказе от полного оклада по руководству Комитетом современной литературы в связи с получением им штатной должности в Пушкинском Доме, но просит сохранить за ним руководство Комитетом безвозмездно (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 80 об.).

Главискусства ушло из-под юрисдикции Института²⁰¹. Этим объясняется, что издательский план на 1928/1929 г. не был выполнен, а вышедшие в 1929 году книги, набранные по старому плану, не отражали существенных идеологических перемен²⁰². Насильственный «отрыв» издательства от Института был первой серьезной его потерей.

Безусловно потерей для Института была и ликвидация ряда подразделений, существование которых оказалось несовместимым с новыми «заданиями» Главискусства. Была «свернута работа» трех секций ИЗО: русско-византийского искусства, Древнего мира и народов Азии, а также ликвидированы Музейный и Баховский комитеты.

Произошло, наконец, и «расформирование» Соцкомитета – «в целях устранения параллелизма». Эта была акция Шмита против Назаренко, и никаких существенных изменений в работе Института она не принесла. Секции Соцкома были переданы в соответствующие отделы, а семинарий по марксизму выделен в отдельную структурную единицу, которую на первых порах возглавил триумвират: Шмит, Назаренко и Горбачев.

Некоторые пертурбации в Институте носили хаотический характер. Например, был «раскассирован» по отделам за год перед тем выделенный в общее подразделение Института Фонархив. В то же время оказались слиты в едином комплексе все библиографические комиссии (в Термино-библиографическом комитете). Некоторые комитеты переименовываются в лаборатории (например, Комитет современной художественной промышленности А. С. Никольского²⁰³). Уничтожаются подразделения внутри отделов, коллективная работа которых теперь должна идти по группам, вокруг общей темы.

24 мая 1929 года на заседании Ученого совета Шмит отчитался о проведенной реорганизации: была одобрена «выработанная Правлением структура ГИИИ и приняты к сведению изменения в личном составе, произведенные Правлением»²⁰⁴. Однако после «реорганизации» работа в Институте никак не могла наладиться. Судя по отчету, в особенно сложном положении оказались вновь созданные Комитеты современного искусства²⁰⁵.

---

²⁰¹ 13 декабря 1928 г. по распоряжению Главискусства Правление издательства было распущено, издательство перешло вновь образованному Акционерному издательскому обществу «Академия» (как акционер туда входило и Главискусство), председателем правления которого был назначен С. А. Воскресенский (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 42, л. 65). Вскоре, как известно, издательство переезжает в Москву.

См. также публикацию избранных страниц дневника А.А.Кроленко за 1928 год, подготовленную И.В.Дацюк, в настоящем сборнике – *Прим. сост.*

²⁰² Например, 1929 годом датированы последний выпуск сборника «Поэтика, V» («Временника» ЛИТО), сборники ИЗО («Русское искусство XVII века» и «Античный портрет»), сборники ТЕО «О театре» (Временник ТЕО, вып. 3) и «Восточный театр».

²⁰³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 16.

²⁰⁴ Там же, л. 19.

²⁰⁵ Исключением тут являлся только Комитет ИЗО, поскольку Пунин и «гинхуковцы» спасали положение, работая на материале авангардного искусства. Левое

Так новые руководители Комитета по ТЕО (Б. П. Обнорский — председатель, В. С. Бухштейн — секретарь) вообще не приступили к работе²⁰⁶, то ли не понимая, что от них требуется, то ли будучи загружены партийной работой; 5 марта 1930 года этот Комитет был упразднен²⁰⁷. Явно в растерянности пребывали руководители Комитета современной музыки: они просили «привлечь к работе» опытных музыковедов; вскоре председатель Н. Е. Серебряков покинул свой пост и на его место пришел тогда профсоюзный деятель и член партии, в будущем директор филармонии музыковед В. М. Городинский, который также бездействует²⁰⁸. Что касается работы Комитета современной литературы, то Горбачев смог провести только один единственный диспут — «Социальный заказ и современная литература»²⁰⁹, который состоялся 8 апреля 1929 года в Зеленом зале Института со вступительным словом Горбачева и «докладами представителей различных группировок»²¹⁰. Однако в целом, как сказано в отчете, Комитет современной литературы план «почти не выполнил».

Подступы к ликвидации

Проведенная реорганизация Института являла собой прелюдию к его ликвидации. Обследования и реорганизации учреждений предшествовали чисткам, они обеспечивали им избирательность: выявлялся социальный состав служащих и таким образом намечались отдельные жертвы.

Собственно же ликвидация Института, длившаяся около двух лет, началась с разгрома его важнейшей и старейшей структуры — Курсов. Их уничтожение действительно произошло быстро и достаточно неожиданно, но не в конце ноября, а в середине сентября 1929 года. Никаких свидетельств участия С. А. Малахова (тогда аспиранта при РАНИОН) в уничтожении

искусство, к которому Исаков был в 1910-е — начале 1920-х гг. причастен, он пока еще поддерживал. Кроме того, важны были личные связи: Пунин со студенческих лет дружил с пасынком Исакова, художником Л. Бруни.

²⁰⁶ См. об этом заявление А. А. Гвоздева на заседании Правления от 13 января 1930 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 64).

²⁰⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 87.

²⁰⁸ Весь 1929 год прошел в Комитете современной музыки и без руководителей, и без работы (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 44, л. 3). 23 октября 1929 г. на смену Городинскому приходит С. Л. Гинзбург (Там же, ед. хр. 45, л. 20). 25 марта 1930 г. этот комитет ликвидируется (Там же, л. 94).

²⁰⁹ Диспут по этой теме только что прошел на страницах журнала «Печать и революция» (1929. № 1. С. 19–75). В нем приняли участие Горбачев, О. Брик, В. Ф. Переверзев и такие одиозные марксисты как Нусинов, Штейнман, с одной стороны, и писатели-попутчики (Леонов, Пильняк, Федин и т. д.) — с другой. Термин «социальный заказ» «был изобретен» Лефом; умеренный ортодокс марксизма Вяч. Полонский, первым поставивший этот вопрос, заключил полемику в следующем номере журнала «Печать и революция» (1929. № 2/3).

²¹⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 40, л. 70.

ВГКИ не обнаружено²¹¹. Напомню, что эти мифологические сведения содержатся в единственном исследовании по истории Института²¹².

Интересно, что в Отчете Шмита, цитированном выше, о ликвидации Курсов вообще не упомянуто, скорее всего потому, что формально ВГКИ не относились к Институту: с лета 1923 года они были включены «в сеть художественно-профессиональных учебных заведений» Наркомпроса и подчинены Петропрофобру²¹³, тогда как Институт (как научно-исследовательское учреждение) оставался в ведении Главнауки (а теперь Главискусства). Однако *de facto* Курсы были неотъемлемой частью Института. Сотрудники ГИИИ читали здесь лекции и вели семинарии, а наиболее способные студенты старших курсов активно принимали участие в научной работе Института. На протяжении всех двадцатых годов это было лучшее и единственное в своем роде гуманитарное учебное заведение не только в Ленинграде, но и вообще в России. Сохранившиеся мемуары об Институте на самом деле были воспоминаниями о Курсах, так как писались бывшими студентами ВГКИ. Они передают живой и свободный дух, царивший в этом научно-учебном заведении, особые «неакадемические» отношения между студентами и преподавателями, которые провоцировали серьезную самостоятельную научную работу, с одной стороны, а, с другой, сопричастие и соучастие их в жизни современного искусства. Этот дух «высокого горения» сохранился у многих студентов и бывших студентов, преподававших на Курсах (научных сотрудников 2-го разряда), вплоть до разгрома ВГКИ²¹⁴.

Понятно, что в обстановке тотального уничтожения творческой и научной мысли Курсы должны были первыми подвергнуться ликвидации.

Схема ликвидации Курсов, собственно говоря, была той же, что и ликвидации Института. Сначала встал вопрос об их реорганизации, точнее о сокращении количества преподавателей из-за «многопредметности и обилия преподавателей по однородным дисциплинам», который был поставлен на

---

²¹¹ Судя по известному письму Л. Я. Гинзбург В. Б. Шкловскому от 17 января 1930 г., Малахов на заседании ЛИТО громил сборник «Поэтика V», в частности, опубликованную в нем статью корреспондентки «Опыт философской лирики (Веневитинов)» (НЛО. 2001, № 50. С. 315–316; дата на письме 1929 г. – описка корреспондентки, т. к. «Поэтика» в январе 1929 г. еще не вышла). В начале 1930 г. Малахов был секретарем Словесного отделения, но ни в комиссиях по обследованию, ни в комиссиях по чистке не участвовал, хотя в прессе и в ИРКе продолжал громить «формалистов» (см. упоминания об этом: *Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе.* СПб., 2002. С. 97, 106).

²¹² *Shapovaloff L. The Russian State Institute of Art History. S. 152-154.* См. об этом в начале настоящей статьи.

²¹³ ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3.

²¹⁴ Не имея возможности в рамках настоящей статьи подробно остановиться на истории Курсов, отсылаем к упомянутой выше публикации «Гимн формалистов», посвященной Курсам и построенной на архивных материалах ЛИТО.

заседании Правления ВГКИ от 28 января 1929 года²¹⁵. Затем был поставлен вопрос о слиянии ВГКИ с ЛГУ, и 18 февраля была создана «Комиссия по слиянию»²¹⁶, на первом заседании которой была создана «Комиссия по разработке учебных планов», которая должна была кроме того установить новые кафедры в ЛГУ для переводимых студентов и уточнить их количество²¹⁷. Наконец, 15 марта была создана «Комиссия по реорганизации»²¹⁸. Но все обсуждения, предложения и постановления, все составленные планы, установленные кафедры и списки переводимых студентов – все это оказалось фикцией. 29 апреля состоялось последнее заседание Правления Курсов, на котором было объявлено об их ликвидации²¹⁹.

Формально Курсы были упразднены под предлогом организации при Ямфаке Ленинградского университета искусствоведческого отделения. Этот вопрос был решен на заседании Президиума Коллегии Наркомпроса от 14 мая 1929 года, проходившем под председательством «т. Яковлева и т. Луначарского». Пункт 10 этого заседания был посвящен ликвидации ВГКИ. Графа «постановлено» гласит: «Считать необходимым приступить к ликвидации Высших Государственных Курсов искусствоведения в Ленинграде». И далее, после распоряжения «в настоящем году приема на первый курс ВГКИ не производить», Главпрофобру поручалось «немедленно провести в жизнь» следующее постановление: «Студентов, перешедших на 2-й курс, после строгого классового и академического отбора перевести в Ленинградский Гос. Университет на факультет языка и материальной культуры в пределах не свыше 150 человек, организовав при этом факультете отделение материальной культуры и искусствоведения с циклами: а) материальной культуры и изобразительных искусств, б) театральный (с уклоном кино). Студентам ВГКИ, переходящим на 3-й и 4-й курсы предоставить возможность окончить курсы, причем поручить Главпрофобру пересмотреть установку Курсов и изменить учебные планы с целью наибольшего приближения задач Курсов к потребностям жизни и максимально возможного сокращения оставшегося срока обучения». Отдельным параграфом указывалось: «утвердить переход 15 студентов» Музыкального отделения ВГКИ «в Ленинградскую Гос. Консерваторию»²²⁰. Интересно, что для студентов ЛИТО по этому плану перехода как бы вообще

---

²¹⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 31, л. 23.

²¹⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 48, л. 3–4, 6.

²¹⁷ Совещания этой Комиссии состоялись 25 февраля и 1 марта (ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 48, л. 5–5об., 7–7об.).

²¹⁸ 15 марта состоялось заседание этой Комиссии (ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 48, л. 8).

²¹⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 31, л. 35.

²²⁰ ГА РФ, ф. 2306, Наркомпрос, оп. 69, ед. хр. 1877, л. 43. Выписку из него см.: ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 1, л. 49.

не было предусмотрено: два запланированных при Ямфаке отделения предназначались соответственно для ИЗО и ТЕО.

Надо отдать должное Правлению Курсов, оно сразу же обратилось к Президиуму Наркомпроса с «просьбой о пересмотре постановления Президиума Коллегии НКП от 14 мая». В этом документе отмечалось, что, следуя постановлению Коллегии Наркомпроса от 14 мая, «в середине года» фактически окажутся выброшены «на улицу 690 человек студентов», так как после этого постановления Курсы автоматически останутся «без средств и без урегулирования правового положения как студентов, так и самих Курсов»²²¹. Однако просьба эта, заслушанная на следующем заседании Президиума Коллегии от 23 мая 1929 года (пунктом 2), удовлетворена не была: против этого пункта в протоколе записано: «Постановили: Подтвердить постановление Президиума Коллегии НКП от 14.V. с.г.»²²².

Главпрофобр приступил к ликвидации Курсов весной, а закончил осенью. Но осуществлен был не этот, а еще более варварский план расформирования. В ГА РФ'е сохранился протокол заседания той же Коллегии от 16 сентября 1929 года, из которого следует, что никаких структур («отделений культуры и искусствования») при Ленинградском университете создано не было. Поэтому ликвидация Курсов планировалась теперь следующим образом: дать доучиться только студентам последнего, четвертого курса (на всех отделениях), закончив занятия раньше времени – к 1 мая 1930 года. Из потоков 2-го и 3-го курсов ИЗО и ЛИТО «пролетарскую часть студенчества, не свыше 150 человек» перевести в Ленинградский университет. Исключение делалось для студентов 2-го и 3-го курсов Театрального и Кино отделений, которым (благодаря настоянию авторитетного тогда еще Гвоздева) позволялось закончить образование при отделе ТЕО Института, что, впрочем, осуществить не удалось, так как вскоре сам Отдел ТЕО (как и прочие отделы Института) перестал существовать²²³. О курсах МУЗО в новом постановлении не говорилось вообще, как не говорилось и об «академическом» критерии «отбора»: теперь важен был

---

²²¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 1, л. 41-43. В прошении был поставлен вопрос об увеличении числа переводимых в ЛГУ студентов (в частности из ЛИТО – не 9, а 60 человек), содержалась просьба оставить отделение ТЕО при ГИИИ, а также создать для оканчивающих весной 1930 г. ВГКИ студентов «квалификационную комиссию», для получения ими диплома об окончании ВУЗа. На прошении имеется резолюция уполномоченного Наркомпроса по Ленинграду Б. П. Позерна: «Согласен».

²²² Там же, ед. хр. 1878, л., 70об. Судя по присланному в Ленинградский Облпрофобр «постановлению» от 24 мая, в прежнее постановление от 14 мая внесен был пункт о разработке и создании «квалификационной комиссии» для выпускников Курсов и отпускалось дотация в размере 5000 руб., которая была вытребована руководством Курсов только после прямого обращения к Бубнову в конце февраля 1930 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 1, л. 45, 74).

²²³ Студенты ТЕО летом 1930 г. были отчислены из Института с переводом в I МГУ, но, как выяснилось в сентябре, их туда не приняли (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 33).

«классовый принцип», ибо только «пролетарская часть студенчества» могла претендовать на дальнейшее образование²²⁴. Если учесть, что к этому времени на Курсах училось 891 человек (из которых в ЛИТО – 502 студента), и если учесть, что из них меньше четверти (только 218 человек) имело рабоче-крестьянское происхождение, то становится понятным, что большая и лучшая часть студентов, как и указывалось в прошении ВГКИ, была «выброшена на улицу»²²⁵. Постановление коллегии о «расформировании курсов» было зачитано на заседании нового Правления Института (первого в этом академическом году) 2 октября 1929 года и, судя по протоколу, не вызвало никаких возражений. Обсуждался лишь вопрос о подготовке помещений для занятий последнего оставленного до весны курса²²⁶.

Следует заметить, что никакой идеологической оценки Курсов в документах о ликвидации нет. О ВГКИ чиновники Наркомпроса вспомнили позже, когда основным критерием опалы стал социальный состав учреждения. Мы имеем в виду второй пункт постановления Комиссии по чистке Института, происходившей летом 1930 года. Здесь Курсам дается оценка с «принципиальных позиций» и откровенно говорится о причине их «разгрома»: «Организованные при Институте курсы искусствоведения, ныне закрытые — последний выпуск проведен в 1930 г. — являлись собранием дворянско-буржуазной молодежи, которая или не могла попасть в ВУЗы, вследствие классового отбора, или, не желала “смешиваться” с пролетарским студенчеством. После 1924-25 гг., когда в Университете проведена была чистка преподавательского состава и реакционные элементы из профессоров и доцентов уволены — все они сосредоточились на этих курсах. Если принять во внимание, что курсы существовали на хозрасчете, со слушателей взималась довольно значительная плата, за исключением тех, кого Правление освобождало, а это были студенты совсем не пролетарского происхождения, то совершенно ясно, каков состав студентов на существовавших при

---

²²⁴ ГА РФ, ф. 2306, Наркомпрос, оп. 69, ед. хр. 1879, л. 94об.; то же: ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 1, л. 51. См. также два более мягких «проекта» этого постановления, сохранившихся в фонде ВГКИ, относящихся к началу июня 1929 г. и составленных «Комиссией по свертыванию Курсов» по распоряжению Ленинградоблоно от 4 июня 1929 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 1, л. 47-47об.). В первом из них речь еще не идет о «классовом отборе» и предлагаются более человеческие нормы приема в ЛГУ: 200 человек со 2-го курса и 150 – с 3-го (ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 48, л. 11-14).

²²⁵ На протяжении всего осеннего семестра (до конца декабря 1929 г.) на Курсах продолжались заседания Комиссии по слиянию Курсов и ЛГУ и велась переписка с бывшими студентами и различными инстанциями об устройстве студентов, не попавших в ЛГУ, в Педагогический институт им. Герцена, на Геофак ЛГУ и в провинциальные вузы, причем из этой переписки становится очевидным, что большая часть так и не устроенных в вузы студентов – дети служащих (ЦГАЛИ СПб., ф. 59, оп. 1, ед. хр. 49 и ед. хр. 1, л. 55 об.).

²²⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 1.

Институте курсах. А это имеет то значение, что аспирантура пополнялась из состава курсов»²²⁷.

Пейоративная оценка партийных чиновников лишней раз свидетельствует о необычном для тех страшных лет составе студенчества на Курсах – интеллигенции «последнего призыва». Она свидетельствует также и о высоком научном уровне профессоров и доцентов, уволенных из других вузов при многочисленных чистках, профессоров-изгоев, которых Зубов на свой страх и риск пригласил в свое неказенное учебное заведение. Эти замечательные специалисты успели за десятилетие передать свои знания любимым ученикам, создав плеяду будущих ученых в различных искусствоведческих сферах; судьба многих из них оказалась очень не легкой и часто трагической.

Пятилетний план и соцсоревнование

В отличие от Курсов медленное уничтожение Института провоцировало его постепенный моральный, научный и физический распад.

Научный распад фиксирует деградация научных планов. В цитированном выше отчете указывалось, что по требованию Главискусства были «пересмотрены производственные планы с целью большей увязки их с основными вопросами соц.строительства». Эти планы составлялись новыми руководителями, и Шмит в своем отчете от 24 мая заверял, что они «должны быть выполнены на все 100%».

Планы на следующий академический год, действительно, оказались откорректированными. Для сравнения можно привести план Института на предыдущий 1928/29 г., написанный еще до «реорганизации», вероятно, сразу после запроса Главискусства, т. е. в начале октября 1928 года. Остановимся для примера на планах Словесного отделения.

«Дореформенный» план ЛИТО начинается, как всегда, с указания на преемственность работы: «В центре работ Отдела со дня его основания стоит всестороннее изучение русской литературы 18—20 вв. (вопросы развития отдельных жанров, смены литературных направлений, борьба школ и систем, история критики и журналистики, литературный быт и пр.) и русского языка...». И далее идет перечисление научных работ по всем секциям, кабинетам и Комитетам Отдела. Единственная уступка требованиям начальства — указание, что в Комитете современной литературы (еще старом), кроме дальнейшего «изучения возникновения и развития символизма и футуризма», «будет организовано изучение языковых и сюжетных корней современной *пролетарской литературы*»²²⁸.

---

²²⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 283, арх. РАБИС, оп. 2, ед. хр. 2224, л. 119.

²²⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 28, л. 90. (курсив мой — К. К.). Эта тема появилась после доклада Жирмунского о работе ЛИТО на заседании Правления от 27 апреля 1928 г., где было постановлено «ввести в план работ Комитета современной

В отличие от этого документа, в «Производственном плане» ЛИТО на 1929/30 год уже добрую половину занимают работы нового Комитета современной литературы²²⁹. Общая часть начинается с заверений и формулировок, которые в плане ЛИТО встречаются впервые: указывается, что работа «будет проводиться на основе марксистского подхода к изучению историко-литературных явлений» и для изучения выбираются те эпохи, «которые имеют значение для уяснения диалектики современной литературы».

Справедливости ради следует отметить, что в «старых» научных секциях ЛИТО (Истории литературы, Теории литературы и Художественного фольклора) планировалась обычная исследовательская работа по слегка перестроенным (требовался коллективный труд), но жизнеспособным научным группам: в Пушкинском комитете под председательством Ю. Г. Оксмана шла работа по изучению критического наследия Пушкина и готовились очередные тома издания «Рукописи Пушкина», в Группе по литературному быту XIX века Б. М. Эйхенбаума семинаристы собирались продолжить разработку многочисленных тем (около 25) для готовящегося сборника под общим названием «Литературный быт», в Группе по литературной пародии Ю.Н.Тынянова намечалось продолжение работы над книгой «История русской литературы в пародиях». По прежнему распорядку планировалась разработка теоретических тем в группах по стиховедению Б.В.Томашевского²³⁰, по художественному переводу Щербы и Бернштейна, и по русскому литературному языку В. В. Виноградова; в группе звучащей художественной речи Бернштейн планировал дальнейшее изучение ораторской речи; в фольклорном секторе под руководством В. М. Жирмунского и В. П. Адриановой-Перетц активно велась исследовательская и собирательская работа по русскому устному народному творчеству и фольклору немецких колонистов.

Однако работа Комитета современной литературы, действительно, подверглась кардинальной перестройке. Она планировалась с ориентацией именно на «обслуживание текущей художественной жизни» «широких масс». В плане указывалась организация рецензентского кружка, семинара для рабкоров (по вопросам стенгазеты и заводской газеты), консультаций для начинающих писателей; здесь же группа Андрузского по изучению марксистской теории и методологии наметила разработку материалов к предстоящей конференции литературоведов-марксистов. Можно заметить, как меняются темы докладов: это доклады о творчестве официозных

литературы изучение пролетарской литературы» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 41, л. 94-94 об.).

²²⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 100–103.

²³⁰ Пожалуй, только в этой группе, среди тем по проблемам сравнительной метрики и истории стиховедения в России, встретила безобидно звучащая (на фоне Отдела современной литературы) работа под названием: «Вопросы социологии поэтических жанров».

советских авторов, а также общие темы с «пролетарским» уклоном, такие как: «Вопросы пролетарской поэзии» (Н. П. Степанов), «Асеев» (Л. Я. Гинзбург), «Фадеев» (Ц. С. Вольпе), «Либединский» (Л. В. Цырлин), «Молодая пролетарская поэзия» (В. П. Друзин), «Современная лирика и эпос» (Н. А. Коварский), «Современная советская драматургия» (Н. Я. Берковский), «Фурманов» (А. И. Камегулов), «Леф» (А. Е. Горелов). Кроме того, запланировано было установить связь с пролетарскими группировками писателей, такими как ЛАПП, «Стройка», «Резец», «Смена», «Кузница», Содружество²³¹, а также (по согласованию с издательством ЗИФ) издавать сборники современных пролетарских прозаиков и поэтов. Иначе говоря, в Комитете происходит резкая переориентация на пролетарскую литературу, а творчество замечательных прозаиков и поэтов, принимавших активное участие в работе Комитета на начальном этапе, почти полностью игнорируется²³².

Обращает на себя внимание преамбула к плану Комитета современной литературы. Она начинается фразой: «Вопросы социалистического наступления пятилетки, социалистического соревнования – поскольку они выражаются в современной литературной жизни и формируют самое лицо сегодняшней литературы – имеют найти свое выражение в организации деятельности Комитета». Соцсоревнование упоминается также и в плане Литературного архива при Комитете, который еще по-прежнему возглавлял К. А. Шимкевич, но где теперь, вместо произведений замечательных авторов, указанных в предыдущем плане, предполагается сбор заводских малотиражных газет и стенгазет, «с целью изучения жанров и сюжетов в массовом производстве». В конце плана приписано: «В связи с социалистическим соревнованием, Литературный архив ставит себе следующие задачи: 1) увеличение количества и качества (!) материалов, 2) открытие отдела рецензий, отдела писательских адресов (?)...» и т. д.

Упоминания «пятилетнего плана» и «соцсоревнования», перекочевавшие в производственные планы из директив съездов, превратились в своего рода обязательные слова-сигналы, знаменующие лояльность учреждений. Об этих двух «всеобъемлющих начинаниях» позволим себе сказать несколько слов.

О пятилетнем плане в применении к науке и искусству впервые заговорили на конференции директоров учреждений Главнауки, происходившей с 16 по 19 мая 1928 года, на которой выступали и Ф. А. Петров, с докладом «О задачах научных учреждений в связи с пятилетним планом», и П. И. Новицкий, с докладом «О роли искусства в

---

²³¹ Имеется в виду Содружество писателей революции «Перевал».

²³² В плане имеются только две темы «старого» Комитета – одна по Заболоцкому (В. Гофман) и вторая по Мандельштаму (Б. Бухштаб), которые, перешли из плана прошлого года.

соцстроительстве и конкретных мероприятиях в связи с пятилетним планом»²³³.

Внедрять новые пятилетние планы в научных учреждениях начали, однако, не сразу после XIV Всероссийского Съезда Советов, а только после V Всесоюзного Съезда, где были утверждены директивы по его разработке. В июле 1929 года «всем директорам Научно-исследовательских Институтов г. Москвы и Ленинграда» из Наркомпроса был разослан следующий циркуляр:

«XIV Всероссийский Съезд Советов и V Съезд Советов приняли решение об осуществлении более быстрого темпа индустриализации страны, выразив темп строительства в пятилетнем плане хозяйственного культурного строительства СССР. Основным условием осуществления пятилетнего плана в первую очередь безусловно является переустройство форм и методов работы нашей деятельности в том, чтобы наши планы, вся наша деятельность целиком была пронизана задачей выполнения пятилетнего плана, поэтому всем научно-исследовательским институтам необходимо все ранее составленные пятилетние планы переработать под углом увязки своей деятельности с государственным строительством <так!> с тем, чтобы наши планы являлись частью общего пятилетнего плана народного хозяйства»²³⁴.

Его бессмысленность свидетельствует о растерянности чиновников Наркомпроса, перед которыми встала далеко не простая задача приспособить научные и художественные институты к партийным директивам и постановлениям, в которых собственно ни о науке, ни об искусстве речь и не шла; это были пятилетние планы индустриализации и коллективизации — «грандиозного социалистического строительства».

Главнаука поручила разработку плана РАНИОН, которой был послан циркуляр (от 24.09.1929), с пометкой «срочно». Здесь давались столь же невнятные и невыполнимые задания: исследовательские темы в научных учреждениях «следует связать» с: «а) изучением производственных сил, индустриализацией страны и развитием сельского хозяйства; б) с изучением экономики районов; в) с обслуживанием потребностей районов по заданиям местных органов, г) обслуживанием потребностей нацмен <так!>...»²³⁵ и т. д.

Несмотря на помету «срочно» разработка плана не двигалась с места. 6 ноября 1929 года Президиумом РАНИОН, «в целях выработки в трехдневный срок» директивы «по составлению пятилетнего плана» для научных институтов, была создана комиссия «в составе гг. Эстрина, Челяпова, Козьмина и Леонтьева»²³⁶. Однако и на этот раз «в трехдневный срок» директива разработана не была. Ее черновой вариант, сохранившийся в фонде РАНИОН, датирован 1 декабря²³⁷. Но окончательно она была отредактирована и утверждена лишь к концу декабря, о чем свидетельствует

---

²³³ Еженедельник Наркомпроса 1928 № 16. 20 апреля.

²³⁴ ГА РФ, ф. 4655, оп. 1, ед. хр. 137, л. 15.

²³⁵ Там же, л. 16.

²³⁶ Там же, л. 31.

²³⁷ Там же, л. 28.

выписка из протокола заседания Правления РАНИОН от 26 декабря 1929 года, с указанием на ее рассылку по Институтам, которым, в свою очередь, вменялось «представить пятилетние планы» в трехдневный срок — «к 30 декабря 1929 г.»²³⁸ В «Директиве» указывалось, какие пункты в обязательном порядке должны быть отражены в пятилетних планах: 1) «районирование», т. е. как институты учли «потребности национальных республик и автономных областей» 2) «укрепление и развитие марксистской методологии» и «развертывание борьбы с антимарксистскими направлениями» 3) «новые методы и формы работы – развертывание социалистического соревнования и переход на непрерывное производство» 4) «Основной формой <...> должны являться коллективные работы...»²³⁹ и т. д. В окончательном варианте этого документа говорилось еще о трудовой дисциплине²⁴⁰ и о двух существенных вещах: во-первых, что марксистские кадры, работающие в институтах, должны освободиться от прочих нагрузок, во-вторых, что институты, вовремя приславшие пятилетние планы, могут рассчитывать и на повышение штата, и на повышение выделяемых средств, и на кредиты, и на повышение фонда зарплаты на 300 %²⁴¹. Требование «решительно выравнять соц.-культурный фронт по фронту нашей индустриализации» подразумевал «рост бюджета», о чем говорилось еще в постановлении Наркомпроса от 19 мая 1928 года²⁴². Новый эпитет к институтскому плану – «производственный» также оповещал об «уравнивании фронтов». Плановые директивы имели целью во чтобы то ни стало интегрировать науку в сталинский тоталитарный план «грандиозного социалистического строительства». Но из приведенного выше мучительного процесса становится очевидным, что они могли быть проведены в жизнь только ценой уничтожения научных институций вообще.

Что же касается развертывания соцсоревнований, то оно тоже началось еще в 1928 году, но идея внедрения «вызовов» на соцсоревнования научными учреждениями и вузами получила директивное оформление к середине 1929 года. 26 июня 1929 года было опубликовано «Постановление Президиума Цекпроса» «О соцсоревнованиях в культучреждениях», где предлагалось для стимулирования этого процесса опять же создать при ЦК особую комиссию. Здесь же объяснялся «высокий» смысл подобной инициативы: она должна была препятствовать «академической замкнутости»²⁴³. Следом за

---

²³⁸ Там же, л. 32.

²³⁹ Там же, л. 28.

²⁴⁰ 16 октября 1929 года на заседании Правления был поставлен вопрос о скорейшем переходе ГИИИ на непрерывную пятидневную рабочую неделю (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 12об.). 20 ноября 1929 года слушали постановление Уполномоченного Наркомпроса Позерна о переходе на пятидневную неделю (Там же, л. 32 об.), а 11 декабря Институт отчитался, что перешел (Там же, л. 47).

²⁴¹ Там же, л. 46-47. Далее следуют выкладки цифр сумм, выдаваемых погодно на издания, штаты, кредиты, комплектование библиотек (л.48–54).

²⁴² Еженедельник Наркомпроса. 1928, № 22, 25 мая. С. 3.

²⁴³ Еженедельник Наркомпроса. 1929. № 26. 26 июня. С. 18.

постановлением появилось обращение наркома просвещения (тогда еще Луначарского) от 5 июля 1929 года к работникам просвещения, в котором говорилось: «Самое большое значение в деле соцсоревнования будут иметь вызовы отдельными учреждениями других соседних учреждений...», а также отмечалось, что соцсоревнования помогут «мощно внедрить» в действие пятилетний план²⁴⁴.

Интересно, что еще до появления директив и обращений, на заседании Ученого Совета ГИИИ 24 мая 1929 года А. А. Гвоздев выступил с инициативой вызвать ГАХН на «социалистическое соревнование», что с энтузиазмом было подхвачено новым Правлением Института. Условия соцсоревнования разрабатывались почти три недели и были приняты и записаны в протоколе заседания Правления от 12 июня 1929 года. Это были все те же внедряемые Главискусством требования: «...2) положить в основу научной работы Института марксистский метод», «3) построить всю научно-исследовательскую работу на коллективных началах, избрав общую для всех работ Института тему “Советское искусство за 10 лет (1917-1929)”», «4) увязать всю научную работу с вопросами пролетарской общественности...», б) вырастить из аспирантов «подлинно марксистскую искусствоведческую смену», 7) «укрепить трудовую дисциплину» и 8) «поднять профессиональную и общественную активность всех работников Института <...>, «широко развертывая самокритику», 9) публиковать достижения соцсоревнования в журналах «Жизнь искусства», «РАБИС» и газетах «Известия ВЦИК» и «Комсомольская правда»²⁴⁵. 2 октября 1929 года на заседании Правления опять был поднят вопрос о социалистическом соревновании, в связи с чем предложено «принять меры к продвижению в печать марксистских трудов по искусству»²⁴⁶. В дальнейшем тема соцсоревнований продолжает муссироваться в Институте²⁴⁷.

---

²⁴⁴ Там же. 1929. № 27. 5 июля. С. 3.

²⁴⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 19; см. также: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 40, л. 96 и ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 43, л. 19—19 об. Пункты этого вызова были опубликованы в «Комсомольской правде» (1929, 17 июня).

²⁴⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 1.

²⁴⁷ 23 января 1930 года в Институт поступил циркуляр из РАБИСа от 20 января с предложением интенсифицировать работу по социалистическому соревнованию (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 76). 13 февраля 1930 года на заседании Правления было постановлено: в целях интенсификации соцсоревнования вовлечь ГИИИ в ударные бригады по проверке соцсоревнующихся 5000 работников искусства, объявить об ударной неделе по соцсоревнованию, организовать выпуск плакатов, публикаций и «спец. досок по соцсоревнованию» (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 80, 78). Несмотря на все усилия и потуги со стороны РАБИСа и властей, в газетах отмечалось отставание Ленинграда на этом поприще: «В Ленинграде соцсоревнование и ударничество еще не стали действительным методом работы в вузах и научных учреждениях», — докладывал А. Э. Эстрин на IV пленуме ВЦС СНР 1 июня 1930 г. (Научный работник. 1930. № 7. С. 59).

Не покажется странным, что ГАХН, который именно в мае 1929 года был подвергнут первой «реорганизации» (она началась позже, чем в Институте), не откликнулся на этот «вызов». Но зато неожиданно откликнулся рапповский журнал «На литературном посту», где в августовском номере за 1929 год, под инициалами «К.М.» появилась статья под заглавием «ГИИИ приспособляется». В ней «вызов» ГИИИ на соревнование ГАХН (опубликованный в «Комсомольской правде») назван «извращением и опошлением лозунга о соцсоревновании». Цитируя положения «вызова» о разработке «марксистского метода», положенного в основу «изысканий» ГИИИ, критик (как выяснилось в последствии -- А. И. Михайлов) набрасывается на труды директора Института, Шмита, «подписавшего» этот документ. Он называет Шмита «автором эклектических ревизионистских теорий» и усматривает в его методологических работах «антимарксистский» подход, поскольку предложенная им «схема развития искусства» отвергает «классовое истолкование искусства». Свою статью автор заключает призывом «коренным образом реорганизовать» ГАХН и ГИИИ, и отмечает, что «пока идеалисты и оппортунисты мирно, не встречая почти отпора внутри самих этих учреждений, работают во вред марксистскому искусству», здесь не может быть создана «реальная основа для марксизма»²⁴⁸.

Эта критика методологии директора Института, а главное призыв «дать отпор антимарксистским элементам», как нельзя были на руку Назаренко, который решил ловко воспользоваться статьей для окончательного смещения с поста Шмита.

В сентябре, когда директор и часть сотрудников были еще в отпуске²⁴⁹, он созывает общее собрание Института и предлагает «отмежеваться» от антимарксиста Шмита, и послать оповещение об этом в журнал «На литературном посту». Видимо, большинство собравшихся согласилось на это предложение²⁵⁰. О решении коллег «отречься» от директора Шмит узнал по возвращении из отпуска, и ему ничего не оставалось, как подать заявление об отставке. 9 октября 1929 года созывается Правление, на котором Шмит оповещает, что «возбуждает ходатайство перед Главискусством об увольнении с должности директора Института». И Правление послушно постановило: «Передать заявление Шмита в Главискусство, поручив ведение переговоров по этому делу зам. директору Назаренко, и до разрешения этого дела Шмиту исполнять обязанности директора»²⁵¹.

---

²⁴⁸ На литературном посту. 1929. № 16 (август). С. 8.

²⁴⁹ Научные учреждения, как и учебные, продолжали еще жить и планировать работу не по календарному, а по академическому году.

²⁵⁰ Материалов этого собрания в фонде Института не сохранилось, но об этом подробно повествует сам Шмит в письме в Правление Института от 9 октября 1929 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 11–11об.; с купюрами приведено в воспоминаниях дочери Шмита: Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 202–203).

²⁵¹ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 10.

Интересно, что только в декабрьском номере «На литературном посту» (т. е. через три месяца) появился ответ на статью Михайлова, под заглавием «Письмо группы работников ГИИИ», подписанный семью именами²⁵². Оно предваряется письмом за подписью Шмита, датированным 21 октября 1929 года. Эти документы сохранились среди бумаг Шмита в папке под заглавием «Письма (2) Ф.И.Шмита а редакцию журнала “На литературном посту”»²⁵³. Оба они написаны его почерком, лежат в том же порядке и пронумерованы как письмо № 1 (письмо Шмита) и № 2 (письмо сотрудников), последнее без подписей. Текст второго письма, совпадающий с публикацией, имеет мелкие недоработки (например, не вписан номер газеты «Жизнь искусства»), которые свидетельствуют, что письмо № 2, опубликованное как «Письмо группы работников ГИИИ», написано было самим директором.

Публикация имеет целью оповестить общественность о «показательном» разрешении конфликта между директором (буржуазным спецом) и принципиальными сотрудниками-марксистами. В первом письме, которое выдержано в жанре публичного покаяния, директор сообщает о своем уходе с занимаемой должности:

«Статья тов. К. М. “ГИИИ приспособился” была напечатана в августовском (№ 16) журнала “На литературном посту”, в самое, значит, отпускное время, а потому произвела свой эффект с запозданием. Но как только сотрудники Института съехались, они прочитали статью в экономе совещании²⁵⁴, с полной определенностью почувствовали потребность дать мне, как оппортунисту, идеалисту и формалисту, решительный отпор и довели о своем марксистском самоопределении письменно до сведения Редакции “На литературном посту” (только теперь, потому что редактирование документа отняло много времени). Как только я, в свою очередь, вернулся из отпуска (1 октября) и узнал обо всем свершившемся в мое отсутствие, я тотчас попросил Правление ГИИИ ходатайствовать перед Главискусством об увольнении меня от должности Директора ГИИИ. Я, конечно, не думаю, чтобы это событие имело общеисторическое значение, но за последнее время Редакция “На литературном посту” уделяла моей

---

²⁵² Я. А. Назаренко, А. А. Гвоздев, Н. А. Кожин (руководитель Крестьянского сектора Соцкома), А. Я. Андрузский, Т. К. Ухмылова (аспирантка Назаренко), А. С. Рабинович (марксист из МУЗО) и Ю. А. Лебедева (аспирантка ИЗО).

²⁵³ ЦГАЛИ СПб, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 85, л. 1–4.

²⁵⁴ Эконом совещания (ЭКОСО) – экономические совещания – стали в это время создаваться при различных ведомствах, представляя собой симбиоз представителей местного управления (месткомов) и руководящего органа предприятия. Никаких документов ЭКОСО в фонде Института за осень 1929 г. не сохранилось.

продукции столько внимания²⁵⁵, что я хочу первым порадовать журнал уведомлением о конкретных результатах ее кампании. Ф. И. Шмит»²⁵⁶.

Во втором письме, редакция которого «отняла много времени», автору («К.М.») указывалось на две его ошибки. Во-первых, ему «осталось неизвестным, что коренная реорганизации ГИИИ уже проведена в жизнь» (и далее подробно описывались институтские новации, теми же словами, что и в процитированном выше Отчете о реорганизации Института²⁵⁷). Во-вторых, автор статьи неправомерно отождествляет «работы директора Ф. И. Шмита с работой всего Института в целом», поскольку «среди работников Института теория директора находит лишь единичных приверженцев. Все печатные и устные выступления Ф. И. Шмита встречали решительные возражения. Борьба с его теорией ведется, доказательством чего служат две напечатанные работы Андрусского и выходящий на днях сборник “За марксистское литературоведение”²⁵⁸». Кроме того, письмо содержит благодарность за критику и заверение, что Институт не собирается «замазывать свои недостатки»²⁵⁹.

Эта мистификация, где самобичевание граничит с сарказмом, а самокритика с критикой в адрес оппонента, явно была задумана ради благородной цели: спасения Института. Однако она не возымела должного действия. А. И. Михайлов, раскрывая свой псевдоним «К.М.», предваряет публикацию этих писем заметкой под заглавием «Против казенного благополучия, против замазывания классово-борьбы». Здесь он выражает «известную удовлетворенность» описанной в письмах ситуацией, но наставительно указывает, что авторам письма «не достает самокритики», поскольку в «работе ГИИИ» «очень сильны формализм и эклектизм». В качестве примера приводятся темы работ по ИЗО «антимарксиста» Пунина, который, вместо изучения пролетарского искусства, предлагает работы по «Мир искусству», импрессионизму и авангардизму. И далее рапповский

---

²⁵⁵ Речь идет в первую очередь о статье Карла Грасиса «Забрало следует опустить: (о “теории искусства” академика Ф.Шмита)» (На литературном посту. 1929. № 15. С. 50). Однако «эклектические, антимарксистские теории Шмита» клеймятся походя и в других статьях журнала (см., например: На литературном посту. 1929. № 6. С. 8).

²⁵⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 85, л. 1. Опул.: На литературном посту. 1929. № 24. С. 46.

²⁵⁷ «В целях оздоровления научной работы Института в марте-апреле с. г.» «были привлечены новые работники – коммунисты-марксисты», «Правление обновилось новыми партийными товарищами», «в ЛИТО, где еще недавно господствовали формалисты, в настоящее время председатель и секретарь коммунисты, а общее число марксистов в этом Отделе выросло с 0 до 8» и т. д.

²⁵⁸ Андрусский Ан. Философские предпосылки «формально-социологической» теории искусства // За марксистское литературоведение. Л., 1930. Здесь на с. 79–93 речь идет о втором издании книги Шмита «Предмет и границы социологического искусствоведения», где взгляды автора названы «реакционно-идеалистическими» и указано, что их он «старается выдать за ортодоксально марксистские» (с. 79).

²⁵⁹ ЦГАЛИ СПб, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 85, л. 2–4.

критик продолжает клеймить до сих пор выходящие «под маркой ГИИИ» «преимущественно формалистские и ревизионистские работы», тем намекая, что «реформирование» не закончено, и под конец обвиняет авторов письма «в замазывании отрицательных моментов» в работе Института²⁶⁰.

Итак, кровавая критика уже не довольствуется покаянием и отставкой профессоров из «бывших» и рассказом о «реформировании Института» по директивам партийных организаций, а требует следующих жертв, в число которых включается и революционное искусство авангарда. Заметим, кстати, что этот рапповский журнал уже во всю клеймит и «уклоны» марксистской критики, например, установок плехановца Андрузского, того самого, который в свое время начал травлю Шмита, и методологических позиций «тов. Горбачева», который обвиняется в том, что пользуется марксистской фразеологией для «прикрытия формализма»²⁶¹.

Период безначалия и развала

9 октября 1929 года Шмит подает заявление об уходе, но вышестоящие инстанции не торопятся принимать его отставку. Переданное в Главискусство заявление не имело хода, так как эта структура была расформирована, точнее «реформирована» в Совет по делам искусства и литературы²⁶². Институт в новом академическом году оказался без руководства: только на заседании Правления от 13 февраля 1930 года был зачитан циркуляр о возвращении ГИИИ в ведение Главнауки, которая вскоре была реорганизована в Сектор науки Наркомпроса²⁶³.

Пока же судьбу Шмита решал уполномоченный Наркомпроса по Ленинграду Б. П. Позерн. Еще 1 ноября он письменно уведомлял директора, что тот «обязан руководить работой Института и отвечает за это полностью»²⁶⁴. О необходимости отложить рассмотрение заявление Шмита до окончания работы Комиссии ГУСа он посылает резолюцию и в Правление Института (была зачитана на заседании 6 ноября 1929 года)²⁶⁵. Положение бесправного директора, снявшего с себя руководство «во спасение» Института и при этом насильственно вынужденного нести за Институт полную ответственность, без всяких полномочий, — становится невыносимым. Шмит делает отчаянные попытки освободиться от своих институтских обязанностей: 23 октября 1929 года на заседании Правления слушали дело о его снятии с руководства семинария по марксистскому искусствознанию, «в виду его личного заявления о том, что он при

---

²⁶⁰ На литературном посту. 1929. № 24. С. 43–45.

²⁶¹ На литературном посту. 1929. № 19. С. 5.

²⁶² Об этом было объявлено на Правлении Института от 23 октября 1929 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 19).

²⁶³ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 80.

²⁶⁴ Там же, л. 26 (письмо Позерна Шмиту от 1 ноября 1929 г.).

²⁶⁵ Там же, л. 22. О результатах обследования Института Комиссией ГУСа см. ниже.

создавшихся условиях не находит возможным принимать участия в руководстве указанным семинарием»²⁶⁶. А 20 ноября 1929 года на заседании Правления он объявляет об уходе со ставки штатного действительного члена ГИИИ²⁶⁷. Наконец, не выдерживая наглости Назаренко, он пускает в ход неблагоприятные приемы: 30 октября пишет Позерну жалобу на превышение замдиректора своих полномочий²⁶⁸, а 11 ноября 1929 года, в связи «партисткой» Назаренко в Университете, спешит сообщить в конфиденциальном письме о темном «харьковском прошлом» этого коммуниста (т. е. намекает на его сотрудничество с Деникиным), что уже является политическим доносом²⁶⁹. Заметим, что и это не помогло: Назаренко «чистили» очень мягко, и он пока снова вышел сухим из воды. И далее и в январе, и в феврале, и в марте, вплоть до прихода нового директора, Шмит пишет отчаянные письма в Главнауку и Главискусство с просьбами уволить либо его, либо Назаренко, справедливо указывает, что положение Института невыносимо, что до сих пор не понятно, в чем ведении, Главнауки или Главискусства, он находится, сотрудники не утверждены, не приняты отчеты, устарели планы²⁷⁰.

А между тем замдиректора откровенно захватывает власть, совершенно не считаясь с директором. Так, 30 октября 1929 года он демонстративно срывает заседание Правления, назначив на те же часы заседание институтской коммунистической фракции. При этом оказывается, что Шмит даже не может объявить ему выговор²⁷¹, поскольку «по уставу директор не имеет права вмешиваться в жизнь партийных и профсоюзных организаций»²⁷². Выкручивается Назаренко и из другой ситуации. 16 октября 1929 года на повестку заседания Правления был вынесен вопрос «О появившейся в “Радиоцентре” <название институтской стенгазеты — К.К.> заметке о зажиме самокритики администрацией ГИИИ во главе с замдиректора Я. А. Назаренко». Вопрос о самокритике стоял тогда очень остро. После статьи Сталина²⁷³, она насаждалась во всех сферах советской жизни. Например, в директивном указе НКП «О построении планов работы

---

²⁶⁶ Там же, л. 19.

²⁶⁷ Там же, л. 32.

²⁶⁸ ЦГАЛИ СПб, арх. Ф.И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 81, л. 25.

²⁶⁹ Там же, ед. хр. 53, л. 2.

²⁷⁰ См. письмо Шмита от 16 января 1930 г. начальнику Главнауки И. К. Лупполу (ЦГАЛИ СПб, арх. Ф.И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 43, л. 4—4 об.) и аналогичное письмо 19 января в Главискусство (Там же, л. 5). В первом письме рисуется также картина «беспомощного директора» и «наглого захватчика-заместителя», который продолжает ведать всеми административными делами и, заседая в кабинете директора, вершит самоуправство.

²⁷¹ Шмит объявляет Назаренко выговор 6 ноября 1929 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 23).

²⁷² ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 32а (из текста письма Назаренко в Правление). Об этом Шмит узнал на заседании от 20 ноября 1929 г.

²⁷³ Против опошления лозунга самокритики // Правда. 1928. 26 июня. № 146.

<...> на 1929/30 оперативный год за № 10004/104 от 19.04.29» отмечалось, что «самокритика в области просвещения <...> должна стать нормальным методом работы и самопроверки»²⁷⁴. Обвинение в «зажиме самокритики» коммуниста и ответственного работника было вполне достаточным для серьезных «оргвыводов». Но и тут Назаренко добивается от послушного Правления постановления о предвзятости беспартийных сотрудников (журналистов стенгазеты) к нему, как к коммунисту, и отводит обвинения²⁷⁵.

На фоне склок, доносов и полнейшей деморализации руководства начинает разваливаться и работа Института. Способствует этому и смена работников административно-хозяйственной части, которую осенью вновь предпринимает Назаренко. Так завхозом он берет некоего О. И. Шира, который скоро был уличен в краже институтского имущества (участь всех коммунистов-завхозов ГИИИ)²⁷⁶. Самоуправством занимается и взятый Назаренко в качестве вахтера его кум Ю. И. Бобков²⁷⁷, который, с осени 1929 года регулярно срывает лекции на Курсах, так как не желает вечерами допоздна оставаться в Институте²⁷⁸.

24 ноября 1929 года Назаренко увольняет старейшего и самоотверженного работника Института Ф. В. Отто, бессменного заведующего Канцелярией Института на протяжении десятилетия, объясняя это тем, что он как беспартийный не может вести секретную переписку²⁷⁹, которая, по последней инструкции, возложена была на зав. канцелярией²⁸⁰. На его место он сажает выдвиженца А. Н. Шулакова, который так и не разобравшись в громоздкой и сложной канцелярской работе Института, через несколько месяцев подает прошение об увольнении²⁸¹. Надо заметить, что с этого времени в архивных делах Института появляются лакуны, в

---

²⁷⁴ Еженедельник Наркомпроса. 1929. № 19. 10 мая. С. 2.

²⁷⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 1об.

²⁷⁶ Там же, л. 31.

²⁷⁷ О воровстве и наглости этих личностей пишет Шмит 8 июля 1930 г. в Комиссию РКИ по чистке научных учреждений, снимая с себя обвинение в бесхозяйственности (ЦГАЛИ СПб, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 6, л. 13).

²⁷⁸ См. заявление профессоров ВГКИ с требованием прекратить срывы занятий Бобковым (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 64, 73–75).

²⁷⁹ Этот вопрос ставится на заседании Правления 28 октября 1929 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 20 об.). 20 ноября Отто снимают, определив пенсию в размере зарплаты (там же, л. 38).

²⁸⁰ 24 ноября Отто пишет заявление о том, что в личной беседе перед его отъездом Шмит ему сообщил, что по распоряжению Позерна он должен остаться на своей должности до окончания работ по обследованию ГИИИ Комиссией ГУСа. Но на заседании Правления Назаренко показывает бумагу от учраспреда Позерна, т. Иванова, приславшего путевку на имя Шулакова, с тем, что с 23 ноября 1929 г. он назначен заведующим Канцелярией ГИИИ (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 41).

²⁸¹ 13 февраля 1930 г. на заседании Правления постановили освободить Шулакова от должности завканцелярии и назначить на эту должность А. И. Перепеча (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 81).

определенной мере затрудняющие доскональное обследование его последнего года существования.

За этот период безвременья добровольно уходят ценные сотрудники, продолжает разваливаться прежняя структура. Уходит со штатной должности заместитель председателя ТЕО В. Н. Соловьев²⁸², начавший работу в Институте с момента образования Театрального факультета, потом подает прошение об уходе Б. Н. Ларин²⁸³, покидает Институт и А. В. Оссовский, один из старейший сотрудников МУЗО, в последние годы возглавлявший Секцию Музыкальной литературы²⁸⁴. Закрывается Копировальная мастерская, которая еще в зубовские времена выполняла благородное дело по копированию церковных фресок гибнущих церквей²⁸⁵.

С нового 1930 года развал усиливается. 13 января 1930 года подает прошение об уходе Г. А. Гуковский²⁸⁶, через месяц, 23 февраля, уходит с поста секретаря ИЗО Н. А. Кожин²⁸⁷, на этом же заседании (23 февраля) снимают с должности Финагина (в связи с уничтожением Термино-библиографического кабинета, где он после реорганизации значился секретарем)²⁸⁸, отстраняют от руководства Кинокомитетом Пиотровского (по доносу Арнольди о нарушении трудовой дисциплины²⁸⁹), с 15 февраля 1930 года увольняют В. М. Ермолаеву, и на половину оклада переводят М. В. Эндер, «в виду свертывания части работы Экспериментальной лаборатории»²⁹⁰, 15 марта отчисляется из Института В. В. Успенский²⁹¹. Поскольку документы за это месяцы плохо подшивались и собирались, то уход многих сотрудников здесь оказался не зафиксирован.

Резко меняется состав молодых кадров – научных сотрудников 2-го разряда и аспирантов. На место Кожина, серьезного специалиста по древнерусской и западноевропейской средневековой архитектуре, приходит в ИЗО беспомощная в научном плане, но правоверная «марксистка» Э. Н. Ацаркина²⁹², которая явно нацеливалась взять в свои руки

---

²⁸² ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 19об.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же, л. 47об.

²⁸⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 42, л. 10. К этому времени мастерская была переименована в «Экспериментальную лабораторию по технике живописи». Именно с выставкой копий из этой мастерской ездил в начале своего директорства в Германию Шмит.

²⁸⁶ См. его заявление на заседании Правления (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 64 об.).

²⁸⁷ 23 февраля 1930 г. на заседании Правления решается вопрос об его уходе (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 86об.).

²⁸⁸ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 80.

²⁸⁹ Там же, л. 81.

²⁹⁰ Там же, л. 86.

²⁹¹ Там же, л. 90.

²⁹² Об этом было доложено на заседании Правления от 13 января 1930 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 65).

идеологическую подготовку аспирантов. 13 февраля 1930 года Правление командирует ее в Москву к Маца «на предмет выяснения вопроса об организации научной части»²⁹³, вскоре она начинает заменять председателя ИЗО Исакова во время его отъездов. А 5 марта на заседании Правления слушали ее заявление о необходимости «дополнения аспирантских кадров ГИИИ молодыми пролетарскими и марксистскими силами», и предложение «в срочном порядке разработать отделами вопрос о привлечении выдвигенцев»²⁹⁴. Из Главискусства в ЛИТО направляется никому не ведомый тов. Крюков²⁹⁵, по рекомендации Маца в штат Института берут молодого одиозного коммуниста И. А. Острцова (в группу по марксистской методологии)²⁹⁶. 5 марта 1930 года на заседании Правления было постановлено зачислить на ТЕО Г. А. Авлова, специалиста по клубной самодеятельности и агит-проп-бригадам²⁹⁷.

До прихода нового директора продолжается ликвидация подразделений Института: 5 марта на заседании Правления Назаренко оповещает об упразднении Пушкинского комитета (Оксмана) и Комитета русского языка (Виноградова)²⁹⁸, 30 марта ликвидирована Лаборатория цветоформы Малевича²⁹⁹.

О состоянии научной работы в период безначалия, а точнее «господства» Назаренко, дает представление новый «Производственный план ЛИТО» на второй квартал 1930 года, составленный как раз зимой 1930 года и подписанный руководителями Отдела: председателем Назаренко и секретарем Малаховым³⁰⁰. Даже на фоне предыдущего плана он выглядит устрашающе. Здесь ЛИТО, по сути дела, превращается в тот самый семинар по марксизму, который Назаренко организовал для аспирантов, только работа в нем носит еще более императивный характер. Никаких работ по группам во втором квартале не предусматривалось, видимо их руководителей планировалось уволить. План гласил, что «вся исследовательская работа отдела сосредотачивается <...> на пленумах ЛИТО, посещение которых ОБЯЗАТЕЛЬНО для всех штатных работников отдела».

План представляет список докладов на пленарных заседаниях, причем «для каждого штатного работника ЛИТО» вменяется в обязанность «в остающийся срок» (т. е. с апреля по июнь) «либо выполнение одного из докладов плана, либо официальное оппонирование по одному из докладов».

---

²⁹³ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 47.

²⁹⁴ Там же, л. 88.

²⁹⁵ Там же, л. 66.

²⁹⁶ Там же, л. 81. В феврале 1930 г. его зачисляют в ИЗО «для обеспечения отдела работниками по марксистской идеологии» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 86).

²⁹⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 87.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Это было постановлено на заседании Правления от 30 марта 1930 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 104).

³⁰⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39; далее приводятся цитаты из этого плана на: л. 109 об., 110, 115 и др.

Темы даны здесь в виде тезисов, от которых нельзя было отступать. Сначала идут общие темы, некоторые из которых корреспондируют с темами аспирантского семинара: «Выявить основные методологические течения в современной науке о литературе и дать им политическую оценку» или «Специфика художественной литературы и ее классовая роль», а некоторые кажутся полной абракадаброй, возможно благодаря еще и чудовищному синтаксису, например: «Проблема стиля в качестве специфической формы мировоззрения, как особой диалектической и подвижной структуры, являющейся системой эстетического отношения класса к действительности на определенной исторической стадии его существования». Часто тезисы предстают как набор лозунгов, например, доклад под названием «Методология на службе у критики» имеет следующий план: «Метод диалектического материализма, как критический метод пролетариата. Значение марксистской методологии в деле марксистской критики. Марксистская система, как орудие политической борьбы пролетариата».

Под пунктом «П» записаны темы, освещающие «проблемы современной литературы», а именно: пролетарской, крестьянской, «попутнической» и «буржуазной», а также «касающиеся расстановки классовых сил в современной иностранной литературе». Приведем тезисы одной из них: «Буржуазные тенденции в современной литературе. Формирование ново-буржуазной литературы и отпад некоторых бывших попутчиков вправо; мелкобуржуазные колебания некоторых отдельных пролетарских писателей и народение некоторых из них». Но особо «актуально» выглядят темы, запланированные по Методологическому сектору, например: «Попутническая агентура в рядах пролетариата» или «Искусство в борьбе за промфинплан».

Первая ликвидация

Между тем в Институте весь декабрь работает ревизионная комиссия по обследованию ГИИИ, вероятно, та самая, которую Позерн ожидал еще в начале ноября и из-за которой откладывалась не только отставка Шмита, но и переизбрание сотрудников, осенний прием аспирантов, утверждение отчетов за прошлый и планов на следующий год, поскольку более полугода не собирается Ученый совет Института, отвечающий за научную работу ГИИИ³⁰¹.

К середине декабря обследование заканчивается. 18 декабря 1929 года на заседании этой Комиссии было вынесено разгромное «Постановление».

---

³⁰¹ Вопрос о том, что с мая в Институте не собирался Ученый совет, С.С.Мокульский ставит на заседании Правления от 20 ноября 1929 г., но по этому вопросу снова было постановлено: «отложить Ученый совет, утверждение отчетов и производственных планов ГИИИ до окончания работы Комиссии» (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 38).

Сохранились две идентичные машинописные копии этого документа в разных архивах: одна в фонде ГУСа³⁰², вторая в личном архиве Шмита³⁰³. Комиссию возглавлял заместитель председателя Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОК) и директор Ленинградского института марксизма С. Л. Гоникман. Под его именем эта Комиссия и упоминалась в дальнейших документах Института («комиссия Гоникмана»). Но, если посмотреть на ее состав, то справедливее было бы назвать ее «комиссией Назаренко», поскольку секретарем Комиссии была его аспирантка Т. К. Ухмылова, работу ТЕО и МУЗО обследовал неоднократно нами упоминаемый Б. П. Обнорский (верный соратник Назаренко), ИЗО — также упомянутый выше С. К. Исаков. ЛИТО же обследовал будущий директор ИМЛИ, небезызвестный В. Я. Кирпотин, тогда сотрудник ЛОК, член редакции журнала «Проблемы марксизма», до конца своих дней сохранивший классовую ненависть к «формалистам»³⁰⁴. Единственной случайной фигурой в этой комиссии оказался Б. В. Легран, ректор Академии художеств, видимо, включенный в комиссию как эксперт³⁰⁵, но ничего реально не обследовавший.

Иначе говоря, выводы комиссии были предрешены, а собственно «обследование» было фикцией. Невооруженным глазом просматриваются в «Постановлении» наветы Назаренко. Чего стоит только первый абзац, характеризующий работников Института как «формалистов и эмпириков, культивирующих научно-буржуазное направление в области искусствоведения». «Горсточка коммунистов», в силу малочисленности и «молодости», не может противостоять этим «идеологически чуждым элементам». Под горсточкой коммунистов подразумевается сам Назаренко со своими клеветами. Таким образом уже первый абзац снимал с него всю ответственность за развал работы.

Приведем целиком выводы этой комиссии³⁰⁶.

«I. Характеристика состава работников Института. Состав работников Ин-та в соц. партийном и идеологическом отношении: в большинстве своем это люди или враждебные нам, как формалисты и эмпирики, культивирующие научно-буржуазные направления в области искусствоведения, или старающиеся облокироваться <так!> под марксистов.

---

³⁰² ГА РФ, ф. 298, арх. ГУСа, оп. 1, ед. хр. 8, л. 95-96.

³⁰³ ЦГАЛИ СПб., ф. 389, арх. Ф. И. Шмита, оп. 1, ед. хр. 6, л. 29-30.

³⁰⁴ Краткие выводы упомянутых «обследователей» отделов (Обнорского и Исакова) имеются в самом документе, но текста Кирпотина о ЛИТО, к сожалению, обнаружить пока не удалось; как указано в «Постановлении», его выводы «отдельно» прилагались к постановлению, но этих отдельных листов не сохранилось ни в документах ГА РФ'а, ни в архиве Шмита, ни в фонде Института.

³⁰⁵ В 1930-е гг. Легран, будучи директором Эрмитажа, вошел в историю как мужественно препятствующий распродаже ценнейших экспонатов, организованной и проводившейся НКВД.

³⁰⁶ С рядом неточностей по копии Шмита эти выводы приведены в воспоминаниях П. Ф. Шмит (Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 205-206).

Меньшая часть их искренне желает быть марксистской, но не может переродиться, т.к. в идеологическом и научном отношении твердо сложилась еще задолго до революции. Горсточка же коммунистов, окруженная подавляющим большинством идеологически чуждых элементов, не в состоянии проводить идеологическое воздействие и ограничивалась административно-хозяйственными функциями.

II. Характеристика руководства Институтом. Констатировать отсутствие идеологического и организационного руководства Ин-ом: директор Ин-та проф. Шмит не мог осуществить научно-теоретического руководства; зам директора — партиец, как молодой научный работник, не мог оказывать должное влияния. В организационном отношении все 4 отдела не связаны между собой органически, работают совершенно самостоятельно.

Нет увязки в работе Правления и Месткома, что расшатывает и без того слабую работу ГИИИ.

III. Характеристика продукции Института. Продукция Ин-та с незначительным исключением идейно не наша, идеологически вредна.

IV. Подготовка кадров. Признать неудовлетворительным подготовку научных кадров: аспирантов и научных работников 2-го разряда. Соц. парт. состав их неудовлетворителен; в большинстве — это выходцы из среды буржуазной интеллигенции; воспитываются без воздействия пролетарской среды, без руководителей марксистов-искусствоведов. В результате подготавливается из научных работников 2-го разряда враждебная нам смена, из аспирантов — научные работники без марксистского метода в исследовании.

V. Общее состояние ГИИИ. Констатируя, что ГИИИ в том состоянии, в котором он находится сейчас, приносит не пользу, а вред, выпускает нездоровую ненужную продукцию и новые кадры — или пассивных в области искусствования или враждебных марксистской методологии.

VI. Положительные выводы. Удовлетворительно работающим и ценным отделом Института признать ТЕО-КИНО, где имеется кадр работников, желающих работать совместно с марксистами, который нащупывает правильную почву в основной работе, связывая ее с общественностью, с массами (такое же положение наблюдается отчасти и на МУЗО).

VII. Результаты выводов.

1) Ввиду малочисленного кадра литературоведов г. Ленинграда, считать необходимым создать единый Институт Литературы и Театра, слив ЛИТО и ТЕО ГИИИ с ЛИТО ИЛАЗВа, которые после укрепления влить в будущую Ленингр. Ком Академию, как секции литературы и театра.

2) МУЗО, как не связанное с другими отделами Ин-та, базирующейся на работах Консерватории, передать в Консерваторию, для того, чтобы иметь возможность сконцентрировать все научно-исследовательские силы, работающие в области музыковедения, в одном месте.

3) Основную часть ИЗО, теоретически работающую в области истории изобразительного искусства, сохранить, как отделение Московского

Института Истории Искусств, возглавляемого т. Маца, прикрепив его к Академии Мат<ериальной> культуры. ХАП (худ. агит. и проп.) передать в Русский Музей.

4) Из остающегося отделения языка ИЛЯЗВ'а организовать Институт языкознания.

5) По мере укрепления научно-исследовательских институтов Ленинградской Ком Академии, объединить последних под своим руководством.

Председатель Гоникман.

Секретарь Ухмылова»

Квинтэссенция этого постановления в виде статьи была опубликована в «Правде», за подписью «Л.Б.», под выразительным заглавием «Государственная... цитадель идеалистов». Здесь иногда дословно, иногда еще более экспрессивно повторяются формулировки, в частности, говорится, что «под флагом государственного научного учреждения антимарксисты имели надежное убежище», и дается подсчет сотрудников по классовому принципу (отсутствующий в «постановлении»): «По подбору сотрудников институт является своего рода паноптикумом. Из 69 штатных работников – 27 бывших дворян и 30 бывших почетных граждан, мещан и духовных сановников. <...> Официально числились в институте 11 коммунистов, но по их собственному признанию, они являлись лишь ширмой и работой руководить не могли». Статья кончается приписанной Комиссии жесткой формулировкой («Комиссия, обследовавшая институт, признала, что в своем современном состоянии его дальнейшее существование совершенно недопустимо») и дежурной фразой о том, что «Ленинградская партийная общественность присоединилась к этим выводам»³⁰⁷. Кажется, что судьба Института была окончательно решена. Именно с этим постановлением в сознании современников и связывалась ликвидация Института³⁰⁸, хотя, как будет ясно из последующего изложения, агония его еще продолжалась и продолжалась.

20 декабря Шмит пишет письмо начальнику Главнауки И. К. Лупполу, из которого следует, что Комиссия в «обоих своих пленарных заседаниях» так и не заслушала его доклада³⁰⁹. Он напоминает начальнику Главнауки, что еще до окончания работы комиссии получил от него заверения, что будет привлечен к обсуждению вопроса о судьбе ГИИИ. И далее Шмит указывает

---

³⁰⁷ Правда. 1930. 8 января. № 8. С. 6.

³⁰⁸ См., например, такую оценку этого постановления («похоронили Институт») в воспоминаниях П. Ф. Шмит (Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 206).

³⁰⁹ Проект нового реформирования Института Шмит еще до окончания работы Комиссии 14 и 15 декабря 1929 года излагает в письмах Лупполу, Гоникману и зам. председателя Главискусства И. М. Беспалову: проект этот «предусматривал единство тем исследований всех отделов Института», с ликвидацией специальной художественно-экспериментальной работы и исторических исследований (ЦГАЛИ СПб., ф. 389, арх. Ф. И. Шмита, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1—2).

на свое несогласие с «печальными» выводами о раскассировании Института, опять же пускает в ход демагогию (ликвидация Института грозит «интересам именно того единого <...> искусствоведения, в котором я вижу единственное средство борьбы с формализмом») и объясняет неудачи слияния Института в единый организм «свойствами того человеческого материала», с которым ему «пришлось иметь дело», т.е. намекает на саботаж сотрудников³¹⁰. По всей видимости Луппол внял аргументам Шмита. Во всяком случае, события развивались следующим образом.

Постановление «комиссии Гоникмана» было зачитано на «экстренном» заседании Правления Института 24 декабря 1929 года. Оно подверглось обсуждению, причем члены Правления (т.е. руководители отделов) предлагали различные решения, в которых, действительно, просматривались исключительно интересы отделов: Гинзбург указывает, что МУЗО вообще не обследовалось, Назаренко предлагает реформировать Институт таким образом, чтобы создать равноправную с четырьмя имеющимися отделами «ячейку марксистского искусствоведения», Гвоздев предлагает сохранить в основе Института ТЕО, с подключением к нему других отделов, а Исаков мудро советует не предвосхищать событий. После этого хаотического обмена мнениями Правление постановило «откомандировать Шмита в Москву, чтобы он осветил деятельность ГИИИ и высказал все эти пожелания членов Правления»³¹¹.

Текст доклада Шмита, сделанный им 26 декабря 1929 года на заседании Президиума ГУСа, сохранился в его архиве. Здесь, кроме обычных трескучих и фальшивых фраз («революционное искусствоведение должно быть только марксистским», задачей его «должно быть изучение пролетарского искусства», «ГИИИ должно объявить войну всем видам формализма и эклектизма» и т.д.), Шмит осторожно спорит с идеей Гоникмана о необходимости «разогнать» отделы Института по другим научным учреждениям. Он указывает, что в своих выводах Комиссия ГУСа опиралась на мнение трех членов Правления — Назаренко, Исакова и Гвоздева. Намекая на то, что как раз руководители отделов (т.е. структур еще зубовского времени) и способствовали «усилению отдельского сепаратизма», он предлагает оставить ГИИИ «как единое целое», но при этом разрушить деление по отделам, ибо «раздробленность искусствоведения, которая в Институте поддерживается делением на Отделы», как раз и «препятствует созданию научного марксистского искусствоведения»³¹².

Эта идея, продиктованная, возможно, отчаянным желанием Шмита сохранить Институт, а, возможно, и его жаждой отомстить ненавистным

---

³¹⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 389, арх. Ф. И. Шмита, оп. 1, ед. хр. 43, л. 3. Цит. по полной публикации этого письма в воспоминаниях дочери П. Ф. Шмит (Российский институт истории искусств в мемуарах. С. 204).

³¹¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 58.

³¹² ЦГАЛИ СПб., ф. 389, арх. Ф. И. Шмита, оп. 1, ед. хр. 6, л. 15.

главам отделов (и в первую очередь – Назаренко и Гвоздеву³¹³), как ни странно, была услышана Президиумом ГУСа. Ее, по всей видимости, поддержал Луппол, входивший в Президиум, поскольку она корреспондировала с лозунгом борьбы со «спецификаторством». Через три дня на заседании Правления Института Шмит, отчитываясь о результатах своего выступления в Президиуме ГУСа, указывает, что после прослушивания обоих докладов (Гоникмана и его) последовал обмен мнений, «в котором приняли участие тов. Маца, Луппол, Ванаг и Попов». Далее в Протоколе пересказывается новая резолюция³¹⁴ (см. ее текст ниже).

Заседание Президиума ГУСа (26 декабря 1929) проходило под председательством К. А. Попова³¹⁵. Из Протокола следует, что в числе членов ГУСа здесь, действительно, присутствовали И. К. Луппол и Н. Н. Ванаг, в числе приглашенных – И. Л. Маца³¹⁶ и Ф. И. Шмит. Но ни о докладе Шмита, ни об обсуждении докладов в протоколе ничего не сказано: вероятно, по советскому бюрократическому этикету дискуссии теперь не одобрялись и не фиксировались. Понятно только, что на заседании рассматривалось два вопроса: первый «О реформе ВТУЗов (Доклад А. Я. Вышинского)», второй — «Результаты обследования Государственного Института Истории Искусств (Доклад т. Гоникмана)». В графе «Постановлено» по второму вопросу значится: «Соглашаясь с характеристикой положения дела в ГИИИ, считать необходимым внести на совещание замов два проекта»³¹⁷. В качестве первого проекта записаны те самые пять пунктов о раскассировании ГИИИ, которые значатся в финальной части постановления «комиссии Гоникмана» (см. выше: «VII. Результаты выводов»). Другой проект за именем вовсе не Шмита, а «Президиума ГУСа и Главнауки» гласил:

---

³¹³ Судя по последующим письмам Шмита в различные инстанции, он явно подозревал Гвоздева в пособничестве Назаренко в деле его (Шмита) смещения с поста директора; возможно на это были основания: директорские амбиции и карьеризм Гвоздева отмечал в своих мемуарах и Зубов.

³¹⁴ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 60.

³¹⁵ Того самого историка партии К. Попова, который принимал активное участие в «чистке» ГАХН (см. об этом: *Якименко Ю.Н.* Из истории «чисток аппарата»: Академия художественных наук в 1929-1932 // *Новый исторический вестник.* 2005. № 1 (12); http://www.nivestnik.ru/2005_1/11.shtml); входил в Комиссию при Наркомпросе (возглавляемому Крупской) по антирелигиозному воспитанию. С 1928 г. – профессор Института красной профессуры.

³¹⁶ Заметим, кстати, что 18 декабря 1929 г., как раз, когда комиссия завершила свою работу, в Институт приехали с докладами из Москвы И. Л. Маца, А. И. Михайлов (видимо тот самый, что громил Институт в журнале «На литературном посту») и И. А. Острецов, причем двое первых выступали в Кино-лаборатории и радиофицированном Красном зале, которые понадобились «из-за наплыва народа» (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 56).

³¹⁷ Т.е. замов Бубнова.

«1) Признать целесообразным сохранение ГИИИ как единого научного учреждения, систематически изучающего искусство с марксистской точки зрения.

2) Поручить Главнауке совместно с Главискусством в месячный срок представить на утверждение Коллегии НКПроса новый состав Президиума ГИИИ.

3) Поручить новому Президиуму в месячный срок со дня его утверждения пересмотреть состав действительных членов и научных сотрудников Института, а также руководителей его секций, в целях обеспечения марксистского направления его работы и в тех же целях разработать проект нового положения об Институте и его структуре, представив результаты этой работы в Главнауку и через нее в Президиум ГУСа, вместе с производственным планом на текущий год.

4) Признать целесообразным при создании Ассоциации исследовательских Институтов материальной и речевой культуры включить в нее также ГИИИ.

5) Вопрос реорганизации ИЛЯЗВ и присоединения ЛИТО ИЛЯЗВа к ГИИИ отложить до обследования ИЛЯЗВа, которое поручить Президиуму ГУСа произвести в месячный срок с привлечением к участию в нем работников Ленинградского отделения Комм. Академии.

6) Рассмотрение вопроса о возможности дальнейшего сохранения аспирантуры при ГИИИ поручить Комиссии по подготовке научных работников с условием использования материала, представленного Комиссией по обследованию ГИИИ и с представлением результатов на утверждение Коллегии НКП.

Председатель К. Попов
Секретарь Н. Манцева»³¹⁸

Вернувшись из Москвы, на институтском заседании Правления Шмит 29 декабря 1929 года сделал информационный доклад о заседании Президиума ГУСа, по которому Правление «постановило» составить свою резолюцию и передать ее в Коллегию Наркомпроса и Комиссию ГУСа. Здесь задействованы были только три первых пункта проекта ГУСа и Главнауки, входившие в компетенцию Института. Причем во втором пункте было предложено не в месячный, а «в двухнедельный срок назначить новый Президиум ГИИИ из 3-х человек». Что касается пункта 3, то он подвергся стилистической правке: пересмотр состава сотрудников и руководителей секций звучал в институтском варианте более кровожадно: «произвести тщательный пересмотр всего личного состава Института на предмет удаления из него всех классово-враждебных элементов»³¹⁹.

Между тем Главнаука не спешила с назначениями нового Президиума. Ей, похоже было не до Института: в самом Наркомпросе и его

³¹⁸ ГА РФ, ф. 298, арх. ГУСа, оп. 1, ед. хр. 8, л. 94об.

³¹⁹ ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 60.

многочисленных подразделениях происходили лавинообразные реорганизации, раскассирования и чистки, заседания, перестановки, отставки. Об Институте вспомнили лишь к 1 февраля 1930 года. Именно этим числом датирована резолюция на приведенном выше втором проекте (о «целесообразности сохранения ГИИИ»). Судя по всему, на «заседании замов» именно этому проекту было отдано предпочтение. 20 января 1930 года заместитель наркома А. С. Бубнова М. С. Эпштейн подписал этот документ и дал распоряжение о его рассылке в различные инстанции: «Лупполу, в Секретариат Главнауки, Раскольникову, в Секретариат ГИСа, в Президиум ГУСа и в Комиссию по подготовке научных работников». В Президиуме ГУСа на ней появилась следующая резолюция: «По просьбе т. Луппола отсрочить до организации Ассоциации. Об отсрочке в Колл<егию> послано. 1/П»³²⁰.

Расшифровать эту надпись можно следующим образом: заведующий Главнаукой предложил отсрочить назначение Президиума и дальнейшее реформирование ГИИИ до образования новой Ассоциации, о чем было послано уведомление в Коллегию Наркомпроса. Речь идет о названной в пункте № 4 новой ассоциации – РАНИМХИРК. Как раз в это время происходило упразднение прежней ассоциации РАНИОН, к ведомству которой относился Институт, и образование этой новой структуры.

Таким образом реформа Института снова затягивалась.

Между тем в стране начинает набирать оборот новая кампания, являющаяся частью кадровой политики партии, – по внедрению в сферы управления «выдвиженцев». Еще 9 сентября 1929 года в Институт приходит из СОРАБИСа (Союза работников искусств) бумага, в которой предлагается представить не позднее 15 сентября «список номенклатурных должностей» для выдвиженцев, поскольку «вопрос отбора и выдвижения лучших работников с производства на руководящие посты Советского хозяйства в данный момент, в связи с чисткой Соваппарата от бюрократического вредительского элемента приобретает особенно важное значение»³²¹.

В начале осени претворять в жизнь эту установку Институт не был готов, вероятно, еще и потому, что только что произошли перестановки, и никто из нового Правления не собирался уступать «выдвиженцу» своего «кресла». Еще не случилась отставка директора – он пока был в отпуске. Во всяком случае, в ответ на следующую директиву Месткома от 28 сентября 1929 года (о закреплении определенных должностей за выдвиженцами) заседание Правления (от 2 октября 1929 года) постановило: «Ввиду того, что все руководящие должности в ГИИИ, как научном учреждении, требуют специальной научно-художественной квалификации, считать, что по Институту выдвиженцами могут быть замещены только должность

---

³²⁰ ГА РФ, ф. 298, арх. ГУСа, оп. 1, ед. хр. 8, л. 97.

³²¹ Текст этого постановления был включен с присланный из Месткома циркуляр от 28 сентября (ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 42, л. 7).

заведующего Канцелярией и заведующего хозяйством, как не требующих специальной научной квалификации»³²².

Однако в начале 1930 года внедрение выдвиженцев приобретает директивный характер, и Шмиту приходит в голову воспользоваться этой возможностью и принять выдвиженца на должность замдиректора: таким образом он рассчитывал избавиться от ненавистного Назаренко. 3 февраля 1930 года, после постановления Президиума Ленсовета (от 31 января 1930 года) «наметить не менее одной номенклатурной должности на замещение ее рабочими выдвиженцами», Шмит сообщает в Главнауку, что готов взять выдвиженца на место замдиректора³²³. И уже 20 февраля 1930 года зам. директором по административно-хозяйственной части Института был назначен «слесарь 22 разряда тов. Цыпорин», что было утверждено на заседании Правления от 23 февраля 1930 года³²⁴. Назаренко, наконец, был снят, однако избавиться от него Шмиту так и не удалось: он был оставлен в должности председателя ЛИТО и продолжал заседать в Правлении, диктуя свою волю³²⁵.

3 марта 1930 года, наконец, была утверждена новая ассоциация РАНИМХИРК³²⁶. 5 марта 1930 года на заседании Правления слушали сообщение Малахова (который, как правая рука Назаренко теперь командирован в Москву по делам Института) о его переговорах с Главнаукой и о скором назначении нового директора. Казалось бы дело сдвинулось, и Правление снова постановило «просить Главнауку ускорить реорганизацию ГИИИ»³²⁷. Однако слухи оказались преждевременными. Руководящие органы, кажется, забыли об Институте, во всяком случае трудно иначе объяснить поступивший из Наркомпроса циркуляр с требованием сообщить сведения о новом штате ГИИИ. «Разъяснить в ответ, – записано в постановлении Правления от 15 марта 1930 года, – что это невозможно без нового Правления и разъяснения направления работы»³²⁸.

---

³²² ЦГАЛИ СПб, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 2.

³²³ ЦГАЛИ СПб, арх. Ф.И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 43, л. 6.

³²⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 80.

³²⁵ Об этом 21 февраля Шмит пишет в Главнауку, объясняя, что если Назаренко не снят с руководящего поста и сохраняет свой оклад, то для выдвиженца Цыпорина нет ставки (ЦГАЛИ СПб, арх. Ф. И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 43, л. 7).

³²⁶ К организации Российской ассоциации научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры предлагалось «немедленно приступить» 3 марта 1930 г. (ГА РФ, ф. 4655, арх. РАНИИОН, оп. 1, ед. хр. 129, л. 46). Вероятно, в тот же день эта Ассоциация была утверждена. Во всяком случае в документах о ее ликвидации (от 26 декабря 1930 г.) указано, что «РАНИМХИРК возник на основании постановления Коллегии Наркомпроса от 3 марта 1930 г., в результате ликвидации РАНИОН'а» (ГА РФ, ф. 406, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 76). Об образовании новой ассоциации 3 марта 1930 г. см. также приказ в «Бюллетене Наркомпроса РСФСР» (1930. № 5).

³²⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 45, л. 86.

³²⁸ Там же, л. 90.

Последняя реорганизация

Среди следующих по хронологии документов в фонде Института сохранились проекты новой структуры Института, предложенные членами Правления. Они относятся к началу двадцатых чисел марта 1930 года. Можно предположить, что к этому времени Главнаука, наконец, вспомнила о резолюции Наркомпроса и предложила старому институтскому руководству (до назначения нового директора и Президиума) «разработать проект нового положения об Институте и его структуре, представив результаты этой работы в Главнауку и через нее в Президиум ГУСа»³²⁹.

Еще 5 марта 1930 года Шмит посылает официальное письмо Зав. Главнаукой (т. е. тому же Лупполу), где, видимо, откликаясь на слухи о возможной передаче разработки структуры «старому» Правлению, пишет: «Поручить разработку вопросов о структуре и программе Институту нельзя: Я. А. Назаренко, С. К. Исаков, А. А. Гвоздев, Б. В. Асафьев-Глебов в области теоретической мысли чрезвычайно слабы: никакого иного Института, кроме ныне существующего, они себе представить не могут, потому что именно нынешний Институт наилучше устраивает их личные дела, и им нужны только новая вывеска и новые коммунисты, которые бы служили, как было у Гоникмана сказано в докладе “ширмою” ГИИИ»³³⁰. Однако на этот раз Луппол не внял доводам Шмита, и Правление приступило к разработке проектов новой реорганизации Института.

Обсуждению проектов были посвящены два заседания Правления от 25 и 30 марта 1930 года³³¹. К протоколам этих заседаний приложены два проекта: Назаренко³³² и Шмита³³³, а в личном фонде Шмита сохранился еще и проект С. Л. Гинзбурга³³⁴, секретаря ИЗО, который на последних заседаниях Правления заменял отсутствующего Асафьева. Наиболее «вменяемым» из них является проект последнего, где большинство подразделений Института сохранены, а перестроена только их внешняя структура. Во главе Института Гинзбург предлагает поставить Сектор методологии, которому подчиняются два сектора: Современного искусства и

---

³²⁹ См. приведенный выше третий пункт этой резолюции.

³³⁰ ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 43, л. 8. Со временем письма Шмита в Главнауку начинают принимать неприличный характер. Возможно, он еще надеется вернуться на пост директора, во всяком случае не хочет, чтобы этот пост достался его конкурентам. Так в письме от 21 февраля 1930 г. он просит не позднее 25 февраля представить нового директора и указывает, что «наименее способны принять новую постановку работы» Исаков, Асафьев, Гвоздев и Назаренко (ЦГАЛИ СПб, арх. Ф.И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 43, л. 7).

³³¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82. оп. 3, ед. хр. 45, л. 94 и 102.

³³² Там же, ед. хр. 47, л. 4-9; второй план Назаренко вписан прямо в протокол заседания от 30 марта (ЦГАЛИ СПб., ф. 82. оп. 3, ед. хр. 47, л. 102). Имеется также вариант первого плана в фонде Шмита (ЦГАЛИ СПб., ф. 389. оп. 1, ед. хр. 6, л. 7-11).

³³³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82. оп. 3, ед. хр. 45. л. 98-98об.

³³⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 389. оп. 1, ед. хр. 6, л. 11.

Истории искусств. Сектор современного искусства делится на три подразделения: 1) кабинет массового искусства, 2) кабинет профессионального искусства, 3) кабинет художественной культуры народов СССР. Сектор истории искусств имеет традиционное деление на 5 подразделов: кабинет истории театра, музыки, кино, изобразительного и словесного искусства³³⁵. Вероятно, проект Гинзбурга был сразу забракован, как не соответствующий главной идее реформы: снять традиционное членение секций по виду искусств. Страсти разгорелись вокруг «новых положений и проектов» Шмита и Назаренко.

Надо сказать, что оба проекта были мало жизнеспособны. Текст, написанный Назаренко, в основном стоял из «положений», а не из «структуры», и положения эти сводились по большей части к демагогии и обычной оголтелой критике формализма: «Формалистская школа должна быть разоблачена как буржуазное мировоззрение, и потуги формалистов последних дней в сторону марксизма показывают тот же процесс; если они раньше тщательно выхолащивали всякое социальное и идейное содержание художественных произведений, теперь пытаются проводить ту же операцию над марксизмом. Надо совершенно отчетливо показать, что эволюция к марксизму формальной школы невозможна, что всякие надежды на это утопичны и реакционны»³³⁶. После этой преамбулы он предлагал переименовать Институт в Научно-исследовательский институт марксистского искусствоведения, а Ученый совет — в Художественно-политический совет, и создать такую структуру

1. Сектор методологии и художественной политики

а) отдел изучения массового советского искусства

б) отдел художественной культуры народов СССР

+ кабинет художественной этнографии + фольклорный архив

. 2. Сектор марксистской истории искусств

Комплексная группа на материале театра, кино, музыки, искусства

3. Научный секретариат по подготовке аспирантов и выдвиженцев

Проект реорганизации ГИИИ, предложенный Шмитом (датирован 22 марта 1930), тоже начинается с «положений об Институте», т. е. со столь же трафаретных разглагольствований о «задачах революционного марксистского искусствоведения». Но описание структуры, занимающее две страницы, у Шмита более детальное. Он предлагает шесть отделений:

1) Дирекция (Директор + помощник по административно-хозяйственной части + Ученый секретарь).

2) Историческая секция, где изучается искусство капиталистической эпохи и корни пролетарского искусства на Западе и в России.

3) Фольклорная секция, куда передаются материалы всех фольклорных подразделений Института.

---

³³⁵ Там же.

³³⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 4.

4) Педологическая секция, для выработки искусствоведческой основы для советской художественной педагогики³³⁷.

5) Секция советского искусства, куда включены художественная летопись 1917–1939, изучение зрителя и слушателя, самодеятельное и профессиональное творчество, причем в профессиональной подсекции может быть членение по видам искусства.

6) Общеинститутская секция, куда входит библиотека, диатека, фотолаборатория и КИРХ.

Из Протоколов заседаний и 25, и 30 марта видно, что обсуждение проектов вылилось в сильнейшую склоку, и директор и Назаренко – оба апеллировали к авторитету Луппола, который до обсуждения в Институте, якобы, уже одобрил и первый и второй проекты³³⁸. Но в конце концов все тем же послушным Правлением был принят более бессмысленный проект еще всевластного Назаренко: он был принят на заседании Правления 30 марта³³⁹. Заметим, что страсти эти оказались пустыми: проект, предложенный Главнаукой, не соответствовал ни проекту Шмита, ни проекту его оппонента. И справедливости ради следует сказать – он был столь же не жизнеспособный. Его уточнением и дальнейшей разработкой Институт в основном и занимался в течении последующего года.

Наконец, 5 апреля 1930 года был назначен новый директор, Михаил Васильевич Серебряков³⁴⁰, возглавлявший до этого времени ЛГУ. Это был антипод институтских марксистов. Будучи отнюдь не пролетарского происхождения и получив хорошее «дореволюционное» университетское образование, он с ранней юности встал на путь профессионального революционера и серьезно увлекся изучением философии Гегеля, младогегельянства и истоками марксизма (диалектического материализма). С 1920-х годов он занимался исследованием раннего периода жизни и учения Энгельса, чему и было посвящено большинство его последующих работ. На фоне оголтелого марксизма тех лет он остался в памяти студентов как человек умный, научно порядочный, лишенный догматизма и, в отличие от многих, «зрячий», понимающий ужас сталинского режима³⁴¹.

---

³³⁷ Шмит еще в первые советские годы занимался детским художественным образованием и, по всей видимости, включал этот сектор для собственного руководства.

³³⁸ 20 марта 1930 года Шмит опять пишет в Главнауку и Лупполу, указывая, что если принят план реорганизации Назаренки и если еще ему нет замены — то пусть дадут ему отпуск на 2 недели без сохранения содержания (ЦГАЛИ СПб, арх. Ф.И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 43, л. 8, 9).

³³⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 82. оп. 3, ед. хр. 45, л. 102.

³⁴⁰ Дата назначения нового директора устанавливается по официальному письму Шмита в ГУС от 5 апреля 1930 г., где он пишет: «Сего числа мною подписан приказ по ГИИИ о сдачи должности Директора Института М. В. Серебрякову» (ЦГАЛИ СПб., ф. 389, оп. 1, ед. хр. 43, л. 11). Приказ об отставке в фонде Института не сохранился.

³⁴¹ См. яркую характеристику Серебрякова в кн.: *Левитин-Красин А. Э. Лихие годы. 1925-1946: Воспоминания.* Paris, 1977. С. 369–370.

Непричастность к кровавым рапповским разборкам и шумным журнальным «дракам», вероятно, в свое время спасла его от репрессий.

Оказавшись «у кормила» Института, который извне (в частности со стороны прессы) подвергался чудовищной хуле и травле, а изнутри был обескровлен и деморализован Назаренко и компанией, Серебряков попал в сложное положение и принял правильную тактику максимального затягивания структурной перестройки, в целях ожидания перемен, за невозможностью работать по навязанному плану.

7 апреля 1930 года состоялось первое совещание Президиумов Секторов ГИИИ – так теперь стало называться бывшее Правление. Заместителем директора остался тот же слесарь С. М. Цыпорин, а ученым секретарем тот же С. С. Макульский.

Судя по протоколу, на совещании выступил директор с предложением следующей структуры Института: прежнее деление на отделы было упразднено, Институт состоял теперь из трех общих секторов: 1) Методологии и художественной политики, 2) Современного искусства и художественной пропаганды, 3) Марксистской истории искусств. Из них руководящим признан был первый сектор. «В каждом секторе» (как это требовалось свыше) должна была вестись «комплексная разработка тем на материале всех искусств». Президиум каждого сектора состоял из зава, замзава, и секретаря. Первый сектор возглавил сам Серебряков, его замом стал Назаренко, а секретарем М. К. Добрынин. Второй сектор возглавлял В. Е. Рафалович (функционер без специальности³⁴²), его замом был назначен А. А. Гвоздев, а секретарем М. О. Янковский. Третий сектор возглавил С. К. Исаков, его замом стал Б. В. Асафьев, а секретарем Э. Н. Ацаркина. Итак в администрации оказалась шесть коммунистов и два выдвиженца; из старых сотрудников на руководящих постах были сохранены только трое, особо сервильные Мокульский, Гвоздев и Асафьев. К следующему заседанию Президиумам секторов было поручено подготовить планы и структуры вспомогательных учреждений, состав привлеченных сотрудников, а также разработать темы, методы и связи с другими секторами³⁴³.

Из дальнейших заседаний Президиума Секторов следует, что реформирование Института продолжалось до лета 1930 года, и каждое новое заседание вносило свои уточнения и поправки в предложенную директором структуру.

Наиболее существенным на втором совещании Президиумов Секторов ГИИИ (12 апреля 1930 года) было высказанное единодушно Исаковым, Рафаловичем и Назаренко мнение о необходимости использовать в работе второго и третьего отделов (т. е. в отделах Современного искусства и

---

³⁴² В конце 1920-х гг. политредактор по зрелищам Ленинградского областного отдела по делам литературы, издательств и зрелищ. В анкете, посланной в Наркомпрос весной 1930 г., против его фамилии значится «научной квалификации не имеет» (ГА РФ, ф. 2307, оп. 15, ед. хр. 114, л. 1).

³⁴³ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 1—2.

художественной пропаганды и Марксистской истории искусств) активных работников только трех прежних отделов: ТЕО. МУЗО и ИЗО. Отдел ЛИТО сразу был изъят из этого списка. Исаков предложил не включать его в исторический сектор с такой довольно странной мотивировкой, что Словесное отделение не занималось западноевропейской литературой XVII—XIX веков. В отдел же Современного искусства его решили не включать, во избежание параллелизма с ИЛЯЗВом. При этом А. А. Гвоздев высказывает мнение, что изучение литературы должно совершенно отойти от ГИИИ, а «имеющихся литературоведов-марксистов надо использовать на других участках работы». Интересно, что когда 28 июня 1930 года выяснилось, что Институту «дают по разверстке 30 аспирантских мест», то опять же «в целях избежания параллелизма» было предложено «впредь воздержаться от зачисления аспирантов по литературоведению»³⁴⁴.

На этом же втором совещании Гвоздевым была сделана попытка реанимировать прежние отделы, или, как он дипломатично выразился, «восстановить объединение специалистов на материале отдельных искусств». Это разумное требование он попытался демагогически обосновать «увязкой с художественным производством, которое резко дифференцировано по материалу», но Добрынин, Малахов и Назаренко выступили с резкой критикой, а Серебряков осторожно указал на несвоевременность «на данном этапе объединений по материалу», поскольку сейчас требуются «самые общие темы» для подведения под них «философского фундамента»³⁴⁵.

Следующее заседание Президиумов Секторов, состоявшееся 22 апреля 1930 года, было посвящено планированию докладов и утверждению научно-вспомогательных учреждений, которые следовало сохранить и распределить по трем утвержденным отделам. По Сектору методологии соответственно темы касались исключительно применения марксистской методологии: тему марксистского театроведения вел Мокульский, искусствоведения – Ф. И. Шмит, а Асафьев взялся за тему анализа музыкально-исторического процесса с точки зрения классово-борьбы. Что касается второго и третьего Секторов, то работу в них решили «сконцентрировать вокруг общей проблемы – изучения пролетарских и буржуазных тенденций в искусстве», создав «десять рабочих групп», из которых были тут же отобраны пять, поскольку Серебряков предложил не браться до осени за темы по истории искусства³⁴⁶, а потом оказалось, что разрабатывалась только одна тема.

Вспомогательные кабинеты и лаборатории, которые являлись «хранилищем материалов», делились, соответственно по материалу (Кабинет

---

³⁴⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 28–28об.

³⁴⁵ Там же, л. 6–7.

³⁴⁶ Были оставлены темы: «Клубно-самодетельное искусство», «Художественное оформление быта», «Современные художественные течения», «Проблемы социалистического искусства» и «Искусство народов СССР». Но в дальнейшем была отменена вторая из указанных тем (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 34 об.).

театроведения, Кабинет музыковедения и т.д.), так что совсем избежать «объединения специалистов на материале отдельных искусств» все же не удалось. При следующей ликвидации ГИИИ это деление по специальностям снова вменялось в вину Институту. Следует заметить, что были оставлены Театральная и Кино лаборатории, а также Кабинет литературоведения (куда входила литературная картотека из Термино-библиографического Отдела и Литературный архив). Как явствует из следующего заседания это подразделение какое-то время оставалось без руководителя. Только с 13 сентября 1930 года его опять-таки возглавил Назаренко (ассистентами стали Вольпе и Михайлова)³⁴⁷. По первоначальному проекту был создан Кабинет Художественной агитации и пропаганды, с включением в него КИХРа, и Кабинет искусства народов СССР, с включением в последний Фольклорного архива. Затем Фольклорный архив был перемещен в другое подразделение, а КИРХ упразднен.

И наконец, было запланировано создание некоего подразделения под названием «Арена искусствоведения» «для смычки с широкой общественностью и обсуждения актуальных вопросов современности»³⁴⁸. Из протоколов следующих «совещаний» становится понятным, что деятельность этого подразделения сначала была перенесена на осень, а потом вообще оказалась эфемерной.

Наиболее важным представляется следующее совещание Секторов от 5 мая 1930 года, на котором обсуждался личный состав этого дважды реформированного Института. Собственно это был не один, а два списка: первый включал тех сотрудников, которые на этот момент еще числились в Институте, второй – «новые лица», которых намеревались привлечь к работе. Второй список в основном состоит из неведомых имен, занимавшихся пролетарским искусством с марксистских позиций и не оставивших следа в науке³⁴⁹. Из «старых» уволенных Назаренко сотрудников «сверхштата» собирались привлечь только Вальдгауера и Пиотровского.

Первый же список знаменателен. Он наглядно показывает, как мало к этому времени осталось в Институте сотрудников «старой гвардии» с именами и серьезным научным и культурным багажом. На протяжении нескольких «реорганизаций» они постепенно покидали ГИИИ, поскольку большинство из них так не могло подчиниться партийному руководству наукой. Но теперь и эти остатки были намечены к увольнению, т. е. против их фамилий было указано: «К работе не привлекать». Из искусствоведов – это хранитель картинной галереи в Эрмитаже, замечательный специалист по западноевропейскому искусству и искусству итальянского Возрождения Д. А. Шмидт, а также специалисты по древнерусской живописи, работавшие еще при Зубове в копировальной мастерской фресок (Л. А. Дурново и

---

³⁴⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 34—34об.

³⁴⁸ Там же, л. 8—9об.

³⁴⁹ Может быть стоит только назвать киноведа – С. Л. Цимбала.

З. И. Соколова), и скромная хранительница богатого фонда изоматериалов, специалистка по итальянскому Ренессансу М. В. Павлинова, начавшая работу в ИИИ с 1913 года. Кроме того, в этом списке имеются Малевич и Суетин, против фамилий которых стоит та же подпись: заметим, что больше никого их бывшего ГИНХУКа в Институте уже не осталось. Интересно, что против фамилии Ф. И. Шмита отмечено: «Привлечь к работе в историческом секторе на полном окладе». Таким образом при новом директоре он был сразу же восстановлен в звании действительного члена Института и ему планировалась полная ставка³⁵⁰.

В списке музыковедов, прошедших асафьевскую чистку еще в 1928 году, кроме П. В. Грачева, уже покинувшего Институт во время реформирования, и научного сотрудника Л. Г. Немировского³⁵¹, никто к увольнению не намечался. То же касается и театроведов. Даже уже покинувшего Институт В. Н. Соловьева было решено «привлекать к работе сверх штата». Вообще в этом отделе осталось больше всего «стариков»: это и сам А. А. Гвоздев, и И. И. Соллертинский, и В. Н. Всеволодский-Гернгросс, и Н. О. Конрад, и А. Л. Слонимский, и Н. П. Извеков, и С. С. Мокульский, и Б. С. Лихачев (хранитель кинокомитета с 1925 года).

В отличие от этих отделов, кадровый каток самым беспощадным образом прокатился по ЛИТО. Помета «к работе не привлекать» стоит против фамилий В. П. Адриановой-Перетц, В. В. Виноградова, Б. В. Казанского, Ю. Г. Оксмана, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, Г. А. Гуковского, К. А. Шимкевича. Из старых кадров здесь, вероятно по недосмотру, очень недолго значились С. И. Бернштейн и С. Д. Балухатый. На прежних ролях в Институте остается только В. М. Жирмунский, который руководил Кабинетом искусства народов СССР³⁵², однако и он 23 ноября 1930 года переходит из ГИИИ в ИРК (Институт речевой культуры)³⁵³, положение которого, в отличие от Института, оказалось более надежным.

Но если Жирмунский ушел сам, то остальных его коллег по ЛИТО из Института «вычистили». Уже в «постановлении» к пункту 2 этого протокола (от 5 мая) значится: «Всех научных работников, как штатных, так и сверхштатных, не привлекаемых к работе, отчислить в виду того, что данные работники в связи с новыми задачами Института не могут быть

---

³⁵⁰ 11 апреля 1930 г. Ф. И. Шмит вновь утвержден действительным членом ГИИИ (ЦГАЛИ СПб., арх. Ф. И. Шмита, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 22, л. 5; ед. хр. 157, л. 6).

³⁵¹ Немировский, будучи сотрудником акустической лаборатории, занимался проблемами музыкальной физиологии и акустики с применением математических методов, и как не-марксист (а значит «формалист») был обречен на увольнение.

³⁵² 13 октября 1930 г. на совещании Президиумов было решено утвердить в составе сектора Современного искусства сверхштатными сотрудниками Астахову и Колпакову – в Фольклорный кабинет при Комитете искусств народов СССР; здесь же Жирмунский подает ходатайство зачислить в штат М. К. Азадовского, также в Фольклорный кабинет (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 38об., § 8 протокола совещания от 13 октября 1930 г.)

³⁵³ Там же, л. 41 (§ 5).

использованы по своей специальности»³⁵⁴. С этим нельзя не согласиться: при новых заданиях и темах, которые намечались в Институте, ученых с квалификацией Д. А. Шмидта, Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова использовать было мудрено.

На следующем совещании от 15 мая 1930 года шло распределение по отделам и кабинетам Института тех сотрудников, которых собирались привлечь к работе³⁵⁵.

Все эти административные перестановки и расстановки длились до конца академического года (до 28 июня 1930 года): предлагались имена «вновь привлеченных» сотрудников – «выдвиженцев» или малоизвестных марксистов, все новые и новые темы для работы (одна другой чудовищней); предлагались и все новые и новые изменения в структуре. Например, на последнем совещании было предложено образовать четвертый Сектор - Сектор Кадров (по подготовке аспирантов)³⁵⁶, во главе которого РАБИСом был назначен функционер В. И. Тоболькевич³⁵⁷. Он сразу предложил создать комиссию «для кооптации из аспирантов нужных специалистов», в которую ввел такого же функционера Рафаловича и небезызвестного Малахова³⁵⁸.

А тем временем надвигалась полоса новых репрессий, связанных с кампанией по чистке советского аппарата. Как известно, толчком к этой растянувшейся на несколько лет кампании послужила резолюция XVI партконференции (апрель 1929 г.), на основе которой были опубликованы постановления ЦИК и СНК СССР «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» и «Инструкция НК РКИ по проверке и чистке советского аппарата»³⁵⁹. Чистка развернулась под флагом борьбы с бюрократизмом «под контролем трудящихся», с извращениями партийной линии и развертывания критики и самокритики. Она началась с чистки партийных, потом высших государственных органов (наркоматов). Очередь до чистки Наркомпроса дошла в начале января 1930 года³⁶⁰. Чистка Главискусства началась 13 января 1930 г.³⁶¹ Чистки и обследования научно-исследовательских институтов Наркомпроса «объединяемых Ассоциацией материальной, художественной и речевой культуры, началась по постановлению Коллегии НК РКИ РСФСР 16 апреля 1930 года (приказ № 25)»³⁶². Работа комиссий и подкомиссий по чистке РАНИМХИРК длилась с 15 мая по 1 августа³⁶³.

---

³⁵⁴ Там же, л. 10–11.

³⁵⁵ Там же, л. 12.

³⁵⁶ Там же, л. 28.

³⁵⁷ Там же, л. 34об.–35.

³⁵⁸ Там же, л. 38.

³⁵⁹ Правда. 1929. 2 июня. № 124. С. 4.

³⁶⁰ Перед чисткой Наркомпроса // Правда. 1929. 16 декабря. № 296. С. 2.

³⁶¹ Литературная газета. 1930. 13 января. № 2. С. 3.

³⁶² Это постановление упоминается в документах отчета о чистке от 26 октября 1930 г. (ГА РФ, ф. 406, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 72).

³⁶³ ГА РФ, ф. 406, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 75.

В основу работы комиссии по чистке Института легли как списки, составленные Президиумами Секторов 5 мая 1930 года, так и материалы предыдущих комиссий по обследованию Института. Как писалось в официальных документах, надо было «прощупать самые слабые участки социально-классового лица научных кадров исследовательских учреждений»³⁶⁴. Безусловно учитывалась и развернутая травля Института в прессе. Первоначальную работу по научно-исследовательским учреждениям проводили специальные подкомиссии. В подкомиссию по чистке аппарата Главискусства были выделены представители ЦК РАБИСа, ячейки ВКП(б), Наркомпроса и иногда представители заводов³⁶⁵.

Судя по сохранившимся документам, чистка в Институте началась в начале июня. Первая повестка из Подкомиссии с просьбой «явиться 3-4 июня в 6 ч. вечера в Институт истории искусств в Зеленый зал», отложилась в фонде Эйхенбаума и датирована 2 июня 1930 года³⁶⁶. Возможно Эйхенбаум на это заседание не пришел. Во всяком случае вторая повестка ему от 14 июня уже содержит угрозы: «17-го сего июня в 5 час. 30 мин вечера в Зеленом зале состоится персональная чистка работников ГИИИ, где Ваше присутствие строго обязательно. В случае неявки, Вы подвергнетесь ответственности по профессиональной линии»³⁶⁷.

Через месяц чистка Института закончилась. 4-м июля 1930 года датирован Протокол Подкомиссии по чистке ГИИИ, на которой «Присутствовали гг. Викторов, Федоров, Иванов»³⁶⁸. Протокол этот ниже приводится целиком, с изъятием только второго пункта из раздела «выводы»: этот пункт относится к Курсам (ВГКИ) и был нами процитирован выше, в соответствующем месте статьи.

Следует отметить несколько курьезных моментов. Комиссия совершенно не обратила внимание ни на смену руководства, ни на реформирование Института, ни на то, что уже несколько месяцев ни ЛИТО, ни ТЕО, ни ИЗО, ни МУЗО в Институте не существовали. Чистка и обследование шли как бы помимо реальности. Из всех перечисленных уволенных сотрудников, только Назаренко остался по-прежнему в Институте. Он был вычищен по третьему разряду, т.е. ему не запрещалась работа и жизнь в Москве и Петербурге, но он должен был уйти из Института. Однако этого не случилось. Но что занятно – в качестве главного греха Назаренко вменялось издание под его редакцией книги Шмита, той самой, которую Андрузский два года тому назад критиковал в его марксистском семинарии. Припомнили ему и заметку в стенгазете.

---

³⁶⁴ Научный работник. 1930. № 11/12. С. 41.

³⁶⁵ Литературная газета. 1930. 13 января № 2. С. 3.

³⁶⁶ РГАЛИ, ф. 1527, арх. Б.М.Эйхенбаума, оп. 1, ед. хр. 807, л. 25.

³⁶⁷ Там же, л. 26.

³⁶⁸ Никого из этих личностей, имевших как на подбор самые распространенные в России фамилии, установить не удалось.

Не совсем понятно, чем перед Подкомиссией по чистке так провинилась Адрианова-Перетц³⁶⁹ (семинарские занятия на дому до последнего года в Институте практиковались и не возбранялись), но зато вор завхоз Шир отделался выговором, а бездельнику вахтеру Бобкову почему-то поставили на вид беспорядок в институтском инвентаре. Собственно никого не волновало, что реально происходило в Институте. «Предложения по персональной чистке» часто смахивали на абсолютную чушь и наветы, «Выводы» подкомиссии были далеки от истины и, как в случае с первым обследованием Гоникмана, предрешены.

Итак, вот этот документ, отложившийся в архиве РАБИСа: по всей видимости партийная ячейка этого профсоюзного ведомства и решала судьбу Института:

**«ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПЕРСОНАЛЬНОЙ ЧИСТКЕ
(УТВЕРЖД. ЦЕНТР. КОМ)**

НАЗАРЕНКО Яков Антонович, заведующий ЛИТО, с марта 1929 г. по февраль 1930 г. заместитель директора, председатель Социологического Комитета за все время его существования, член ВКП(б). За время пребывания на посту председателем Социологического Комитета относился к своим обязанностям формально-бюрократически, что выразилось в издании вторичном с апробацией Социологического Комитета книги Шмита «Предмет и границы социологического искусствоведения», которую сам Назаренко признал дискуссионной и не марксистской. По должности заведующего ЛИТО т. Назаренко относился халатно к своим обязанностям, что выразилось в том, что им не проявлено необходимой для руководителя-коммуниста четкости в руководстве отделом, приведшей к отсутствию плановости в работе отдела, оторванности частей друг от друга; борясь на словах с формалистами, в действительности оказался у них в плену. Зная идеологическое направление Адриановой-Перетц, не принял мер к прекращению ею занятий с аспирантами у ней на дому. По обязанности зам. директора проявил халатное отношение к своим обязанностям, что выразилось: а) в оплате сотрудников, не посещающих в течении ряда лет Институт (Адрианова-Перетц), в неприменении мер в упорядочении хозяйства. Проявил по должности зам. директора игнорирование профессиональной организации, зажим самокритики (отношение к стен.

---

³⁶⁹ Адрианова-Перетц явно ожидала неприятностей. Вероятно, этим было вызвано ее странное выступление 18 февраля 1930 года на заседании фольклорной группы «о предполагаемой реформе Института и о плане работ фольклорной группы на ближайшее время, в частности о формах общественной работы, о необходимости подчеркнута классового изучения современной деревни и о желательности работать в ГИИИ в качестве комплексной группы изучения современной деревни. Общественную работу проводить в виде сотрудничества с ЛЭТ и по возможности в виде открытых лекций и докладов в Рабочем университете. Считать необходимым тщательный учет классовых группировок в искусстве современной деревни» (ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 32, л. 82).

газете). Вывод — снять тов. Назаренко по III категории, о его работе как члена партии поставить в известность партийные организации.

Гр. ШИР — бывший зав. хозяйством. Будучи принят на работу в ГИИИ на оклад 135 р., который составлялся из 55 р. штатного оклада и 75 р. добавочного из спецсредств, гр. Шир после того, как Правление лишило его добавочного содержания в размере 75 р., стал удерживать из имеющихся в его распоряжении сумм от продажи мебели и др. вещей, названную сумму. Преданный суду за растрату, судом гр. Шир был оправдан по обвинению в растрате, но приговорен к выплате Институту полученной т. о. суммы. Вывод — за самовольное удержание имевшихся в его распоряжении хоз. сумм разницы в зарплате, объявить выговор, сообщив об этом по месту его службы или по месту состояния на учете, в качестве безработного.

Снять с работы АДРИАНОВУ-ПЕРЕТЦ, как не посещающую Институт и ведущую занятия у себя на дому, особенно принимая во внимание идеологическое направление Адриановой-Перетц, явно враждебное марксизму.

Снять как идеологически непригодных для руководства по подготовке кадров — ПАВЛИНОВУ, БЕРНШТЕЙНА, КАЗАНСКОГО, ТЫНЯНОВА, ЭЙХЕНБАУМА, ШИМКЕВИЧА, БАЛУХАТОГО.

Снять с работы в Институте, не возражая против использования на работе в другом месте, гр. КОЖИНА, в виду невозможности использования по его специальности в Институте.

НЕМИРОВСКОГО — в виду невозможности использовать по специальности, предложить Президиуму освободить от работы в Институте.

Гр. КРИЖАНОВСКАЯ во время персонального опроса на общем собрании пыталась скрыть свое происхождение, заявив, что она дочь служащего, потом после ряда вопросов добавив, что дочь военного, в действительности является дочерью генерала, что в конце концов и признала. Вывод — за попытку скрыть соц. происхождение объявить гр. Крижановской строгий выговор.

Зав. хозяйством тов. БОБКОВУ, члену ВКП(б) поставить на вид то, что в течении года не привел в порядок инвентарь, хотя имел к тому полную возможность.

Гр. ЛИХАЧЕВА снять с работы зав. Кино-кабинетом, в виду того, что он не подходит к этой работе.

Гр.г. БУЛГАКОВА, КАРНАУХОВУ, САЧАВЕЦ-ФЕДОРОВИЧ — снять с научной работы, использовать только как научно-технических в виду недостаточной их подготовки и в виду того, что числясь по штатам на научной работе, фактически выполняли научно-техническую работу.

Председатель Подкомиссии ВИКТОРОВ

ВЫВОДЫ:

Комиссии по чистке Государственного Института Истории Искусств

1. Государственный Институт Истории искусств возник в дореволюционное время как частное учреждение графа Зубова, где изучались вопросы изобразительного искусства. Задачи, которые были поставлены Институтом в то время определялись положением: искусство для искусства, в основе изучения лежал формальный метод, преобладали дворянские тенденции в изучении истории живописи. В таком виде Институт существовал в течении некоторого времени (вплоть до 1925 года) и после революции, причем во главе его оставался тот же Зубов. После революции в Институте, ставшем государственным учреждением, кроме вопросов изобразительного искусства, были организованы театральный отдел, музыкальный отдел, и несколько позднее литературный отдел, но почти во всех отделах культивировалось реакционное направление в изучении вопросов искусствоведения.

2. <...>

3. В 1924-25 г. Институт, как указывала администрация, был преобразован. Зубов был снят, на его место был назначен крупный специалист в области истории искусств проф. Ф. И. Шмит. Целевая установка Институту новым руководством давалась следующая: «Изучение синтетического искусства». В основу был положен, как сообщалось администрацией, тот принцип, что отдельно не существует теории музыкального, изобразительного и т. п. искусства, что есть теория искусства, материалом же оформления является звук, слово, кисть, резец, театральное действие и т. д. Таким образом ставилась задача нанести удар оторванному существованию самостоятельных отделов, живущих каждый своей жизнью, нанести удар формалистам, для чего руководство создало социологический комитет, как общеинститутскую организацию, было привлечено к руководству два коммуниста тт. Назаренко и Исаков, первый стал во главе ЛИТО, второй во главе ИЗО.

В начале 1929 года социологический комитет был ликвидирован, так как задача объединения отделов общим методологическим направлением была закончена.

4. В настоящее время Институт состоит из 4-х отделений: 1) ЛИТО, 2) ИЗО, 3) ТЕО, 4) МУЗО.

ЛИТО

(Литературный отдел)

Марксистского руководства до начала 1930 года не было, хотя во главе Отдела стоит партиец тов. Назаренко. Приход молодых марксистов в начале 1930 года не улучшил положения: на пленарных заседаниях, где пока и могли проявить свое влияние марксисты, формалисты, державшие в руках большинство кабинетов, не принимают участия. Пятилетнего плана нет, фактически отсутствует и годовой план. Отсутствие планов является результатом отсутствия четкой целевой установки Отдела. Это последнее находит выражение в том, что каждая отдельная часть кабинета, отдела

(современной литературы, термино-библиографической, художественной или звучащей речи <так!>, фольклорный) живет своей самостоятельной жизнью.

Первый собирает рукописи и черновики современных писателей и пока в основе работы по преимуществу ограничивается только сбором, обработка идет очень вяло. При этом план собирания отсутствует, если не считать планом собирание исключительно рукописей авторов формалистов.

Такое же собирательской работой и также беспланово³⁷⁰ занимается термино-библиографический отдел, составляющий картотеку всей выходящей литературы по литературе и искусству.

Кабинет звучащей речи производит фонозаписи различных ораторов, писателей, поэтов, ставя себе задачей изучить на основе не содержания, а формы, способа произношения классовую принадлежность говорящего, задача по меньшей мере не выполняемая, если не сказать больше. Тут также отсутствует план.

Наиболее планомерно организована работа фольклорного кабинета, ведущего работу по собиранию фольклора, но кабинет за все время существования почти совершенно не разрабатывал собранных материалов.

Простое перечисление работ каждого кабинета показывает отсутствие какого-либо плана работы отдела в целом. Во главе каждого кабинета, также и большинство сотрудников, стоят формалисты, весьма квалифицированные, но абсолютно отрицающие в какой бы то ни было форме применение даже социологического метода в изучении литературы.

Марксистское руководство осуществлялось только формально. Коммунист тов. Назаренко плыл по течению, периодически наскакивая на формалистов на словах, но сохраняя в то же время в неприкосновенности всю их работу, без всякого контроля и направления.

Работа ЛИТО с другими отделениями Института не связана.

ИЗО

(Отдел Изобразительных Искусств)

Несмотря на то, что по написанным планам по собиранию материала работа отдела могла бы быть очень ценной, однако отсутствие планов, четкой целевой установки, недостатку марксистского руководства, работа отдела не может быть признана положительной. Стихийное собирание материалов, исторически-описательное изучение искусства в кабинете истории искусства — такова практическая работа отдела. Собранные в фототеке и диатеке материалы собираются беспланово, данными, характеризующими современность, историческая секция, которая могла играть роль руководящего центра отдела, является базой разработки методологических проблем изо-искусства, в коренном счете ничего не сделала, не дав ни одной работы, несмотря на то, что ее возглавляет также коммунист Исаков.

---

³⁷⁰ В машинописи видимо опечатка: «бесплатно» вместо «беспланово».

Связь с другими отделами, за исключением кабинета массового искусства, отсутствует, последний при изучении массовых празднеств — демонстраций, олимпиад — в некоторой части связанной с МУЗО и ТЕО.

ТЕО

(Театральный Отдел)

Ведет относительно более активную работу, всего отделом издано трудов: 24 по современному теа- и кино-искусству и 11 по истории театра. Однако, несмотря на известную продуктивность работы, необходимо и здесь указать на бесплановость, изданные работы явились результатом индивидуальных работ работников отдела, а не представляют собой результата планового направления работ отдела. Отдел, поставивший наряду с задачей изучения истории театра также и задачу изучения современного Советского театра, не связался, однако, не только с рождающимся пролетарским театром, но даже с академическими театрами, пытающимися в настоящее время найти новые способы оформления спектакля. Экспедиционная деятельность по изучению русской деревни, поставленная в плане изучения современного теа-искусства, не связано было <так!> с экспедиционной деятельностью кабинета фольклора ЛИТО.

Отдел не имеет ни одного марксиста, хотя некоторые работники пытаются искать путей применения марксистской методологии, делают в этом отношении кое-какие шаги. Бесплановость, разбросанность, обилие тем, которые пытается разработать отдел, ведет к тому, что и здесь преобладает работа собирательского характера и слабость исследовательской работы.

МУЗО

(Отдел изучения музыкального искусства)

Собрал значительное количество крупных специалистов в области музыковедения. Отдел развивался стихийно, работает без плана и руководства; каждый кабинет ведет свою работу. Направление работ, выбор тем определяется индивидуальными склонностями отдельных работников. Широкий охват вопросов и относительно слабая их разработка. Марксистов работников нет. При ряде положительных моментов необходимо признать, что работа не дает результатов. Связь отдела с другими отделами, а также учреждениями, занимающимися аналогичными вопросами, отсутствует.

5. Совместительство, как правило, охватывает почти все 100 % сотрудников не только по линии педагогической: работники ЛИТО одновременно работают в ИЛАЗВ'е (Институте по изучению литератур и языков Запада и Востока, кстати помещающегося в здании ГИИИ), работники ИЗО работают в ГАМК'е, музеях; меньше совместительства в ТЕО и МУЗО, хотя и там совместительство имеет место.

6. Аспирантура, как правило, подбиралась с курсов, ее социальный состав не удовлетворителен. Руководство слабое. Планы есть, но выполнение плана осуществляется слабо.

7. Представленный Правлением ГИИИ и утвержденный коллегией РАНМИРК'а новый план организации Института в сущности оставляет те

же ячейки, какие существуют и в настоящее время, группируя их несколько иначе. Предполагаемое разделение Института на сектора: Методологии и художественной политики, Марксисткой истории искусств, разрушает имеющееся деление по отделам. Однако лаборатории остаются в том же виде, как и в настоящее время. Стремление провести реорганизацию, опираясь на формалистов, изгнав особо злостных из них, обречено на неудачу, т. к. сохранение кабинетов в их настоящем виде сохранит и весь тон работы.

8. В Институте имелось, хотя и небольшое партийное ядро — фракция ВКП(б), однако никакого влияния этого ядра на работе Института не чувствуется, наоборот, фракция служила в конечном счете защитным цветом для процветания формализма.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Учитывая, что ГИИИ ни в настоящем его виде, ни при предлагаемой реорганизации не может выполнить задач, выдвигаемых перед искусствоведческими научно-исследовательскими учреждениями СССР, особенно в связи с ростом тяги к вопросам искусства народных масс трудящихся, дальнейшее существование Института признать нецелесообразным и **Институт распустить**.

2. Признать необходимым создать при Лен. Отд. Ком. Академии секции по изучению проблем искусствоведения.

3. Признать необходимым, чтобы вопрос об использовании имущества Института был разрешен Центральной Комиссией по чистке совместно с Президиумом ЛОКа и ГИИИ.

4. Признать необходимым лабораторию Малевича передать на производство.

5. Признать необходимым создать для т. Шолпо возможность продолжать свои работы, для чего его опытную лабораторию передать в Физико-технический институт.

6. Обратить внимание на волокиту Госфонда по приему имущества Института.

7. Констатировать полное отсутствие руководства со стороны Главнауки и Главискусства работой Института.

8. Вопрос о работе фракции членов партии в ГИИИ передать на рассмотрение парторганов.

Секретарь Центральной Комиссии /подписи нет/»³⁷¹.

Следует заметить, что Институт в летние месяцы не работал, совещаний не было, руководство и большинство сотрудников, по всей видимости, были в отпусках. Однако уже 29-м июля 1930 года датированы циркуляры из Института, подписанные замдиректора С. М. Цыпориным и зам.ученого секретаря Н. П. Извековым и разосланные уволенным сотрудникам

---

³⁷¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 283, арх. РАБИСа, оп. 2, ед. хр. 2224, л. 119—122.

Института с оповещением об этом. Такой циркуляр сохранился в фонде Эйхенбаума: «Настоящим сообщаем, что согласно постановления Подкомиссии по чистке ГИИИ от 4.07.30 г. Вы подлежите снятию с работы в Институте. Приложение: Выписка из Протокола Подкомиссии по чистке». Здесь же сохранилась и эта «выписка»: «Снять как идеологически не пригодных для руководства и подготовки кадров: Павлинову, Бернштейна, Казанского, Тынянова, Эйхенбаума, Шимкевича, Балухатого. С копией верно: Зам. Ученого секретаря Извеков»³⁷².

Исключение сотрудников прошло на первом в этом академическом году совещании Президиумов 7 сентября 1930 года. Надо заметить, что замы поторопились: из Института были действительно отчислены сотрудники, значащиеся в протоколе под пунктом «1», а именно: Казанский, Бернштейн, Балухатый, Адрианова-Перетц, Шимкевич, Суетин, Грачев, Немировский, Павлинова, Кожин (кстати список их шире, чем тот, что значится в «выписке»). Однако Эйхенбаум и Тынянов записаны в этом протоколе под пунктом «2», среди сотрудников, которые были не отчислены, а переведены «из штатных в сверхштатные работники».

В связи с этим новым институтским постановлением в тот же день (7.09.30) были разосланы официальные уведомления. Циркуляр за № 919 и за подписью того же замдиректора С. М. Цыпорина и и.о.зав. канцелярии М.П.Кулика опять же сохранился в фонде Эйхенбаума:

«Б.М.Эйхенбауму

В связи с реорганизацией ГИИИ и изменением характера и методов его работы, Вы переводитесь сверхштатным Действительным Членом с выплатой Вам двухнедельного выходного пособия, о чем и доводится до Вашего сведения»³⁷³.

Неизвестно, присутствовали или нет все перечисленные снятые и не снятые с работы сотрудники на чистках в Зеленом зале Зубовского особняка. Но одно ясно – перевод в сверхштатные сотрудники с выплатой пособия Тынянов и Эйхенбаум расценили как последнее издевательство. На следующем совещании Президиумов Секций от 13 сентября 1939 года пунктом 7 было заслушано «сообщение директора М. В. Серебрякова о том, что Б. М. Эйхенбаум и Ю. Н. Тынянов подали заявление о выходе их из числа работников ГИИИ и о том, что они отказываются от причитающегося им выходного пособия»³⁷⁴. Добровольное увольнение и отказ от пособия – последний акт свободомыслия этих «нераскаившихся формалистов» в стенах Института.

На первом осеннем совещании (4 сентября) «слушали сообщение директора о выводах Комиссии по чистке аппарата ГИИИ и о предложениях ее о персональной чистке». Судя по протоколу, Серебряков высказывает ряд

---

³⁷² РГАЛИ, ф. 1527, арх. Б. М. Эйхенбаума, оп. 1, ед. хр. 813, л. 4, 5.

³⁷³ Там же, л. 3.

³⁷⁴ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 34об.

возражений против резолюции о ликвидации Института. Вероятно, он счел необходимым указать на запоздалую критику Подкомиссией структуры Института, которой к этому времени уже не существовало³⁷⁵. Интересно, что и на этот раз Наркомпрос поддержал директора и Институт. Во всяком случае, в «Справке» о проведенной в научно-исследовательских институтах чистке имеется пункт 5: «ВОПРОС СОГЛАСОВАЛСЯ с НКПросом и Институтами. Имеется разногласие с НКП».

Приведенный выше Протокол подкомиссии поступил в Комиссию по чистке научно-исследовательских институтов Наркомпроса, возглавляемую членом ЦКК ВКП(б) Я. Я. Бауэром. Выводы Подкомиссии были почти дословно использованы в докладе тов. Тихомирова³⁷⁶ «О результатах обследования и чистки Государственного Института Истории Искусств (ГИИИ)». Дополнены они были только одним пунктом 9, который сам по себе знаменателен. Он гласил: «Политическое лицо Института в достаточной мере характеризуется тем, что процент работников, арестовываемых ОГПУ, достаточно велик»³⁷⁷.

Между тем последняя часть документа – «Постановление» по докладу Тихомирова – учитывает, но не дублирует «Предложения» Подкомиссии. Постановление это было следующим:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Коллегии НК РК РСФСР по результатам обследования и чистки Государственного Института Истории Искусства

Принимая во внимание, что Государственный Институт Истории Искусств, несмотря на происшедшие за последние годы некоторые изменения в его составе работников и в методах работы, тем не менее и по содержанию своей работы и по большей части состава своих работников не отрешился от старых традиций того времени, когда этот институт был как частное учреждение быв. графа Зубова, признать необходимым:

1. Дальнейшее существование Института нецелесообразным и Институт распустить.

2. Учитывая рост тяги к вопросам искусства широких масс трудящихся, создать при Ленинградском Отделении Коммунистической Академии секции по изучению проблем искусствоведения.

3. Поручить НКПросу РСФСР с участием заинтересованных учреждений и организаций разрешить вопрос об использовании имущества ликвидируемого Института»³⁷⁸.

Трудно сказать, когда именно был заслушан доклад Тихомирова. Но поскольку в справке о проведенных комиссией Бауэра чистках он назван

---

³⁷⁵ Там же, л. 30.

³⁷⁶ Идентифицировать этого чиновника Наркомпроса пока не удалось.

³⁷⁷ ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РК РСФСР, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 96-97об.; другую машинописную копию этого доклада см.: ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РК РСФСР, оп. 1, ед. хр. 1033, л. 291-292об.

³⁷⁸ ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РК РСФСР, оп. 1, ед. хр. 1033, л. 293.

вместе с докладом Тесленко, можно предположить что, как и доклад последнего, он прозвучал на одном из октябрьских заседаний Коллегии³⁷⁹.

Таким образом, анализ обследуемых документов по чистке свидетельствует, что бумаги проходили несколько инстанций. Сначала это были «выводы» подкомиссий по чистке и обследованию на местах, которые обсуждались в разных инстанциях (в обследуемом институте, профсоюзном органе, Наркомпросе и т. д.). На третьем этапе они заслушивались в виде докладов в Коллегии НК РКИ, где делались свои выводы, которые часто прямо совпадали с выводами подкомиссий, так что все обсуждения оказывались формальностью.

Что касается ГИИИ, то выводы о его обследовании и чистке имели и четвертый этап: они были включены в доклад Ф.А.Тесленко «О чистке и обследовании научно-исследовательских институтов НКПроса, объединяемых Ассоциацией материальной, художественной и речевой культуры». В ГАРФ'е сохранилось несколько документов, связанных с этим докладом.

Доклад Тесленко касался всех институтов, входящих в РАНИМХИРК: это были четыре московских научных учреждения (ГАХН, Институт литературы и языка, Институт археологии и искусствознания и Государственный институт музыкальной науки), а также два ленинградских (Государственная Академия Истории Материальной Культуры и ГИИИ). Доклад был заслушан на заседании Коллегии НК РКИ РСФСР 26 октября 1930 года под председательством т. Ильина³⁸⁰ как пункт 4 повестки дня, где всего стояло девять вопросов: кроме чисток и обследований институтов и музеев (в том числе Музея игрушки и Центрального бюро краеведения), в повестке дня значились и доклад об обследовании животноводческих совхозов, и вопрос о проверке выполнения Наркоматами постановления о мерах борьбы с проституцией.

В сохранившемся протоколе (№ 46) этого заседания указано, что по четвертому вопросу, т. е. на докладе Тесленко, присутствовали представители разных организаций: от Культпромобъединений ВСНХ – Красин; от Наркомпроса – Бубнов, Крупская, Эпштейн, Алексинский, Костенко, Акопян, Панфилов; от ЦКПроса – Эстрин, от ЦК РАБИС'а – Александров, от ГАХН – Оршанский; от Института Археологии – Маца, от Института языка и литературы – Динамов; от Государственного Института Музыкальной науки – Гарбузов и Шувалов, от РАНИМХИРК – Челябинов и Агапов, от ячейки ВКП(б) РАНИМХИРК – Лебедев; от Академия Истории Материальной Культуры – Марр. Однако от ГИИИ представитель

---

³⁷⁹ Речь идет о недатированной «Справке», в которой указано, что было выполнено задание по «чистке и обследованию Научно-исследовательских институтов НКПроса», среди обследованных институтов назван ГИИИ, в качестве докладчиков Тесленко и Тихомиров (ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РКИ, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 75).

³⁸⁰ Н. И. Ильин (1884 – 1957), партийный работник, член ЦКК и Президиума НК РКИ РСФСР в 1925–1934.

отсутствовал³⁸¹. По докладу постановили «Проект постановления Коллегии <...> в основном принять», но при этом «поручить Комиссии под представительством т. Кучменко, в составе тт. Тесленко, Тихомирова, Челяпова, Эстрина, Маца, Григоренко окончательно отредактировать постановление», на что было выделено 10 дней³⁸².

Сохранились «Общие выводы» из доклада Тесленко. В них с самого начала речь идет о «нецелесообразности существования РАНИМХИРК» и предлагается все московские институты «слить», а ГИИИ ликвидировать «по следующим соображениям»: чтобы избежать «вредного параллелизма» в работе, который «распыляет крайне недостаточные марксистские искусствоведческие силы», «создает вредное совместительство» и «вызывает большие лишние расходы». Далее подробно эти три аргумента муссируются и сомнительными примерами. Последний абзац этих выводов посвящен Институту: «Ленинградский Институт Истории Искусств, как дублирующий работу Московских Институтов, притом совершенно необеспеченный марксистскими научными силами искусствоведов должен быть ликвидирован с тем, чтобы при Ленинградском отделении Коммунистической Академии была создана секция по изучению проблем искусства»³⁸³.

На редактуру этого постановления вместо 10 дней ушел почти месяц: отредактированный текст датирован «20.XI.30». Изменен он оказался весьма значительно. Чистка завершалась на фоне «дела Промпартии», где действующими лицами были профессора, «главой» директор Теплотехнического института, а в обвинении (подготовка интервенции) были «задействованы» русские промышленники в Париже и эмигранты-белогвардейцы. Этот фон оказал влияние на формулировки постановления, что особенно заметно в статье Ф. А. Тесленко «Необходима коренная реорганизация научно-исследовательского дела», опубликованной сразу после редактуры постановления, где речь идет об институциях РАНИМХИРК. Здесь в характеристику научных кадров институтов включен следующий пассаж: «Ряд вредительских дел и контрреволюционной работы буржуазных специалистов и ученых, с особой яркостью выявившиеся на процессе “Промпартии”, со всей очевидностью показали, что часть научно-исследовательских институтов играла роль опорных баз буржуазно-реставраторских элементов для борьбы с советской властью»³⁸⁴.

---

³⁸¹ «Представитель Ин-та истории искусств – отсутствует» (ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РКИ, оп. 1, ед. хр. 1074, л. 216). Скорее всего представитель и не был приглашен.

³⁸² ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РКИ, оп. 1, ед. хр. 1074, л. 215-216.

³⁸³ Там же, л. 216. См. также выписку из этого протокола: ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РКИ, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 72–72об.

³⁸⁴ Научный работник. 1930. № 11/12. С. 40. В этом же номере журнала на первых страницах публикуются материалы процесса Промпартии.

В отредактированном рукописном постановлении только вскользь упоминается параллелизм с другими институтами Москвы и Академией в Ленинграде (чему посвящены были все три страницы «выводов»), но зато очень много слов высказано в адрес «вредительства» сотрудников. Все скопом эти учреждения оцениваются, как «неблагополучные» «по составу кадров и по полезности выпускаемой продукции для социалистического строительства», поскольку этот участок не «обеспечен марксистскими кадрами», «а наоборот значительное количество научных работников искусствоведов являются идеалистами, формалистами, наиболее реакционно настроенными». Через несколько строк эти работники уже названы «реакционерами, белогвардейцами, лже-научными работниками, по своему социальному прошлому помещиками, крупными чиновниками и т. д.»³⁸⁵.

Во второй части постановления, как и в «выводах», предложено: слить все московские институты (включая ГАХН) в «Академию искусства», реформировать Академию материальной культуры и уничтожить ГИИИ. О нем в пункте 5 сказано: «Ленинградский Институт истории искусств, как дублирующий работу Академии искусствознания и необеспеченный кадрами марксистов-искусствоведов, закрыть, создав в Ленинграде филиал Академии искусствознания»³⁸⁶. Вследствие этих слияний и ликвидаций РАНИМХИРК, объединявшая эти учреждения, оказалась не нужна, и ее также предложено было ликвидировать. Ассоциация была упразднена с 1 января 1931 года, а все пять входящих в нее институтов ликвидированы как самостоятельные организации³⁸⁷.

Итак, на протяжении лета-осени 1930 года Институт закрывали трижды, подкомиссией по чистке и постановлениями двух докладов по его чистке и обследованию. А если принять во внимание зимнюю «комиссию Гоникмана», то меньше чем за год вышло четыре официальных постановления о его ликвидации.

Однако на протяжении осени 1930 года институт еще агонизировал. До 21 декабря 1930 года сохранились протоколы совещаний Президиумов Секторов, из них следует, что никакой намечаемой «научной» работы в

---

³⁸⁵ Эти формулировки не только повторены в указанной выше статье Тесленко, но и усилены: «Явные контрреволюционеры, многие из которых эмигрировали, всякий хлам, выброшенный революцией в мусорную яму истории, долгие годы находил себе приют в стенах Академии <ГАХН>. То же можно сказать и об Институте Истории Искусств, во главе которого до 1925 г. стоял граф Зубов (его основатель), который соответственным образом подобрал себе состав научных работников, оставшийся в своем большинстве и по настоящее время» (Научный работник. 1930. № 11/12. С. 43).

³⁸⁶ ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РКИ, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 73–73об.

³⁸⁷ Об этом говорится в последнем, восьмом пункте «постановления»: «Предложить НКПросу вновь созданную Ассоциацию научно-исследовательских учреждений материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМХИРК) ликвидировать» (ГА РФ, ф. 406, арх. Комиссии НК РКИ, оп. 1, ед. хр. 1123, л. 74). См. также: *Стрекопытов С.П.* ГАХН как государственное научное учреждение // Вопросы искусствознания. 1997. № XI (2). С. 13 – 14.

Институте так и не было. О том, что до осени дела с налаживанием работы обстояли неблагополучно, свидетельствуют сделанные на совещании от 23 октября 1930 года отчеты по всем трем Секторам. Резолюция по их обсуждению гласит, что в Секторе современного искусства «работы не было, о чем был здесь поставлен вопрос»³⁸⁸, «чрезвычайно медлительно» разворачивается работа Сектора методологии³⁸⁹, а в Секторе истории искусства остались «в неопределенном положении с не налаженной работой кабинеты ТЕО, КИНО, МУЗО, ЛИТО и ИЗО»³⁹⁰.

С осени протоколы вновь пестрят предложениями о перестановках сотрудников внутри секторов, назначении руководителей кабинетов и их замов, идет распределение помещений³⁹¹. На заседании от 13 сентября вдруг мелькает постановление о том, что все имущество КИРХа передается в Фоно-лабораторию (которая раньше была подразделением МУЗО)³⁹². Задумываются общественные начинания. Например, планируется создание Художественно-политического совета при Институте (совещательного органа), в который должны войти рабочие от фабрик и заводов, а также сотрудники других учреждений³⁹³. Совместно с РАБИСом планируется создание курсов подготовки и переподготовки работников искусств, лекции на которых должны читать сотрудники ГИИИ³⁹⁴.

О работе за последние месяцы существования Института дает представление последний отчет «за ударный квартал с 1-го октября по 31 декабря 1930 г.», написанный, вероятно, в самом конце 1930 года. На первой же странице здесь указано: «Недостаточная опытность работников в области планирования научной работы, да и новизна задачи самого планирования научной работы не могли не наложить своего отпечатка на отчетный период, который следует рассматривать в значительной мере как продолжение реорганизационного периода жизни Института, начавшегося еще в марте 1930 г.». В качестве причин, «тормозивших» работу, указывались и работа, переведенная «совершенно на новые рельсы», и «перегрузка» руководителей – «соответствующих товарищей, по иным линиям их работы в Лен. обл. Сов. по делам искусства, на кинофабрике “Совкино” и в аппарате ГИЗа». Таким образом, работа в основном сводилась к пленарным заседаниям, устройству выставок, экскурсий, консультациям и культуроте в ленинградских художественных учреждениях и театрах, цехах заводов, Домах культуры, в Центральном райкоме, Методологическом центре затейничества, Школе профдвижения и т. д., а также к показательным вечерам с выступлением писателей «Стройки» и бригады Осоавиахима (предтечи ДОСААФ).

---

³⁸⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 40 (§ 4 протокола за это число).

³⁸⁹ Там же (§ 5 того же протокола).

³⁹⁰ Там же (§ 6 того же протокола).

³⁹¹ Там же, л. 36.

³⁹² Там же, л. 34 об.

³⁹³ Там же, л. 36 об.

³⁹⁴ Там же, л. 38.

Только в некоторых подразделениях продолжалась научная работа. Так в Кинолаборатории сотрудники бывшего ТЕО, КИНО и МУЗО еще пытались продолжать прежние экспериментальные разработки и делать доклады о кино-, звуко- и цвето- опытах, да в Фольклорном кабинете продолжалась работа по собиранию и организации изучения фольклора рабочих и городских окраин; на эти темы были сделаны доклады М. К. Азадовского, Ю. М. Соколова, Е. В. Гиппиуса. По материалам прежних экспедиций на Север руководитель Фольклорного кабинета, В. М. Жирмунский сделал доклад «Дифференциация песенного репертуара в связи с классовым расслоением в деревне». Следует особо отметить «западную группу» Исторического сектора, также сохранившую определенную долю независимости. Здесь были заслушаны доклады Н. Н. Пунина «Натурализм во французской живописи», И. И. Соллертинского «Вагнерианство на Западе», Б. А. Васильева «Китайский театр эпохи капитализма» и Н. И. Конрада «Японский театр эпохи капитализма» (последняя часть «эпохи капитализма» была уже обязательна).

Зато в «русской группе» практиковалась прежняя марксистская критика, причем теперь ей уже подвергались монографии коллег-марксистов, совсем в прежнем стиле «линчевания»: Вольпе критиковал концепцию книги Горбачева «Литература и капитализм», Острецов и Андрусский – книгу Маца «Искусство эпохи зрелого капитализма на Западе» и т. д. Как сказано в заключительной части «Отчета», работа в ударном году «велась под знаком преодоления механистического материализма, теории организованного капитализма, правой опасности в искусствознании (Маца), против меньшевистской концепции Переверзева, левых формалистских загибов (Богдановщина, Пролеткультовцы, Леф), против буржуазной идеологии формализма». В духе обязательной самокритики указывалось на необходимость «в будущем работу поставить еще на большую высоту, требуя обязательно письменных докладов, более четкой методологической и политической заостренности их»³⁹⁵.

Через три дня после того, как «Постановление» по докладу Тесенко было утверждено, т. е. 23 ноября 1930 года, в Институте на заседании Директората (так теперь называлась группа коммунистов, возглавлявших Институт – Серебряков, Малахов, Рафалович, Тоболькевич и Яновский) выступил командированный от ЛОКА Крепс с информацией о создании в Ленинграде Института истории литературы при Ленинградском отделении Коммунистической академии. При этом он высказал предложение слить ИРК и ГИИИ в Ленинградское отделение и создать подобие ГАИС. Надо сказать, что основная масса сотрудников не поддержала это предложение и только Малахов выступил со встречным предложением вообще ликвидировать ГИИИ и другие искусствоведческие Институты, кроме Ленинградского отделения Коммунистической академии. В резолюции Директората приведен

---

³⁹⁵ ГА РФ, ф. 2307, арх. Главнауки, оп. 15, ед. хр. 114, л. 27–36.

довольно странный аргумент в пользу сохранения Института: постановили «считать целесообразным сохранение в Ленинграде Института для обеспечения коммунистического руководства и влияния на приближение к марксизму» «переключающихся специалистов искусствоведов и литературоведов»³⁹⁶.

Судя по сохранившимся документам в Институте было еще два заседания Директората, где по-прежнему шла перетасовка постов. Весной 1931 года, наконец, судьба Института была окончательно решена: постановлением Совнаркома за № 436 от 10 апреля 1931 года он был слит наряду с четырьмя московскими научными учреждениями (в том числе и с ГАХН) в ГАИС. Вот этот документ, подлинник которого сохранился в фонде ГУСа:

«Об организации Государственной Академии Искусствознания и Государственного Научно-исследовательского института языка

Совет народных Комиссаров РСФСР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Государственный институт археологии и искусствоведения, Государственный институт литературы и языка, Государственный институт музыкальной науки, Государственную академию художественных наук (в Москве) и Государственный институт истории искусств (в Ленинграде), входящие в состав РАНИОН, — ликвидировать.

2. Утвердить организованные Наркомпросом на базе указанных в п<араграфе> 1 настоящего постановления институтов:

- 1) Государственную Академию искусствоведения, с соответствующими отделениями по линии отдельных видов искусства и
- 2) Государственный Научно-исследовательский институт языка.

Зам Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Т. Рыскулов
Управделами Совета Народных Комиссаров и Экономического Совета РСФСР Герасимов»³⁹⁷.

Обращает на себя внимание правка этого документа: за машинописным текстом: «1) Государственную Академию искусствоведения ГАИС» сделана рукописная приписка «с соответствующими отделениями по линии отдельных видов искусства». Итак, чиновники Совнаркома наконец поняли, что необходимо вернуться, наконец, к прежней работоспособной структуре отделов, традиционно объединявшей работу ученых по специальности, что в условиях насильственного разрушения этой структуры, которое вопреки всякому здравому смыслу и с неимоверными усилиями осуществляли институты (по требованию вышестоящих инстанций), научная работа невозможна.

---

³⁹⁶ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 47, л. 41.

³⁹⁷ ГА РФ, ф. 259, арх. Совнаркома, оп. 24, ед. хр. 4, л. 222. Опул. с небольшими вариантами: Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1931. № 18. С. 4.

Собственно здесь можно было бы поставить точку. Но может быть стоит дать несколько отрывочных сведений о перешедших в ГАИС из Института сотрудников.

8, 18 и 28 мая 1931 года Гвоздев делает здесь доклад «Формально-социологическая школа в искусствознании», предполагающий покаяние³⁹⁸.

В кратком отчете за 1 квартал 1931 года указывалось, что «тов. Макульский проявил поворот в сторону марксизма, а тов. Всеволодский-Гернгросс после критики его доклада («Социологические предпосылки крепостного театра») «признал свою методологическую беспомощность»; что тов. Извеков «занимает все еще механистические позиции»,³⁹⁹ а Гвоздев «выступил по поручению Обл. РАБИСА на общегородском митинге работников искусств и науки по поводу процесса меньшевиков»⁴⁰⁰.

На Литературоведческой секции ГАИС читаются курсы лекций, в частности Жирмунский читает курс по истории немецкой литературы XIX века. В отчете ГАИС за 1932 год он (вместе с Гвоздевым и Мокульским) оказался в числе ударников производства. Ударничество ему отчасти присваивается за то, что он «много внимания и труда уделяет учебной работе с аспирантами». Среди докладчиков на секции появляются имена будущих серьезных советских литературоведов другого поколения: Д. Е. Максимова, В. В. Гиппиуса, В. Г. Адмони, Н. Я. Берковского. Но молодых сотрудников ЛИТО ГИИИ, как и их знаменитых учителей, в списках докладчиков нет и не может быть.

Теперь наступление начинается на травивших их институтских марксистов, о чем свидетельствуют темы «методологического смотра на секторе»: «Идеализм и механицизм в эстетических и литературоведческих взглядах Аксельрода и Андрузского» или «Меньшевистские установки в работах Добрынина». Вообще ГАИС неустанно занимается «критикой буржуазных искусствоведческих концепций» (Гвоздева, Глебова), «разоблачает буржуазные и мелкобуржуазные влияния на некоторых искусствоведов-марксистов (Маца, Фриче, Луначарского, Плеханова)», Острецов делает доклад «Контрабанда троцкизма в изо-искусстве», а Ацаркина докладывает на тему «Письмо Сталина⁴⁰¹ и положение на фронтах производственных искусств». Здесь же в отчете указано, что все научные сотрудники делятся на три группы, к первой из которых относятся «старые специалисты с большим знанием материала, еще не способные обеспечить в работе проведение методологии марксизма-ленинизма, но охотно

---

³⁹⁸ ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 39, л. 154—155.

³⁹⁹ Там же, ед. хр. 40, л. 99.

⁴⁰⁰ Там же, ед. хр. 39, л. 168.

⁴⁰¹ Речь идет о письме Сталина в редакцию «Пролетарской революции».

работающие под руководством более выдержанных работников» (среди таких специалистов названы Асафьев-Глебов и Ф. И. Шмит)⁴⁰².

Итак в 1931 году Шмит назван среди «исправляющихся», а в 1932 году он будет арестован. Его злейший враг, марксист Назаренко с 1 апреля 1932 года был снят с работы за оппортунизм⁴⁰³ и вскоре арестован⁴⁰⁴. Сталинская репрессивная машина с ее тоталитарной непредсказуемостью одинаково уничтожала и желанные и нежеланные «для официоза приношения на алтарь советской гуманитарной науки»⁴⁰⁵.

---

⁴⁰² ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 3, ед. хр. 50, л. 8, 20, 21, 92, 124, 125, 130.

⁴⁰³ Там же, л. 87.

⁴⁰⁴ За эти указания благодарю сотрудника «Мемориала» Н. Г. Охотина.

⁴⁰⁵ *Тоддес Е. А.* Б. М. Эйхенбаум в 1930–50-е годы // Тыняновский сборник. Вып. 11. М., 2002. С. 582.